

В.О. БОГДАНОВА

**КОНСТРУКТИВИСТСКОЕ
ФИЛОСОФСТВОВАНИЕ:
ОСОБЕННОСТИ И СМЫСЛЫ**

МОНОГРАФИЯ

Челябинск 2015

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Челябинский государственный педагогический университет»

В.О. Богданова

**Конструктивистское
философствование:
особенности и смыслы**

Монография

Челябинск
2015

УДК 1 Ф
ББК 87.22
Б 73

Богданова В.О. Конструктивистское философствование: особенности и смыслы [Текст]: монография / В.О. Богданова. – Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2015. – 222 с.

ISBN 978-5-906777-52-2

Монография представляет собой исследование конструктивистского философствования как особой формы познания. Конструктивистское философствование рассматривается автором как специфический познавательный процесс, опирающийся на особые методологические принципы. Автор выявляет и исследует конструктивистские модели философствования в их развитии и взаимовлиянии и на основе этого выстраивает их типологию.

Для читателей, интересующихся современной философией, а также проблемами онтологии и теории познания.

Рукопись подготовлена в рамках задания № 2014/396 Министерства образования и науки Российской Федерации на выполнение государственных работ в сфере научной деятельности.

ISBN 978-5-906777-52-2

Рецензенты: В.А. Рыбин, д-р философ. наук, профессор
В.Н. Усов, д-р философ. наук, профессор

© В.О. Богданова, 2015

© Издательство Челябинского государственного педагогического университета, 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава 1. Конструктивистские модели философствования в их развитии и взаимовлиянии	14
1.1. Конструктивизм в эпистемологии: путь становления	14
1.2. Течения в философском конструктивизме	37
1.3. Конструктивистские модели философствования	58
Глава 2. Гносеологический анализ конструктивистских моделей философствования и их типология ...	135
2.1. Решающая роль субъекта познания в контексте единства мира	135
2.2. Конструктивистское понимание истинности как результата активной деятельности субъекта ...	167
2.3. Типология конструктивистских моделей философствования	184
Заключение	199
Библиографический список	203

ВВЕДЕНИЕ

Современная философия активно интегрируется в повседневную жизнь человека. Философский анализ процесса познания становится посредником между наукой и жизненным миром. Он позволяет обнаружить интенции познавательной деятельности, коренящиеся в обыденном сознании. Именно уровень повседневности, каждодневного опыта и обыденного языка является той базой, на которой выстраивается любое познавательное отношение, начиная от его простейших форм и заканчивая научным и философским познанием. Ясность, очевидность, понятность, воспроизводимость, устойчивость, универсальность и т.д. – вот те критерии, которые (естественно, после тщательного критического анализа) применимы к любой разновидности знания и являются предельными качественными характеристиками его истинности.

Во многом именно кризис фундаменталистской парадигмы в эпистемологии стал причиной появления и распространения философского конструктивизма. Развитие эпистемологии в XX веке привело к отказу от основных положений объективизма, а именно – рассмотрения познания как процесса пассивного отражения действительности, наличия принципиальной оппозиции между субъектом и объектом (внешним миром).

Признание решающей роли субъекта неклассической эпистемологией поставило под сомнение репрезентативный характер познания и расширило понимание знания. Теперь представление о знании больше не соотносится

с объективной действительностью «самой по себе», знание сопрягается с собственной онтологией реальности субъекта, поэтому само понятие объекта интерпретируется как производное не столько от внешнего мира, сколько от активной деятельности субъекта. Субъект конструирует объект как некий условный (гипотетический) компонент структуры своего жизненного опыта. Отказ от разделения субъекта и объекта в познании приводит к рассмотрению их в качестве единой системы, в которой они взаимно определяют друг друга. Все это явилось причиной возникновения новых подходов к проблемам онтологии и теории познания, одним из которых стал конструктивизм.

Конструктивизм, отвечающий духу времени, приобретает все большую актуальность, это связано с изменением отношения общества к науке. Современное общество перешло от классического к неклассическому пониманию науки. Наука лишается какой-либо исключительности по сравнению с другими формами познания, научное знание является продуктом определенной социокультурной среды, а поэтому уже не может претендовать на абсолютную истину. Научная истина пересматривается с точки зрения прагматики языка, опыта и культурно-исторических смыслов. Наука является областью культуры, поставленной задачей, позволяющие адаптироваться к социальной и культурной жизни, приносящие индивиду конкретную пользу.

В различных сферах науки и направлениях философии сейчас можно обнаружить ярко выраженные конструктивистские тенденции. В отечественной и зарубежной

философии значительно возросло число публикаций, связанных с анализом конструктивистского философствования, в связи с этим становится актуальной следующая исследовательская проблема: *отвечая требованиям современной науки, дать обоснование конструктивистскому философствованию как особой форме познания.*

Любая познавательная деятельность субъекта, любой жизненный опыт представляют собой конструкт (когнитивную структуру). Познавательный процесс нельзя рассматривать как дихотомию «правильно-неправильно». «Правильных» или «неправильных» когнитивных структур не существует. Именно эти структуры, в большей степени, чем сама действительность, определяют, как происходит интерпретация окружающего мира субъектом, каким значениям ему следует наделять собственное поведение и переживания. Следовательно, к познавательному процессу скорее применима дихотомия «полезно-вредно» для субъекта как биосоциокультурного существа, включенного в систему отношений с реальностью (систему обратной связи). Познавательный процесс представляет собой постоянную «настройку» этой системы отношений. Всякое знание принципиально гипотетично. Истинное знание представляет собой систему гипотез, наиболее благоприятствующих функционированию системы обратной связи.

Первые модели философствования конструктивистского характера можно обнаружить у философов Древней Греции. Ксенофан и Протагор одними из первых поставили под сомнение возможность истинного (объективистского) знания. Во многом близкими к конструктивизму

были модели философствования античных скептиков Пиррона, Секста Эмпирика. Конструктивистские идеи мы можем найти и у философов Нового времени, например, у Р. Декарта. Рассматривая человека как «мыслящую субстанцию», он пришел к выводу, что *Cogito* является основой для конструирования всей системы знаний о мире. Дж. Вико в духе конструктивизма рассматривал «истину как сотворенное»: человеческий разум познает только те вещи, которые прошли через опыт, но сам опыт конструируется на основе уже имеющихся знаний.

Однако фундаментом формирования и развития конструктивистских идей стал априоризм И. Канта. У Канта, как и в современном конструктивизме, познающий субъект рассматривается в качестве «всеобщего законодателя», а мир выступает проекцией его творчества. В процессе познания субъект имеет дело только с феноменологической действительностью, формирует систему знаний не по законам природы, а по законам собственного разума. Подобно учению Канта об априорных формах и «схематизмах» синтетического единства явлений в понятиях, в современном конструктивизме аутопоэзные системы также характеризуются информационной замкнутостью, то есть все «внешние» воздействия переводятся во «внутренние» состояния активности и согласованности системы.

Существенное влияние на становление и развитие конструктивизма оказали работы феноменологов Э. Гуссерля, М. Мерло-Понти, А. Шюца, П. Бергера, Т. Лукмана, Н. Лумана, К. Гегена, Р. Харре, П. Бурдьё и др. Э. Гуссерль раскрывает мир феноменов во всем многообразии

их свойств и проявлений, а также возможности познания феноменального. М. Мерло-Понти в своих трудах поднимает проблему «тело-сознание», рассматривает тело как средство конструирования реальности познающим субъектом. Теоретиками социального конструктивизма можно считать авторов работы «Социальное конструирование реальности» П. Бергера и Т. Лукмана. Данное течение конструктивизма рассматривает механизмы создания людьми социальных феноменов, которые превращаются в традиции. Н. Луман воспринимает общество как социальный конструктор, который обладает свойствами самоорганизующихся систем, способных к изменениям через коммуникацию. Любое знание в рамках социального конструктивизма рассматривается как результат социальных взаимодействий.

Конструктивные возможности познания, генезис и развитие когнитивных структур раскрываются в концепциях эволюционной эпистемологии К. Лоренца, Г. Фоллмера, генетической эпистемологии Ж. Пиаже, Л. С. Выготского, радикального конструктивизма Э. фон Глазерсфельда, У. Матураны, Ф. Варелы, Г. Рота, Х. фон Ферстера, П. Вацлавика и др. Основное положение их концепций заключается в том, что познание есть не репрезентация окружающей действительности, а активный и прежде всего адаптивный процесс конструирования реальности познающим субъектом.

В работах Ф. де Соссюра, Б. Рассела, Л. Витгенштейна, Р. Барта, Ж. Дерриды, Ж. Делеза, Ж. Лакана и др. знаковая система (язык, текст) рассматривается как универсальный «конструктор» мышления индивидов и общества

в целом. Использование символов приводит к субъективации реальности, поскольку человек сам порождает значения символов на основе личностных смыслов и установок общественного сознания. Субъективация реальности приводит к множеству ее интерпретаций. Проблема множественности реальности раскрывается также в работах Э. Кассирера, Н. Гудмена, Ю. Хабермаса, Г. Абеля, Г. Ленка, Дж. Келли, В.Ф. Петренко и др. Субъект создает версию мира в соответствии с установленными правилами, определенной теоретической системой или устойчивыми выработанными в процессе коммуникации личностными конструктами, поэтому истинное знание соотносится с определенной формой культуры, к которой оно принадлежит.

В структурной антропологии К. Леви-Стросса в качестве базовых конструктов мышления рассматриваются универсальные структуры сознания, выявленные на основе сравнения культурных феноменов разных народов. К.Г. Юнг в качестве таких когнитивных структур рассматривает врожденные психические структуры – архетипы, на основе которых формируются разные пласты реальности: представления повседневности, религии, мифологии, лежащие в основе целостной картины мира.

Проблемам построения абстрактных математических объектов посвящены исследования в русле логико-математического конструктивизма (Г. Фреге, Б. Рассел и А. Уайтхед, Р. Карнап и др.). Предложенный ими принцип «логического атомизма» широко используется в естественных и гуманитарных науках в процессе «конструирования» базовых понятий путем дефиниций.

Логико-математический конструктивизм дал толчок к возникновению методологического конструктивизма, который получил свое развитие в работах представителей Марбургской и Эрлангенской школ неокантианства. Философы разработали новую систематику форм суждений как конструктов реальных наук. В отечественной философии науки методологический конструктивизм получил развитие в рамках парадигмы «деятельностного подхода» в исследованиях Г.П. Щедровицкого, А.Н. Леонтьева, Э.В. Ильенкова, В.П. Зинченко, М.А. Розова и др. Мир познается в процессе деятельности, фактически человек изучает не внешнюю реальность, а свой опыт конструирования действительности.

В современных отечественных философских исследованиях детальное обоснование получает идея обусловленности знания когнитивными структурами сознания, на основе которых создаются модели реальности. К современным отечественным философам, занимающимся проблемами конструктивистской методологии, рассмотрением течений конструктивизма и выявлением их общих черт, относятся И.Т. Касавин, Е.Н. Князева, В.А. Лекторский, В.С. Степин, Б.И. Пружинин, Л.А. Микешина, О.Е. Баксанский, С.А. Цоколов, А.М. Улановский, Н.М. Смирнова, М.В. Смагина, А. А. Побережный, Н. Н. Плужникова и др.

Следует отметить, что в целом в отечественной философской литературе исследование конструктивистских моделей философствования носит фрагментарный характер, конструктивизм не рассматривается как целостное направление. До настоящего времени так и не выработано

четкое определение понятия «конструктивизм», не обобщены его основные положения, не создана приемлемая типология конструктивистских моделей философствования в их развитии и взаимовлиянии, а существующие классификации философского конструктивизма либо лишены единого основания, либо являются далеко не полными.

Таким образом, объектом нашего исследования является конструктивистское философствование как специфический познавательный процесс, опирающийся на особые методологические принципы. Предметом исследования являются конструктивистские модели философствования в их развитии и взаимовлиянии. Цель исследования: выявить характерные черты конструктивистского философствования как особой формы познания и построить типологию конструктивистских моделей философствования.

Данная цель конкретизируется в следующих задачах:

1) рассмотреть путь становления конструктивистского философствования как особой формы познания и выявить его методологические принципы;

2) рассмотреть основные течения философского конструктивизма;

3) выявить и проанализировать конструктивистские модели философствования в их развитии и взаимовлиянии;

4) дать обоснование специфического понимания субъекта, субъектности с точки зрения конструктивистских моделей философствования;

5) дать обоснование специфического понимания истинности с точки зрения конструктивистских моделей философствования;

б) разработать типологию конструктивистских моделей философствования с учетом их развития и взаимовлияния.

Методологической основой нашего исследования является синтез основных философских подходов: феноменологического, герменевтического и диалектического. В центре нашего внимания находится сама познавательная деятельность – философствование как онтогенетический процесс. Выявление особенностей конструктивистского философствования и его инвариантов (*конструктивистских моделей философствования*) осуществлялось с помощью методов феноменологической редукции и онтологической герменевтики. Диалектический метод позволяет на основе общего (реальности «в-себе») и частного (когнитивного конструкта) осознать то, что является реальностью *для-субъекта*. Реальность *для-субъекта* не тождественна объективной действительности, она лишь раскрывает функциональные отношения с «внешней» действительностью, формирующиеся с помощью когнитивных конструктов.

Особенности конструктивистского философствования выявляются нами на основе системно-информационный подхода, суть которого в том, что реальность рассматривается как совокупность информационных процессов, а субъект – как когнитивная система, которая приобретает, преобразует, репрезентирует, хранит и воспроизводит информацию. Параметры когнитивных структур субъекта можно описывать множеством способов. Используемый нами синергетический подход дает всем этим способам единое основание – субъект есть самоорганизующаяся

открытая система. Конструктивизм (особенно в его радикальной форме) имеет много общего с кибернетикой и синергетикой, поэтому в работе используются методологические принципы данных наук.

Данное исследование стало возможным благодаря поддержке в форме грантов Министерства образования и науки Российской Федерации, оказанной в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 годы» (государственный контракт № 14.740.11.1313 от 20 июня 2011 г. по теме «Конструктивистские модели философствования: гносеологический анализ») и государственного задания № 2014/396 на выполнение государственных работ в сфере научной деятельности по теме «Эвристический потенциал идей философского конструктивизма в теории и практике современного образования». Хочется выразить благодарность своим коллегам – сотрудникам научно-исследовательской лаборатории «Философские проблемы образования и науки», функционирующей при кафедре философии и культурологии Челябинского государственного педагогического университета – действенная помощь которых ощущалась на всех этапах проводимого автором исследования.

ГЛАВА 1. КОНСТРУКТИВИСТСКИЕ МОДЕЛИ ФИЛОСОФСТВОВАНИЯ В ИХ РАЗВИТИИ И ВЗАИМОВЛИЯНИИ

1.1. Конструктивизм в эпистемологии: путь становления

Теоретические модели конструктивизма являются неотъемлемыми элементами современной эпистемологии. Изначально конструктивизм представлял собой метод или подход, который применялся представителями разных философских школ для прояснения структур сознания и способов познания, но затем он оформился в отдельное философское направление.

Само понятие «конструктивизм» не имеет однозначного определения, так как может быть отнесено к разным областям человеческой деятельности. Например, весьма распространена трактовка конструктивизма как особого стиля в искусстве и архитектуре первой половины XX века. Сам термин «конструктивизм» был впервые употреблен в 1915 г. В. Татлиным. По мысли Татлина, суть конструктивистского стиля в искусстве состоит в создании и связывании им самим произведенных символов, которые не указывают на другую (высшую) реальность, а репрезентируют только сами себя [56, с. 7]. Конструктивистское искусство проявлялось в создании новых способов проектирования

пространства в свете представлений индустриальной эпохи. В архитектуре приоритет отдавался конструкциям из бетона, стекла и железа, плавные линии заменялись геометрическими формами [138, с. 89] и т.д.

Конструктивизм в эпистемологии, несомненно, родственен по духу конструктивизму в искусстве. Однако нам представляется, что тенденции философии конструктивизма наметились гораздо раньше возникновения данного направления в искусстве. Скорее всего, конструктивизм в искусстве явился своего рода внешним, поверхностным проявлением тех глубинных изменений, которые произошли в духовной жизни общества конца XIX – начала XX века, выразителем которых явилась позитивистская и неопозитивистская философия, с одной стороны, и феноменология – с другой. В этом контексте под конструктивизмом следует понимать широкое направление в эпистемологии, в основе которого лежит «представление об активности познающего субъекта, который использует специальные рефлексивные процедуры при построении (конструировании) образов, понятий и рассуждений» [51, с. 144]. Понятно, что в рамках такой широкой интерпретации практически любая познавательная деятельность является конструированием. Философским исследованием такого рода конструирующей функции сознания занимается прежде всего феноменология, с точки зрения которой, конструирование/конституирование представляет собой «специфическую способность сознания не столько воспринимать мир, сколько активно воссоздавать его в себе, из себя и для себя» [122, с. 133]. В процессе конструирования

сознание всегда активно и продуктивно, оно целиком и полностью погружено в непрерывный поток «интерпретаций» действительности. Под интерпретацией в этом контексте следует понимать деятельность сознания по созданию тех или иных конструкций, «схематизмов», начиная от восприятий и представлений и кончая понятиями «чистой» логики. Таким образом, конструирующая интерпретация в самом широком смысле несет в себе «организующие, структурирующие, формирующие и наглядно образные аспекты миропонимания и самосознания» [51, с. 145].

Однако объектом нашего исследования является конструктивистское философствование как форма познания, а не конструктивизм как направление эпистемологии. Под конструктивистским философствованием понимается философствование, которое исходит из онтологизации субъекта и его познавательных структур. Конструктивистское философствование базируется на активности познающего субъекта, создающего адаптивные конструкции чувственного и рационального опыта. С точки зрения конструктивистского философствования реальность «в-себе» не открыта для познания, поэтому правомерно говорить лишь о реальности «для-субъекта». Познание осуществляется не посредством «отражения» реальности, а посредством конструирования значимых для субъекта моделей реальности. Однако моделирование мира субъектом не является односторонним и произвольным: оно проходит через биологические и социокультурные «фильтры».

В результате анализа работ зарубежных и отечественных исследователей, посвященных проблематике

конструктивизма, можно выделить основные методологические принципы, на которых базируется это эпистемологическое направление:

1. Познание с точки зрения конструктивизма – это, скорее, процесс создания конструкций феноменологической действительности, мира опыта субъекта, нежели отражение внешнего мира. Познание представляет собой процесс выстраивания проектно-конструктивных отношений с миром.

2. Познание представляет собой скорее процесс субъективации, нежели объективации действительности. Сознание в силу субъективации познавательного процесса наделяется в конструктивизме онтологическим статусом, т.е. выступает в роли «первой» и «последней» инстанции. Имманентные сознанию когнитивные конструкты могут быть обнаружены и исследованы не напрямую, а только опосредованно через познаваемое.

3. Субъективация действительности обусловлена единой системой взаимно определяющих и взаимно отсылающих друг к другу конструктов: априорных форм сознания, архетипов, устойчивых познавательных привычек, парадигм, социокультурных установок-«предрассудков», структур языка, социокультурных знаков, символов, текстов и т.д. В системе этих конструктов могут быть выявлены как особенности субъекта познания, так и особенности структурирования окружающего мира.

4. Генезис когнитивных структур обусловлен адаптивной функцией познания, обеспечивающей приспособление и выживание организма. Поэтому, с точки зрения

конструктивизма, ценность познания определяется его жизнеспособностью, прагматикой языка и деятельностной направленностью, служащей интересам субъекта. Когнитивные структуры дают возможность предсказаний, предвосхищения и применения результатов опыта в будущем.

5. Когнитивные структуры обеспечивают устойчивость жизненного опыта субъекта и, как следствие, – устойчивость структур «внешнего» мира, опосредованных данным опытом.

Данные, характерные для современного конструктивизма, методологические принципы позволяют обнаружить конструктивистские тенденции в концепциях многих философских школ и направлений как прошлого, так и современности, что дает нам возможность говорить о неких универсальных конструктивистских моделях, которые были свойственны философствованию всегда. Поэтому нам отчасти близка позиция А.М. Улановского, который предлагает относить к конструктивизму те теории из области философии, психологии, социологии, которые поддерживают идеи о конструктивной природе познания, его языковой и культурной обусловленности, а также опосредованности познания и понимания мира с помощью индивидуальных *конструктов*, сформированных в онтогенезе [137, с. 36]. При всей расплывчатости и неточности данного определения для нас в нем имеет первостепенное значение само понятие «конструкт». Улановский отмечает, что в самом общем смысле «конструкты – это способы истолкования мира, своеобразные классификационно-оценочные шаблоны, которые человек создает для предсказания событий и через которые

он воспринимает мир» [137, с. 37]. По поводу этого возникает целый ряд проблемных вопросов: какова природа конструктов? Каков их генезис? В каком отношении к действительности они находятся? Какое влияние на их формирование оказывают внешние (средовые) и внутренние (онтогенетические) условия? Как конструкт проявляет себя в познании? В чем проявляются его объективные и субъективные стороны? На каких конструктах базируется различные виды познавательной деятельности, включая само философствование?

Для ответов на данные и смежные с ними вопросы необходимо рассмотреть культурно-исторические предпосылки зарождения и становление конструктивистского философствования.

Первые конструктивистские модели философствования можно обнаружить уже в античной философии. Характерный переход от мифа к логосу, осуществленный античной философией, мы не рассматриваем как необратимое событие, которое произошло в определенный момент истории или, говоря более конкретно, во времена первых философов. Можно предположить, что мифическое и логическое постоянно переплетались и переплетаются и в истории человечества, и в жизни отдельного индивида. Иными словами, переход от мифа к логосу относится к числу задач, которые неизменно возникают перед каждой эпохой и каждой личностью, решившей погрузиться в философствование. Философствование в своей первоначальной (наивной) форме не только не является, но и не может быть простым обобщением ни обыденного,

ни мифического, равно как и всех других способов познания универсума. Напротив, оно само лежит в основе всякого рода познания (в том числе мифического), сосуществуя с ним, направляя и интерпретируя его [10, с. 21 – 22]. Утверждая такого рода априоризм как возможность получения доопытного и независимого от опыта знания, мы не имеем в виду нативизм. Априоризм, конечно, предполагает существование независимого от внешнего опыта источника знания, но таким источником является, на наш взгляд, *само мышление*, а именно – особая творческая способность сознания к конструированию абстрактных (мысленных) «объектов» и их систем. Как и все другие способы познания, философствование начинает свое движение с субъективной предпосылки, т.е. определенного предмета. Если для других способов познания предметом является, как правило, эмпирическое восприятие окружающего мира, то философия имеет свой предмет в самом сознании человека. Она делает предметом мышления само мышление. Тем самым у философии иная отправная точка процесса познания, она относится лишь к субъекту, т.е. человеку, который принимает решение начать философствовать.

Уже многие высказывания досократиков свидетельствуют о зарождении сомнений в познаваемости «мира в себе», наводящих на мысль о возможности конструирования «мира субъектом для субъекта». Об относительности процесса познания пишет Ксенофан: «Недоступна человеку и никогда не была доступна истина о Боге и мире; даже тогда, когда человек набредает на абсолютную истину, сам узнать об этом он не может. Лишь видимость суждена

нам» [25, с. 68 – 69]. Ксенофан один из первых философов, кто поставил под сомнение возможность истинного знания в смысле адекватности (корреспонденции). В истории философии Ксенофану большинством исследователей отводится место одного из предтеч скептицизма: «Гносеологические высказывания Ксенофана – первая в истории греческой мысли постановка вопроса о возможности и границах познания» [139, с. 292]. Ограниченность в познании Ксенофан видит в неспособности выйти за пределы культурного и личного опыта: «Если бы у коров, лошадей или львов были руки, которыми они могли бы, подобно людям, рисовать или создавать свои произведения, то лошади рисовали бы лошадеподобные, а коровы – коровоподобные изображения богов, создавая при этом такие образы, которые имеют сами... Эфиопы представляют себе своих богов чернокожими и с курносими носами, фракийцы же, напротив, – голубоглазыми и рыжеволосыми» [147, с. 41].

Знаменитый философ-софист Протагор, высказывает схожие мысли о субъективации любого познавательного опыта: «Мера всех вещей – человек. Существующих – что они существуют, а несуществующих – что они не существуют» [147, с. 41]. Бытие существует только относительно субъекта, познающего мир, отдельно оно не может проявляться. Познающий субъект создает из своих представлений об окружающей действительности некую мозаичную картину, конструирует бытие самого сознания и переносит его характеристики на окружающий мир. Один из представителей так называемого «радикального конструктивизма» в современной эпистемологии Э. фон Глазерсфельд

комментирует слова Протагора следующим образом: «Как мы могли бы сказать сегодня, видение мира человеком неизбежно остается человеческим. До тех пор, пока мы не придем к некоей форме прямого мистического откровения, все, что бы мы ни называли знанием – наши идеи и концепции, всякого рода связи между ними, наши представления о себе и мире, – будет оставаться человеческими в силу того, что способ, которым мы все это породили, – это наш способ, и мы таким образом, нравится нам это или нет, ограничены человеческим» [147, с. 41].

Существенный вклад в развитие положений конструктивизма внесли приверженцы скептицизма. Тесные связи этих двух направлений настолько крепки, что некоторые исследователи (например, Б.И. Пружинин, С.А. Цоколов) считают, что конструктивизм является одной из разновидностей скептицизма. «Истины ради следует отметить, – пишет С.А. Цоколов, – что традиции скептицизма в философии настолько глубоки и значимы, что скорее не скептики являются предтечами конструктивизма, а конструктивизм является разновидностью современного скептицизма» [147, с. 41]. На наш взгляд, с этим утверждением следует согласиться лишь в том контексте, что современный философский конструктивизм, несомненно, уходит своими корнями в давнюю философскую традицию, к которой принадлежит, в частности, и скептицизм. Однако для нас существенным является то, что конструктивистские модели философствования начинают проявлять себя в самые ранние периоды истории философии. Тем самым можно проследить некую преемственность,

своего рода «духовную эстафету» конструктивистских моделей, смысловое наполнение которых на протяжении истории философии становится все более полным и содержательным.

Скептицизм, как известно, представляет собой древнегреческое учение, впервые теоретически обоснованное Пирроном из Элиды в конце IV в. до н.э. Под скептицизмом понимается философское направление, подвергающее сомнению возможность познания реальности или какого-то ее фрагмента [87, с. 914]. Скептики утверждают, что полное абсолютное знание недоступно человеку, любые знания опираются на недоказуемые предположения, а чувственные методы получения знаний не дают несомненных результатов: «Если же вещи непознаваемые, то все суждения о них, как утвердительные, так и отрицательные, являются истинными и ложными одновременно, то есть все можно с равным правом доказать или опровергнуть» [9, с. 146]. Позиция Пиррона из Элиды о том, что человек ничего не знает о вещах, поэтому правильной будет воздерживаться от суждений о них, отражена в его изречении «безмолвие – самая правильная философия» [87, с. 914].

Важнейшим источником для изучения его теории и работ других скептиков является труды Секста Эмпирика. Собственно Секст Эмпирик и является автором самого термина «скептицизм». Он определил его как «... искусство противопоставлять друг другу любые мыслимые (кажущиеся) предметы, что в результате именно благодаря противоречивости вещей и аргументов приводит нас вначале к сдержанности в суждениях, а затем – к обретению

душевного покоя» [119, с. 208]. Секст Эмпирик, как и Пиррон, призывает воздерживаться от поспешных суждений, достигать такого состояния ума, при котором «мы ничего не отрицаем и ничего не утверждаем» [119, с. 209]. Через это состояние можно почувствовать невозмутимость, безмятежность и спокойствие души, т.е. некую чувственную и интеллектуальную гармонию. Идея Секста Эмпирика о том, что в процессе опыта индивид получает представления о явлениях, уводящих от реальных объектов, сближает его учение с положениями радикального конструктивизма: «...мы не отбрасываем того, что мы испытываем вследствие представления и что невольно ведет нас к его признанию. Но это и есть явление. Также, когда мы сомневаемся, таков ли подлежащий предмет, каковым он является, мы этим допускаем, что он является. Ищем же мы не это явление, а то, что говорится о явлении, и это отличается от искания самого явления» [119, с. 211]. Обоснование позиции об относительности познания наиболее подробно изложено Секстом Эмпириком в системе тропов.

Как известно, в Средневековье критическая и исследовательская составляющие эпистемологии философствования в большой степени сковываются и ограничиваются нормативным характером аристотелевской логики. Яркое выражение средневекового философствования – схоластический спор, диспут [47, с. 1059]. Дело в том, что в обосновании убеждений становятся господствующими концепции фундаменталистского типа. Они исходили из того, что знание должно иметь то, что может быть названо «основаниями». В качестве такого рода оснований среди

возможных убеждений философы пытались выделить некоторый ограниченный класс «эпистемически базисных» положений, имеющих определенного рода «эпистемически привилегированный» статус. При этом предполагалось, что базисные убеждения не нуждаются в дополнительном обосновании, они являются самоочевидными. Все остальные убеждения получают свое обоснование посредством той или иной процедуры сведения к базисным убеждениям.

Возрождение и Просвещение ознаменовали в философовании пробуждение интереса к эмпирическому знанию, меняется представление о месте и назначении знания в общей картине мира. С одной стороны, получает развитие эпистемологический экстернализм, т.е. при обосновании убеждений возможно и желательно использовать не только внутреннее состояние носителя убеждений, но и дополнительные внешние факторы. С другой стороны, философская рефлексия все больше обращается к субъекту и его познавательным способностям. Актуализируется понятие сознания как индивидуальной способности и действительности существования концептов. Причем термином «философия» эти и другие мыслители «наивно» обозначали, по сути, *свое мировоззрение*, т.е. совокупность естественнонаучных, моральных и политических воззрений, как правило основанных на «здравом смысле», подпитанном рационализмом и сенсуализмом.

В этом плане ключевой фигурой в предыстории конструктивизма можно считать Р. Декарта с его методологическим принципом интуитивного радикального сомнения.

Знание о мире можно систематизировать лишь при условии, что оно будет опираться на очевидное и достоверное утверждение, которое мы получим, преодолев все сомнения. Таким утверждением Декарт считал суждение «я мыслю, следовательно, существую» (cogito, ergo sum) [33, с. 174]. Таким образом, вся «внешняя» материальная действительность может быть с легкостью подвергнута сомнению, кроме процесса мышления субъекта, который к тому же провозглашается Декартом «мыслящей субстанцией» (cogito), т.е. по сути, наделяется онтологическим статусом. Cogito неделимо и открыто нам непосредственно, тогда как материальная субстанция делится на части, раскрывается опосредованно. В отличие от скептиков Декарт придерживался принципа гносеологического оптимизма, согласно которому, «конструктивистские» возможности познания безграничны.

Дж. Вико в первой половине XVIII века предвосхитил некоторые ключевые идеи социального конструктивизма. Вико пытался найти компромисс между христианским учением и рациональным знанием. Он был убежден, что миром правит Бог, и он (Бог) является носителем истинных знаний о мире. Человеческий разум в состоянии познать только те вещи, которые изготовлены из доступного для него материала – материала опыта. Субъект составляет свое знание из элементов. Таким образом Вико недвусмысленно утверждал, что наше рациональное знание конструируется нами самими в континууме индивидуального и общественного опыта [2, с. 152].

Конструктивистский стиль философствования присущ и эмпирической философии XVIII века. Наиболее яркий

пример – Дж. Беркли. Лишая материю онтологического статуса, Беркли пришел к утверждению, что проявление качеств объектов обусловлено исключительно восприятием субъекта. Все предметы окружающего мира – это результат восприятия наших органов чувств. Человек выстраивает представления о мире, исходя из своей чувственной организации, он субъективирует вещный мир, пропуская его сквозь свое сознание: «существуют лишь вещи воспринимающие и вещи воспринимаемые» [6, с. 330]. Беркли выступает против различения первичных и вторичных качеств предметов. Философ считает, что все качества вещей вторичные, так как их бытие целиком сводится к способности быть воспринятыми. Первичные и вторичные качества одинаково субъективны и не раскрывают объективную суть предметов. Эти качества существуют только в сознании человека, поэтому в существовании материальных объектов можно легко усомниться. Идея о материи ничего не прибавляет к свойствам вещей сверх того, что дает нам о них чувственное восприятие. Однако представления о вещном мире «самом по себе» существуют в умах людей лишь благодаря тому, что с точки зрения современной феноменологии определяется как «интерсубъективность жизненного мира». Беркли же в качестве такой «интерсубъективности» рассматривал совокупность идей божественного сознания, с которыми связан и наш индивидуальный разум.

Еще одной «знаковой» фигурой в предыстории конструктивизма является Д. Юм. Философия Юма содержит в себе конструктивистскую идею об огромной силе и значении

устойчивых познавательных привычек (как индивидуальных, так и социальных). В IV главе «Исследования о человеческом разумении» Юм высказывает сомнения относительно эффективности каузальной модели познания. «Нужно сознаться, – пишет он, – что природа держит нас на почтительном расстоянии от своих тайн и предоставляет нам лишь знание немногих поверхностных качеств объектов, скрывая от нас те силы и начала, от которых всецело зависят действия этих объектов» [154, с. 43]. Разум человека, несмотря на свое незнание сил и начал природы, стремится найти сходные чувственные качества явлений, происходящих в разное время, и ожидает, что они приведут к однородным действиям, которые воспринимались им раньше.

Все признают, отмечает Юм, что не существует никакой известной причинной связи между явлениями. Человек может получить достоверные сведения только относительно тех объектов и того периода времени, которые были охвачены в данном опыте. Но почему этот опыт распространяется на будущее время и на другие объекты, которые могут быть подобны первым только по виду? Ведь если допустить, что «природа дана нам только раз», что порядок природы может изменяться, то прошлое может перестать служить правилом для будущего, и всякий опыт становится бесполезным и не может давать повода к какому-либо выводу. Поэтому доказать сходство прошлого с будущим с помощью каких бы то ни было аргументов из предыдущего опыта невозможно, коль скоро все эти аргументы основаны на предположении такого сходства.

Допустим, пишет Юм в V главе «Исследования», что человек, наделенный в высшей степени сильным разумом и способностью к размышлению, был бы перенесен в этот мир внезапно; он определенно тотчас же заметил бы постоянное следование друг за другом объектов и событий, но не был бы в состоянии открыть что-либо помимо этого. Он не мог бы с помощью какого бы то ни было умозаключения сразу дойти до идеи причины и действия, поскольку частные силы, производящие все действия в природе, никогда не открываются чувствам, а из того, что одно явление в единичном случае предшествует другому, неразумно выводить заключение, что одно из них – причина, а другое – действие. Их соединение может быть произвольным и случайным; возможно, нет никакого основания делать заключение о существовании одного события при появлении другого. Словом, такой человек без последующего опыта никогда не мог бы соотнести свои предположения или рассуждения с фактами или быть уверенным в чем-либо помимо того, что непосредственно встает в его памяти или же воспринимается его чувствами.

Отсюда Юм делает вывод о том, что существует какой-то иной («конструктивистский») принцип, приводящий к данному заключению. В качестве такого принципа Юм рассматривает *привычку* или *навык*, которые вызывают повторение какого-либо поступка или действия независимо от рассуждений или познавательного процесса.

Еще к одной ключевой конструктивистской идее можно отнести идею о том, что наше Я как сознание и самосознание отнюдь не бессодержательно в абсолютном

смысле. На изначальную (априорную) структурированность сознания указывали многие философы, но с особой силой это сделал И. Кант, развив свое учение об априорных формах чувственности, рассудка и разума. Для нашего исследования значимо то, что после Канта уже невозможно говорить о «чистом» объективном знании и о бес субъектности любых способов и результатов познания. Объективно существующую реальность («вещь в себе») невозможно в принципе «видеть» без соответствующих «очков сознания». Структура сознания при этом имеет собственную, независимую от объекта познания, природу.

И. Кант – один из первых философов, кто выявил эту предопределенность знаний. Формирование тех или иных познавательных конструкций предопределено самой организацией познающего субъекта. Сама организация, в свою очередь, обусловлена не столько его индивидуальными телесно-психическими особенностями, сколько трансцендентальными мировоззренческими установками.

Канта можно с полным правом именовать предтечей современного конструктивизма. Именно априоризм Канта можно рассматривать как своего рода фундамент формирования и развития конструктивистских идей в философии познания.

Благодаря «коперниканскому повороту» Канта новоевропейская философия получила возможность отойти от созерцательного объективизма и сделать акцент на активной роли субъекта в познании. Познающий субъект в философии Канта впервые становится всеобщим законодателем, мир выступает проекцией его творчества. Эта ключевая

мысль гносеологии Канта является главным идейным достоянием конструктивизма – познание есть активный процесс конструктивной деятельности субъекта [56, с. 15]. Человек посредством разнообразных когнитивных операций конструирует свое знание о мире и о себе, которое станет определяющим в формировании его жизненного опыта. Согласно философии Канта, человек не может познать *вещи в себе*, в процессе познания он сталкивается с явлениями или феноменологической действительностью, которые служат материалом для опыта. Человек упорядочивает мир опыта, формирует систему знаний не по законам природы, а по законам собственного разума: «...высшее законодательство природы должно находиться в нас самих, т.е. в нашем рассудке <...> мы должны искать не всеобщие законы природы из (самой) природы, посредством опыта, а, наоборот, природу в согласии с ее всеобщей закономерностью – только из условий возможности опыта, лежащих в нашей чувственности и в нашем рассудке» [49, с. 79]. Поэтому между вещами в себе и явлениями не может быть тождества, но они связаны друг с другом процессом преобразования реальности, который осуществляется сознанием индивида.

В качестве еще одной «точки соприкосновения» современного конструктивизма с философией Канта можно считать представление о «формах» познавательной активности субъекта как базовых конструкциях сознания, задающих «схематизмы», которые обеспечивают возникновение синтетического единства явлений для формирования рассудочного понятия. С точки зрения современного конструктивизма

и согласно воззрениям Канта, основу познания образуют конструкции или априорные формы чувствительности, рассудка, разума. Так как объекты познания определяются априорными формами, то субъект изучает не «вещи в себе», а созданные им конструкторы. Наличие априорных форм мышления не позволяет нам говорить о существовании какой-либо объективной реальности «самой по себе», а лишь указывает нам на функциональные особенности нашего организма, который современными представителями радикальной ветви конструктивизма рассматривается как аутопоэзная система. Аутопоэзная система – живая система, которая сама себя воссоздает, то есть сама является продуктом своей организации. Живая саморегулируемая система, согласно концепции У. Матураны и Ф. Варелы, функционирует на основе принципа обратной связи. Она контролирует не «выход», а «вход». В конструктивистской перспективе «входом» является не то, что видит внешний наблюдатель, а то, что «воспринимает» сама система. Так все внешние воздействия, поступающие от органов чувств в виде нервных импульсов, только имплицитно информативны. Живая система их воспринимает при условии их согласованности с ее внутренней организацией, которая сформирована на основе связей прошлого опыта. То есть информация может эксплицитно выявляться в свете прошлого опыта. Именно поэтому результаты восприятия нельзя считать отражением действительности, они всегда являются конструкцией. Аутопоэзная система становится активной при наличии обратной связи между тем, что «воспринимается», и тем, что должно «восприниматься».

Таким образом, аутопоэзная система гомеостатически поддерживает свою собственную организацию, т.е. специфицирующую ее сеть взаимосвязей. Она является автономной системой, которая сама регулирует информационный обмен с другими живыми системами. Организация аутопоэзной системы никогда не корректируется извне, она поддерживается благодаря тому, что компоненты, которые ее специфицируют, поддерживаются самой круговой организацией, а то, что находится не в ней, не воспринимается. Аутопоэзная система вследствие своей операциональной замкнутости не может извне взглянуть на себя и свои когнитивные представления о внешнем мире. На наш взгляд, это ключевой момент в определении «точек соприкосновения» концепции аутопоэзы с философией И. Канта. Аутопоэзная система не получает информацию в готовом виде, а активно ее создает, ориентируясь на свои внутренние состояния.

Итак, представления о внешнем окружении, с точки зрения конструктивизма, всегда сформированы на основе «внутренних» состояний системы наблюдателя. Даже если допустить гипотетического «внешнего наблюдателя», то и он сам неизбежно окажется в роли наблюдаемого субъекта с аналогичными ограничениями. Поскольку процесс смены наблюдателей может происходить бесконечно, то «последнего наблюдателя» просто не существует, как и не существует привилегированной системы наблюдения и абсолютного, объективного знания о мире [56, с. 13]. Таким образом, следует говорить только о мире, который был сконструирован наблюдателем и который не является

репрезентацией объективной реальности. В наблюдении приоритет имеет сама система наблюдателя, а не его наблюдательная позиция. Наблюдения являются когнитивными операциями, они осуществляются не на индивидуально-психическом уровне, а на уровне аутопоэзной системы в целом.

Принципиальное сходство с этими положениями мы находим у Канта. Рассмотрим это на примере роли априорных форм чувствительности, рассудка и разума в конструировании картины мира познающего субъекта. Познание, по мысли Канта, проходит три ступени: чувственное созерцание, рациональное познание и познание чистого разума. На первом уровне объекты познания, воздействуя на наши органы чувств, вызывают ощущения, на основе которых выстраиваются представления об окружающей действительности. Восприятие объектов реальности определенным образом диктуется особенностями сознания. В теории Канта такими априорными формами чувственного познания выступают понятия чистой геометрии и математики – пространство и время. Сознание использует априорные формы созерцания для того, чтобы упорядочивать наше восприятие окружающей действительности и сгруппировать их по принципу «одно после другого», благодаря априорности времени, или – «одно рядом с другим», за счет априорности пространства [130, с. 85 – 86]. Таким образом, чувственное созерцание не открывает возможности познание субъектом «вещей в себе», так как в любом случае мы будем рассматривать упорядоченные представления нашего сознания, которое конструирует свою реальность, исходя из особенностей чувственного восприятия.

Рациональное познание совершается при помощи рассудка, благодаря деятельности которого в сознании человека образуются понятия. Априорные формы мышления Кант называет категориями чистого рассудка. Категориями чистого рассудка, по Канту, «распознают» в наших чувственных представлениях признаки и определенным образом «сортируют» эти признаки, согласно априорным критериям «связывают» между собой наши представления и понятия. Категории не дают объективного знания о предмете, но делают возможным суждение об опыте. «Действительно, – пишет Кант – оказалось, что сами по себе эти понятия суть только логические функции и, как таковые, не составляют ни малейшего понятия об объекте самом по себе, а нуждаются в чувственном созерцании как в своей основе; и в таком случае они служат только для того, чтобы определять в отношении всех функций суждения эмпирические положения, вообще-то неопределенные и безразличные к ним, сообщать им тем самым общезначимость и посредством них делать возможными суждения опыта вообще» [49, с. 85]. Категории сводят все представления в единую апперцепцию субъекта, которая осуществляет синтез первоначально хаотичных представлений. Категориальная структура, заложенная в нашем сознании, представляет собой систему координат мышления, которая обеспечивает его единство и целостность. Через категории человек конструирует окружающую действительность, без них он не способен действовать в мире.

Третьим, наивысшим уровнем познания, по Канту, является познание чистого разума. Ему философ отводит решающую роль в процессе познания: систематизация

и обобщение материала и приведение его к единству познания. С помощью трансцендентальных идей субъект познания создает модель окружающей действительности, то есть приводит знания о мире в целостную систему. Таким образом, в эпистемологии Канта на каждой ступени познания можно выделить априорные формы сознания, на основе которых конструируется феноменологическая действительность познающего субъекта.

Таким образом, конструктивистские тенденции были присущи философствованию всегда, начиная с философии Древней Греции, проходя через современный конструктивизм и получая дальнейшее развитие. Естественно, мы не считаем, что конструктивистское понимание работы сознания и самого процесса познания появилось только с возникновением эпистемологического конструктивизма современности. За свою историю конструктивистские идеи претерпевали существенные метаморфозы в зависимости от культурных контекстов, процесса развития научных знаний в тот или иной исторический период, поэтому тенденции конструктивизма, которые наметились в ранние периоды истории философии, существенно отличаются от представлений современных конструктивистов. Но, тем не менее, некоторые общие черты просматриваются на протяжении развития философской мысли от досократиков до возникновения современного конструктивизма. Это прежде всего идея об активной роли субъекта в процессе познания, рассмотрение этого процесса не как репрезентации внешней действительности, а как создания когнитивных конструкций, и как следствие этого – субъективация познавательного процесса.

Знаковой фигурой в эволюции конструктивистских идей является фигура И. Канта. В ходе проведенного нами анализа выявляются следующие «точки соприкосновения» философии Канта с идеями современного конструктивизма: во-первых, это «априоризм», который является фундаментом формирования и развития конструктивистских идей в философии познания; во-вторых, современный конструктивизм рассматривает познающего субъекта в качестве «всеобщего законодателя», а мир выступает проекцией его творчества; в-третьих, в процессе познания субъект имеет дело только лишь с феноменологической действительностью, формирует систему знаний не по законам природы, а по законам собственного разума; в-четвертых, подобно учению Канта об априорных формах и «схематизмах» синтетического единства явлений в понятиях, в современном конструктивизме аутопоэзные системы также характеризуются операциональной замкнутостью, то есть все «внешние» воздействия переводятся во «внутренние» состояния активности и согласованности системы.

1.2. Течения в философском конструктивизме

Существует множество теорий, которые так или иначе можно отнести к конструктивизму. Данные теории трудно классифицировать из-за того, что они возникли на стыке многих научных дисциплин. А. М. Улановский считает, что конструктивизм можно условно разделить на три

течения: конструктивизм в узком смысле, радикальный конструктивизм и социальный конструкционизм (конструктивизм). И.Т. Касавин выделяет две группы конструктивистских концепций: натуралистический и культуральный конструктивизм. К натуралистическому он относит радикальный конструктивизм, к культуральному – методический. Н.М. Смирнова выделяет два типа конструктивизма: умеренный и радикальный, рассматривая в качестве водораздела между ними отношение к онтологической реальности объекта познания. Остальные конструктивистские теории стоят особняком и их не учитывают в классификациях в силу их междисциплинарного характера. На наш взгляд, существующие классификации нельзя признать удовлетворительными, поскольку они, как правило, либо лишены единого основания, либо являются далеко не полными. Поэтому необходимо осуществить краткий обзор главных течений конструктивизма, положения которых так или иначе обсуждаются современными философами и являются предметом дискуссий на страницах таких ведущих философских журналов, как «Вопросы философии» и «Эпистемология & философия науки». Данный обзор поможет нам в дальнейшем выстроить типологию конструктивистских моделей философствования в их развитии и взаимовлиянии.

Логико-математический конструктивизм. Издавна философов интересовала проблема существования и построения абстрактных математических объектов. Конструктивистский подход к математике заставил по-новому взглянуть на многие правила традиционной математики,

связанные с числовыми значениями, теорией множеств, актуальной бесконечностью, законами противоречия, исключения третьего и т.д. Возникновение логико-математического конструктивизма, как правило, связывают с именами Г. Фреге, Б. Рассела и А. Уайтхеда, Р. Карнапа и др. Логико-математические конструктивистские модели проникли и в философию. Их можно условно обозначить как модели «логического атомизма», обеспечивающие верификацию и доказательство. Данные модели широко используются в естественных науках, социологии, психологии в процессе «конструирования» базовых понятий путем дефиниций. Аналитическая философия задает характерный стиль философского мышления, который подразумевает строгость и точность используемой терминологии наряду с осторожным отношением к широким философским обобщениям и спекулятивным рассуждениям [47, с. 32]. Основным методом философствования выступает метод анализа, применение которого позволяет организовать философию как «строгое знание» и пересмотреть многие философские проблемы, возникшие как «языковые ошибки». Средством выявления этих «ошибок» служит анализ речевой практики.

Методологический конструктивизм. Данное течение конструктивизма дало возможность истолкования логики в контексте философии языка как средства рациональной аргументации, что привело к пересмотру таких традиционных «конструктов» формальной логики, как понятие, суждение, умозаключение. Представители так называемой Эрлангенской школы конструктивизма В. Камлах и П. Лоренцен

разработали новую систематику форм суждений как конструктов реальных наук (априорные, аналитически-дефиниторные суждения математики; формальные и материально-синтетические суждения «протофизики»; апостериорные и эмпирические суждения реальных наук). Методологический конструктивизм имеет дело с научными «идеализациями», исторически закрепленными в жизненном мире, как реальными речевыми и деятельностными «данными» наук. Предметы идеальных (логики и математики) и реальных (физики) наук, так же как элементы естественного и научного языков, не являются природными объектами, поэтому исторически существующие языки необходимо подвергнуть методической реконструкции. Методологическая реконструкция заключается в том, что фактические способы употребления языка должны быть сведены с помощью конструирования к элементарным ситуациям языкового нормирования так, чтобы получить методически упорядоченный, свободный от пропусков и кругов процесс использования норм. Программы реконструкции методологического конструктивизма содержат предложения по решению проблемы методологического фундаментализма. Они направлены прежде всего против «трилеммы Мюнхгаузена» (Г. Альберт), предполагающей гипотетичность всякого обоснования [50, с. 10].

В отечественной философии науки методологический конструктивизм получил развитие в рамках парадигмы «деятельностного подхода» в исследованиях Г.П. Щедровицкого. Щедровицкий саму методологию рассматривает как совокупность средств и операций активности человека,

а познание интерпретирует как конструирование и проектирование. По мысли Щедровицкого, наука со временем вовсе «отомрет», уступая место когнитивным конструктам, которые будут создаваться в рамках общей методологии [152, с. 144]. «Осуществляется полный отказ от описания внешнего объекта. На передний план выходит рефлексия, а смысл идеи состоит в том, чтобы деятельно творить новый мыследеятельный мир и вовремя его фиксировать – и это для того, чтобы снова творить... Поэтому фактически идет не изучение внешнего объекта, а непрерывный анализ и осознание опыта своей работы» [152, с. 142].

М.А. Розов также обращает внимание на огромную роль конструирования в процессе научного познания. Он сравнивает труд исследователя как на практическом (постановка эксперимента), так и на теоретическом уровне с работой инженера-конструктора. Подобно инженерной деятельности исследование ученого будет опираться на уже имеющиеся знания (конструкты) или на образцы конструкторской деятельности. По мысли Розова, любая естественнонаучная теория представляет собой конструктор с образцами конструирования. Так, одним из мощных конструктов в естествознании является атомистика, с помощью данной теории объясняются свойства газов, жидкостей и твердых тел [63, с. 10]. Конечно же, теоретические конструкции не оторваны от реальности, так как они, так или иначе, работают, но область их применения точно не определена. Область применимости задается конкретными и достаточно ситуативными соображениями практика, которому нужно решить определенную задачу. Сама точность

задана ситуацией. Розов утверждает, что в науке не идет речь о постижении объективной реальности самой по себе, так как «познаем мы не мир как таковой, а нашу деятельность с этим миром» [63, с. 10], поэтому знания необходимо сопоставлять с деятельностью, которую мы совершаем.

Как бы продолжая эти мысли, В.А. Лекторский утверждает, что факты в процессе эксперимента «не столько описываются, сколько препарируются и конструируются в нем» [63, с. 4]. На основе «сфабрикованных» фактов строятся теории как «ящики с инструментами» для производства новых фактов. Таким образом, наука содержит субъективные компоненты, которые присутствуют в ней в силу ее принципиальной незавершенности, в силу ее стремления стать понятной людям. В реальной науке конструктивные и реалистические подходы переплетены [64, с. 8].

В.С. Степин отмечает конструктивистскую функцию картины мира в целом. Она влияет на научные исследования, избирает предмет изучения, задает исследовательскую программу и показывает средства и методы решения научных задач. По мысли Степина, картина мира в неявном виде содержит не только онтологию, но и структуру деятельности и принципы познания [139, с. 177].

Эволюционистский конструктивизм. Возникновение этого течения связано с работами К. Лоренца и его последователей Р. Ридля, Э. Эзера, Ф. Вукетича и др. В этих идеях получает развитие главный тезис эволюционной эпистемологии – когнитивные структуры вырабатываются как форма приспособления к окружающему миру в процессе эволюции. Е. Н. Князева, ссылаясь на данные исследования,

акцентирует внимание на том, что в самих когнитивных механизмах организмов заложен вектор на максимально возможную «очищенность» результатов восприятия от привнесенных, в том числе и конкретно-телесных, факторов [63, с. 7]. Данный феномен Лоренц называет объективацией. Объективация дает возможность выйти из бесконечного круга рекурсий и взаимной детерминации «субъект-объект». Однако эта объективация осуществляется через активную адаптационную деятельность субъекта. Воздействия со стороны внешнего «объективного» мира выступают лишь сигналом к реализации базовых когнитивных структур, носителем которых является сам субъект. Человек и окружающая среда, субъект и объект взаимно детерминированы, взаимно подогнаны, адаптивны друг к другу, так как включены в единый процесс коэволюции. Априорные структуры соответствуют объективной действительности в такой мере, в какой обеспечивают жизнеспособность сформированных когнитивных структур.

«Радикальный конструктивизм». Данное течение получило развитие благодаря идеям «генетической эпистемологии» Ж. Пиаже, в частности идее равновесия между ассимиляцией и адаптацией, чему способствуют когнитивные процессы. В своих работах Пиаже, стремясь все-сторонне осмыслить процесс развития ребенка, его моторно-двигательную активность, мышление, язык и т.д., приходит к выводу, что познание предполагает редукцию новых опытных данных к уже существующим сенсомоторным и концептуальным структурам, которые сложились в онтогенезе.

Как самостоятельное течение радикальный конструктивизм сформировался в среде немецких и австрийских специалистов в области кибернетики, психологии и нейробиологии (Х. фон Ферстер, Э. фон Глазерсфельд, П. Ватцлавик и др.). Сам термин «радикальный конструктивизм» был введен в научный оборот Э. фон Глазерсфельдом в конце 1970-х годов, но все же официальной «датой рождения» данного направления следует считать 1981 год, когда выходит в свет сборник «Изобретенная действительность» под редакцией П. Ватцлавика. В биолого-психологической концепции Э. фон Глазерсфельда и эволюционно-биологической концепции аутопоэза У. Матураны и Ф. Варелы обосновывается конструктивность познавательных структур и их результатов в смысле адаптации и развития организмов. Среда выполняет функцию «пускового механизма» структурных изменений внутри живой системы, которые могут привести к нарушению организации и вымиранию или к новой адаптации. Субъект не может выйти за пределы когнитивной области, которая обусловлена организацией его организма. Е.Н. Князева рассматривает это утверждение как одно из слабых мест в концепциях радикального конструктивизма. Мы же полагаем, что подобного рода «слабость» является необходимым моментом логической корректности данных рабочих гипотез, избегающих поспешного вывода без достаточного обоснования.

Многие представители радикального конструктивизма познание и его результаты относят всецело к деятельности организма и головного мозга, например, представители так называемого «нередукционистского физикализма»

(Г. Рот, Х. Шwegлер). Головной мозг в теории Г. Рота рассматривается как самореферентная (автономная) система. Он декодирует получаемую в виде нервных импульсов слуховую, зрительную, вкусовую и др. информацию по собственным законам.

Н.М. Смирнова считает, что в радикальном конструктивизме объекту познания отказывают в онтологической реальности, определяя его всего лишь как ментальную конструкцию, «все, что мы видим, слышим, осязаем суть ментальные конструкции на основе существующих когнитивных паттернов» [63, с. 18]. В связи с этим А.Ю. Антоновский приводит метафорическое сравнение познающих субъектов с монадами Лейбница, которые лишены окон. Вместо окон у них картины с нарисованной реальностью, доступ к которой закрыт навсегда. Однако данные картины все же отражают действительность, по той простой причине, что «монады, имеющие другие изображения, не выжили в процессе эволюции» [63, с. 27]. Тем не менее мы считаем, что радикальный конструктивизм ошибочно сводит к солипсизму, отрицающему сам факт существование реальности «в себе». Существование объективной действительности не отрицается, просто она корректно выносится за скобки как принципиально непознаваемая. Радикальный конструктивизм рассматривает в качестве объекта исследования сами когнитивные конструкции, а не опосредованную через них «объективную» реальность.

Снимая создавшиеся противоречия, В.А. Лекторский предлагает следовать «срединным путем» в оценке концепций радикального конструктивизма, названного

им «конструктивистским реализмом». Конструктивистский реализм, с одной стороны, является разновидностью эпистемологического реализма, с другой – хорошо подкрепляется философией сознания, современными исследованиями в области когнитивных наук. Согласно этой позиции человек в процессе деятельности познает лишь фрагменты действительности. При этом в процессе познания подвержен изменениям сам субъект, а сконструированные им представления о мире определяют условия и возможности познания. У разных организмов формируются различные «концептуальные модели» реальности, так как способы взаимодействия с внешним миром и степень значимости тех или иных эмпирических факторов отличаются. В конструктивистском реализме, по мысли Лекторского, снимается дихотомия «внутреннего» и «внешнего» мира, конструктивизма и реализма.

Н.М. Смирнова также становится на этот «срединный путь», отдавая предпочтение умеренному конструктивизму в сравнении с его радикальной разновидностью. Теоретико-познавательной основой умеренного конструктивизма являются представления об активной роли субъекта в познании, обусловленность когнитивных процессов врожденными структурами сознания и социально-конструирующей ролью языка и знаково-символических средств. Умеренный конструктивизм «вполне совместим с научным реализмом, так как он не посягает на онтологическую реальность объекта познания» [63, с. 18]. Психолог А.М. Улановский также склоняется к позиции умеренного конструктивизма, мотивируя это тем, что психотерапия

предполагает возможность и необходимость правдоподобных описаний, несмотря на конструктивность и метафоричность языка. Он отмечает, что психотерапия не приносила бы («объективную») помощь человеку, если бы интерпретировала его переживания неправдоподобно [63, с. 17]. Вообще спор о реальности или нереальности «внешнего мира» и объектов познания имеет солидную философскую традицию. В основе любой разновидности реализма лежит онтологический реализм. Во-первых, признается область объектов, называемая «внешним миром», элементы которой «реально» существуют. Во-вторых, эти объекты существуют независимо от субъекта. В-третьих, реально существующие и образующие «внешний мир» объекты могут быть предметом человеческого опыта и познания.

Согласно Е. Н. Князевой, в концепциях радикального конструктивизма используется два основных понятия кибернетики: циклическая причинность и структурное сопряжение. Циклическая причинность проявляет себя тогда, когда живая система подвергается внешним воздействиям, влекущим за собой структурные изменения системы, которые адаптируют ее к условиям среды, приводят в равновесное состояние без нарушения организации системы. То есть циклическая причинность является основой для представления о гомеостазе, согласно которому живая система всегда стремится поддержать свою целостность. Поддержание целостности возможно при условии возвращения системы в равновесное состояние, несмотря на присутствующие внутренние и внешние возмущения [60, с. 134].

Иллюстрируя принцип структурного сопряжения, Х. фон Ферстер сравнивает процесс познания с «танцем» человека с миром, в котором ни один из партнеров не является ведущим, но они оба слаженно взаимодействуют друг с другом, образуя «креативный круг» [60, с. 143] – «изогнутое пространство, в котором человек, удаляясь от себя, возвращается к самому себе» [58, с. 99]. По мнению Ферстера, человек безнадежно одинок, так как он конструирует свою собственную реальность, воспринимает и осмысливает ее в соответствии со своими когнитивными способностями. Поэтому понятия истины, согласно его теории, быть не может, так как оно изменяется в зависимости от позиции того, кто ее использует: «истина есть изобретение лжеца» [63, с. 7]. Целью познания является сам процесс познания, а не поиск истины.

Символический конструктивизм. Идея активно-конструктивного характера того, что называется миром и реальностью, также как и познания себя и других, разрабатывалась наиболее полно в конструктивистской теории символа Н. Гудмена и в теории интерпретации Г. Абея, Х. Ленка. Исходя из положения о том, что идея чистых данных «в себе» не может быть последовательно эксплицирована, Гудмен отказывается от строгой дихотомии восприятия и понятия, наблюдения и теории в науке. посредством построения конструктивной системы и формулировки конструктивных дефиниций Гудмен пытается не столько обеспечить формализацию разных областей знания, сколько дать им креативные объяснения. Гудмен разрабатывает конструктивистскую модель «экстенционального

изоморфизма», согласно которой любой опыт требует некоторой структуры, а не идентичности, и допускает легитимность альтернативных дефиниций. Тем самым Гудмен показывает креативно-конструктивный характер употребления символов и посредством этого вскрывает внутреннюю связь логики, искусства, обыденного и научного познания [51, с. 147]. То, как мы употребляем символы в процессе восприятия, общения, мышления и деятельности, обнаруживает свою зависимость от способов функционирования используемых символических систем. Многообразие символических систем, обладающих конструктивными функциями, последовательно ведет к допущению множества миров. Е.Н. Князева рассматривает это в качестве одной из главных проблем конструктивизма. Различие представлений о реальности приводит к тому, что люди живут в разных концептуальных мирах, не понимая друг друга. На почве такого непонимания могут возникать конфликты. Однако на наш взгляд, теория интерпретации в коммуникации (Ю. Хабермас, Г. Абель, Х. Ленк) служит примером возможности эффективного перевода конфликтных ситуаций в интерактивное коммуникативное взаимодействие, когда разность концептуальных миров является не препятствием, а наоборот – необходимым условием продуктивной и равноправной интеракции.

Социальный конструктивизм. Родоначальниками и сторонниками социального конструктивизма являются К. Герген, Р. Харре, Дж. Шоттер, П. Бурдье, Н. Луман, П. Бергер, Т. Лукман и др. Социальный конструктивизм представляет собой направление в социальных науках,

признающие первостепенную роль дискурса и отношений между людьми в конструировании мира и собственного Я. Социальный конструктивизм отказывается от представления об абсолютной истине, призывает к многоголосию и взаимообогащению различных дискурсов, демократизации, социальному преобразованию сознания людей [137, с. 38]. Поэтому социальный конструктивизм критикует подходы, основанные на превосходстве одних теоретических конструкций над другими. В отличие от других видов конструктивизма социальный конструктивизм настаивает на том, что индивид конструирует реальность не индивидуально в своем сознании, а совместно с другими в процессе социальных практик [137, с. 39]. Конструирование представлений о реальности и системы ценностей происходит посредством языка в процессе общения с другими людьми. Теоретические конструкции являются результатом соглашения внутри социальной группы. По мысли Н. Лумана, само общество тоже является социальным конструктом, продуктом отдельных коммуникативных актов. Луман один из первых переносит принципы теорий сложных самоорганизующихся систем и аутопоэза на исследование объектов социальной философии. Он утверждает, что социальные системы являются операционально замкнутыми, самореферентными, инореферентными системами. Социальные системы способны к трансформации через интерактивность, коммуникацию [81, с. 7 – 9, 290 – 292].

Большой вклад в развитие социального конструктивизма внес П. Бурдьё. Он выделяет в социальной действительности объективные структуры, которые не зависят

от сознания и воли социальных агентов. Объективные структуры направляют поведение социальных субъектов, влияют на конструирование общей картины мира индивида в обществе [12].

На развитие социального конструктивизма огромное влияние оказала социальная феноменология. С точки зрения концепций социальной феноменологии, социальный мир представляет собой систему всеобще разделяемых значений, а социальное знание – продукт конструирования. Причем любое научное социально-теоретическое знание рассматривается как конструкт второго порядка, так как оно надстраивается над конструктами обыденного (повседневного) знания. Познающий субъект (ученый, философ) находится сразу в двух позициях. Сначала он изучает структуры жизненных миров, временно заключив в скобки научную установку, затем – осмысливает полученные обыденные знания с позиции научной установки и транслирует полученные знания научному сообществу. Однако Н.М. Смирнова утверждает, что заключить в скобки все научные и жизненные установки ученый не в состоянии, но достичь достаточной степени «чистоты метода» вполне возможно [63, с. 19].

На базе социального конструктивизма возникает так называемая нарративная психотерапия, задачей которой является выяснение того, как люди выражают свой опыт и создают установки опыта – нарративы. На основе выявленных нарративов появляется возможность оказания эффективной терапевтической помощи. Выражение переживаний жизненного опыта представляет собой акты

интерпретаций, посредством которых люди придают смысл своему опыту, делая его понятным для себя и для других. Человек связывает переживания в нескончаемую вереницу событий, пытается увидеть их взаимосвязи, подвести их к одной истории. Изначально же человек имеет множество историй о себе, их содержание зависит от того, на какие события он обращает внимание, как связывает их между собой и как их интерпретирует. Интерпретация опыта осуществляется на основе заданных культурой знаний и общественных практик, т.е. историями, которые были созданы сообществами людей и привлекаются этими людьми для осмысления и описания их опыта. Жизнь человека состоит из большего количества событий, хотя он актуализирует и включает в свои истории не все из них. События, которые станут частью его опыта, определяются уже сконструированными смыслами доминирующих историй данного человека и определяют его дальнейшее поведение в обществе. Интерпретации опыта могут меняться, изменяя представления о реальности и саму жизнь человека. Это может случиться в результате того, что в доминирующие истории событий и интерпретаций людей не вписывается какое-либо явление, которое может послужить толчком к рождению нового нарратива [41].

Психологический конструктивизм. Интерес к проблемам конструктивизма в отечественной науке возник в первой половине XX века и получил свое дальнейшее развитие в связи с изучением процесса мышления в области междисциплинарных исследований на стыке философии и психологии (Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев, Э. В. Ильенков, Г. П. Щедровицкий и др.).

Наиболее продуктивными идеями Л. С. Выготского, имеющими конструктивистский характер, являются:

– идея о том, что все высшие психические функции человека суть социальные отношения, которые переносятся во внутренний мир субъекта [21, т. 3];

– идея о знаковой символической опосредствованности познания, согласно которой, осознание субъектом каких-либо феноменов зависит от сложности организации языковых значений, которыми он пользуется [21, т. 2];

– идея адаптивности (пригодности) знаний, которая является одной из ключевых в современном конструктивизме эволюционного направления, особенно в его радикальной форме (знаменитая метафора Выготского о психике как «органе отбора») [21, т. 1], хотя, согласно радикальному конструктивизму, знания субъекта нельзя проверить на соответствие объективной действительности. Корреспондентская теория истины, которой придерживался Выготский, ими отвергается.

Прослеживая параллели с отечественной традицией исследования когнитивных конструкторов, следует отметить взгляды А.Н. Леонтьева, предложившего и развившего понятие личностного смысла, структурирующего сознание. Делается акцент на активности, пристрастности субъекта относительно способов репрезентации мира. Леонтьев развивает концепцию Выготского о формировании понятий и рассматривает их как исторически сложившиеся формы фиксации общественного опыта. Они преломляют мир в сознании человека, формируют мировоззрение каждого отдельного индивида. Леонтьеву принадлежит

мысль о построении в сознании человека образа многомерного мира, в котором живет человек [78, с. 8].

В работах Леонтьева и его последователей П.И. Зинченко, В.П. Зинченко, А.А. Смирнова, А.В. Запорожца, О.К. Тихомирова и др. представлены обоснования зависимости когнитивных процессов и эмоций субъекта от его деятельности (принцип зависимости психического отражения от места отражаемого объекта в структуре деятельности). Подобные и близкие к ним конструктивистские идеи обнаруживаются и в концепциях радикального конструктивизма (например, у Э. фон Глазерсфельда), в теории аутопоэза У. Матураны и Ф. Варелы, в «кибернетической модели» конструктивизма Х. фон Ферстера («хочешь знать, учись действовать») и др.

В рамках радикального конструктивизма также существует ярко выраженное психологическое направление, представленное концепцией П. Ватцлавика. Ватцлавик рассматривает реальность как продукт человеческого общения. По его мысли, существует множество «коммуникативных реальностей», которые нельзя свести к одной, поэтому невозможно говорить ни о какой объективной реальности. Все суждения о реальности и ее предметах представляют собой человеческие конструкции. «Ни та, ни другая оценки не являются в каком-то объективном смысле истинными и отвечающими действительности, тем не менее, вследствие этих оценок создается тот или иной конкретный личный или общественный контекст» [13, с. 102].

Ватцлавик условно подразделяет действительность на первый и второй порядки. Реальность первого порядка –

независимая от сознания действительность. Действительность второго порядка конструируется путем приписывания смыслов, значений или ценностей реальности первого порядка. В качестве примера Ватцлавик приводит вопрос о различии между пессимистом и оптимистом. При одной и той же действительности первого порядка (бутылка вина, заполненная наполовину) налицо две принципиально разные действительности второго порядка («наполовину пустая», «наполовину полная») [13, с. 103]. Действительность второго порядка, по словам Ватцлавика, является не чем иным, как мировоззрением, мыслями, чувствами, поступками субъекта. Она конструируется в результате наложения субъектом некоторого определенного порядка на многообразие мироздания [13, с. 105]. Конструирование реальности второго порядка чаще всего осуществляется неосознанно, поэтому субъект ошибочно полагает, что созданный им мир существует независимо от него. Человек не меняет сконструированную им действительность второго порядка, пока она отвечает принципу адаптивности. Как только чувство приспособленности исчезает, человек испытывает сомнение, страх, боль, депрессию и нуждается в замене данной конструкции реальности другой «фикцией», отвечающей определенной практической цели.

Действительность второго порядка является продуктом коммуникаций. Ватцлавик считает, что ни одно высокоорганизованное существо на земле не смогло бы выжить, если бы ему пришлось постигать мир в полном одиночестве. В процессе социализации человек осваивает созданные обществом «инструкции» относительно того, как

именно необходимо созерцать мироздание, конструирует реальность исходя из культурно-исторических установок социума. Действительность второго порядка – коммуникативная действительность: «... вместе с предполагаемым незримым существованием физического мира где-то там же пребывает и коммуникационная действительность второго порядка. Это означает, что в нашем внутреннем мире продолжают свое существование не только объекты (в самом широком смысле) как таковые, но также характеристики, которые мы предписываем этим объектом в качестве смыслов, значений и ценностей» [13, с. 106].

Заслуживает также внимания концепция «личностных конструкторов» Дж. Келли. По мысли Келли, человеческие поступки следует рассматривать не как ответные реакции на внешние воздействия, а как ответы на вопросы, которые человек задает миру. Действия, поведение человека определяются структурой сознания, а поступки встраиваются в те когнитивные конструкторы, в пределах которых происходит антиципация событий. Таким образом, человек не только воспринимает реальность через систему конструкторов, но и действует в этом мире в рамках этой системы [63, с. 12].

Подобные идеи характерны и для «психосемантики» В.Ф. Петренко, О.В. Митина, Е.О. Труфанова и др. [91, с. 83]. В рамках психосемантики философы анализируют особенности национальной ментальности, этнические стереотипы, изучают эффекты коммуникативного воздействия, влияние произведений искусств на картину мира зрителя [63, с. 12]. Представители психосемантики

склоняются к конструктивизму, поскольку он принципиально плюралистичен. Он дает возможность принять разнообразные позиции познающего субъекта. Пристрастность субъекта познания – это не досадное искажение истинного знания, а необходимое условие, задающее мотивы и направленность исследования, цели, характер отбора эмпирического материала [63, с. 12]. В.Ф. Петренко сравнивает исследуемое им «семантическое пространство» субъекта со своеобразной нотной грамотой, посредством которой мы вслушиваемся в мелодию чужой души [63, с. 13]. На подобном методологическом подходе основывает свое исследование проблемы Я и самоидентификации Е.О. Труфанова. По мысли Труфановой, наше Я постоянно находится в состоянии конструирования и реконструирования [135, с. 178].

Таким образом, при всем многообразии течений философского конструктивизма, каждое из них в той или иной мере соответствует тем основным методологическим принципам, которые мы сформулировали выше. Однако обзор данных течений дает нам лишь поверхностное представление о конструктивизме. Поэтому нам необходимо установить преемственность и взаимовлияние этих течений, рассмотреть их «изнутри» в процессе развития как диахронически, так и синхронически. Для этого необходимо выделить некие ключевые конструкты, на которых базируются данные течения и которые служат их концептуальными скрепами. Эти конструкты мы будем именовать «конструктивистскими моделями философствования», на основе которых в дальнейшем попытаемся выстроить приемлемую типологию философского конструктивизма.

1.3. Конструктивистские модели философствования

Выбор направлений (феноменологии, эволюционизма, структурализм) в качестве примера реализации конструктивистского философствования обусловлен тем, что они являются прямым следствием «конструктивистского поворота» Канта в теории познания. Следует отметить, что данные направления стали основой для формирования методологических принципов конструктивизма.

Конструктивистские модели феноменологии. Большое значение для развития философского конструктивизма имеют труды феноменологов: Э. Гуссерля, М. Мерло-Понти, А. Шюца, П. Бергера, Т. Лукмана и др. В целом феноменология как философское направление отвечает многим положениям философского конструктивизма и рассматривается нами, наряду с философией Канта, как «предтеча» конструктивизма, оказавшая непосредственное влияние на его становление.

Модель «естественной установки». Согласно Э. Гуссерлю, феноменология не является теорией или наукой о фактах, она не нацелена на изучение естественной природы предметов, целью феноменологии является познание сущности предметов и феноменов: «... чистая, или трансцендентальная феноменология получит свое обоснование не как наука о фактах, но как наука о сущностях (как наука “эйдетическая”), как наука, которая намерена констатировать исключительно “познания сущности” – никакие не “факты”» [29, с. 245]. Смысловое содержание предметов мира не отождествляется с независимой от субъекта

реальностью, поэтому Гуссерль критикует натурализм, который либо уподобляет существующее физической природе или допускает существование психического, зависимого от природы. Постигая предметы, человек всегда имеет дело с феноменальной действительностью, изучает содержание своего сознания, мир как он есть выходит за пределы его познавательных возможностей. Поэтому натуралисту философ противопоставляет методологию строгой науки о сознании, которая направлена на поток сознания, наделяющего содержанием и придающего смысл объектам.

Согласно взглядам Гуссерля, феноменология должна стать фундаментом для «чистой логики». Только с помощью нее чистая логика и теория познания могут достигнуть принципиальной беспредпосылочности. Принцип беспредпосылочности выражается в высказывании «К самим вещам!». Данное высказывание не говорит о возможности познания «вещей в себе» в кантовском понимании, не отсылает познающего субъекта к природе, оно обозначает то, что человек должен постигать суть, смысл исследуемых предметов, отбрасывая все не относящиеся к ним предрассудки. Таким предрассудком Гуссерль, как и представители всех течений конструктивизма, считает одно из положений наивного реализма и сенсуализма о том, что познающий субъект постигает объективный (внешний) мир, который отражается в его сознании, как он есть сам по себе. Убеждение наивных реалистов в существовании воспринимаемого мира аналогичного онтологической действительности Гуссерль называет *естественной установкой*.

Естественная установка присуща всем людям и ученым в том числе. Она обусловлена тем, что познающий субъект направляет свое внимание не на акты сознания, а на предметы, которые содержатся в них. Одним из способов выхода за рамки естественной установки являются процедуры феноменологического метода: редукция и эпохе. Под феноменологической редукцией понимается «вынесение за скобки» всех сведений и положений о мире и самом себе, в которых можно усомниться. Феноменологическая редукция подразделяется на эйдетическую и трансцендентальную. Эйдетическая редукция заключает в скобки реальный мир и знание о нем. Воздержание от суждений о мире философ называет эпохе. Осуществив эпохе, субъект занимает позицию чистого или абсолютного наблюдателя, который освободился от сложившихся естественных и культурно-исторических представлений о предметах реальности. Заклучая в скобки мир, познающий субъект не ставит его под сомнение, он лишь отказывается от суждения о нем в рамках естественной установки [132, с. 19]. Таким образом, в результате эйдетической редукции осуществляется переход от «естественной» установки познающего субъекта к трансцендентальному субъекту.

Модель «трансцендентального субъекта». Познающий субъект выделяет сознание в качестве объекта для анализа. Но, по мысли Гуссерля, само понимание сознания тоже нуждается в очищении, так как оно нагружено естественно-научным, культурно-историческим и философским истолкованием. Субъект должен подвергнуть сомнению физическую структуру своего тела, собственную психику

с переживаниями опыта, социокультурные установки сознания. Для его очищения применяется трансцендентальная редукция. Трансцендентальная редукция «заключает в скобки» мысли о сознании, о духовных процессах как феноменах человеческой культуры. «Посредством феноменологического “эпохе” я редуцирую свое естественное человеческое Я и свою душевную жизнь – царство моего опыта психологического самопознания – к моему трансцендентально-феноменологическому Я, к царству опыта трансцендентально-феноменологического самопознания» [30, с. 85]. Происходит очищение сознания от эмпирического Я. Именно благодаря процедуре воздержания (трансцендентальному эпохе), осуществляется движение к чистому потоку переживаний сознания. Гуссерль считает, что «чистый поток сознания» является истинным объектом познания, так как он освобожден от эмпирического и психологического. Философ выделяет несколько особенностей чистого сознания. Во-первых, чистое сознание является результатом мыслительного конституирования, так как совокупность сущностей сознания выдумывается самим познающим. Рассматриваемые идеи сознания по сравнению с фактами реальности более важны и являются первичными, поэтому Гуссерль говорит об их априорности [30, с. 78], т.е. трансцендентальный субъект подчиняет свою мыслительную деятельность идеям (сущностным структурам) как непререкаемым объективным законам, конструирует модель реальности в соответствии с ними. Во-вторых, сознание обладает целостностью, поэтому нельзя рассматривать его как набор чистых сущностей.

Элементами потока переживаний сознания являются феномены, которые необходимо уметь вычленять для анализа. В-третьих, феномены, схваченные в интуитивном акте, можно рассматривать как целостности. Обнаружить и выделить в сознании феномены помогает феноменологический метод, который является способом непосредственного слияния с потоком сознания. Гуссерль рассматривает феномены как непосредственную очевидность, так как они являются частью трансцендентального субъекта.

Следует отметить, что на взгляды Гуссерля существенно повлияли идеи Канта, хотя Гуссерль и оперирует не свойственным философии Канта понятием «интуиция». Гуссерль рассматривает чувственное восприятие и воображение как две равноправные разновидности интуиции. Но существует независимая от восприятия и воображения категориальная интуиция. С помощью категориальной интуиции познающий субъект определяет общие отношение между предметами: положение, их следование друг за другом, отношение части и целого, принадлежность признака к объекту и др.

Помимо категориальной интуиции в построении представлений о предметах окружающего мира существенную роль играет идеирующая абстракция. Идеирующая абстракция – «непосредственное нечувственное восприятие родов и видов, то есть всего универсального, что наличествует в объектах» [30, с. 16]. Субъект с помощью категориальной интуиции определяет связь предмета с предикатом, которая не может быть дана в ощущениях. Идеирующая абстракция позволяет осознавать и работать с идеальными понятиями,

не связанными с чувственным созерцанием. Категориальная интуиция и идеирующая абстракция, которым Гуссерль дает общее название «усмотрение сущности», нацелены на построение эйдетического знания. Они выполняют те же функции, что и категориальный аппарат рассудка и формы мышления чистого разума Канта. В «усмотрении сущности» изучаемого объекта человек с помощью категориальной интуиции соотносит чувственные представления с категориями, по определенным критериям «связывает» между собой представления и понятия; с помощью идеирующей абстракции человек может выстраивать из рассудочных понятий идеи, на основе которых формируется целостная картина мира.

Сознание человека, конституируя феноменальную реальность, постоянно осуществляет самоконституирование, которое в свою очередь является фундаментом любого конституирования. Ядром для самоконституирования, определяющим уникальность монады, является эго-полюс. Трансцендентальное Я конституирует эмпирически-психологическое Я во время переживания событий жизни. Все феномены сознания можно разделить на два вида: феномены, являющиеся ядром психофизической структуры человека, и все оставшиеся феномены. В процессе самопознания субъект сначала проникает в сферу психофизических феноменов. Структуру феноменов, подобную его собственной, он может обнаружить и у Другого. Убедившись в автономном существовании Другого, познающий субъект преодолевает солипсизм, обретая представление о трансцендентальном эго. Трансцендентальные субъекты

взаимодействуют друг с другом, коммуницируют, в результате чего возникает интерсубъективный мир. Интерсубъективный мир – это реальность, сконституированная на основе знаний субъектов. Существование мира независимого от трансцендентального сознания проблематично, недоказуемо. Только на интерсубъективном уровне знания о мире и о сознании имеют под собой твердый аподиктический фундамент.

Модель «тело-сознание». Основными темами феноменологии М. Мерло-Понти являются отношения человека и мира, конституирование смыслообразующих структур и содержаний предметной реальности на основе феноменологического опыта. Предметом его интереса является способность сознания к восприятию, которое осуществляется посредством телесности человека. «Восприятие не есть знание о мире, – пишет он, – это даже не акт, не обдуманное занятие позиции, восприятие – это основа, на которой разворачиваются все наши акты, и оно предполагается ими» [83, с. 8].

Философ рассматривает человека как неразрывное единство тела-объекта (плоти, заполняющей пространство) и тела-субъекта, интенции которого направлены на окружающей мир, формируют систему отношений в том пространстве, в котором укоренено тело. Для характеристики этого употребляется термин «тело-сознание», который подчеркивает тесную функциональную неразрывную связь между двумя компонентами, участвующими в восприятии в равной степени. Сознание без тела невозможно представить, так как тело «увлекает за собой интенциональные нити, которые связывают его с его окружением,

и в итоге являет нам как воспринимающего субъекта, так и воспринимаемый мир» [83, с. 107]. Интенциональность сознания, осуществляемая через тело, позволяет воспринимать предметы окружающего мира. Тело рассматривается как медиум, проводник человеческого бытия в мир, благодаря ему хаотичное восприятие обретает целостность, первичный материал восприятия приобретает смысл и значение, т.е. знание о реальном мире в своей специфичности конструируется сознанием и обусловлено телесностью человека.

Познание реальности в философии Мерло-Понти является ничем иным, как процессом создания конструкций феноменальной действительности субъекта (мира опыта). «Все, что я знаю о мире, пусть даже и через науку, я знаю исходя из моего видения или того жизненного опыта, без которого символы науки были бы пустым местом» [83, с. 6]. Сознание, познавая, изучает исключительно свои феномены восприятия, а реальность мира «самого по себе», как и у Гуссерля, выносится за рамки рассмотрения.

Человек получает феноменологический опыт посредством своего тела, которое является основой бытия. «Тело – это то, что сообщает миру бытие, и обладать телом означает для живущего срашиваться с определенной средой, сливаться воедино с определенными проектами и непрерывно в них углубляться» [83, с. 118]. Через него определяется горизонт экзистенциального пространства человека, который погружен в него и осваивает его с помощью тела. При этом телесное пространство может отличаться от внешнего, оно включает лишь те объекты,

на которые направлен взгляд наблюдателя, в процессе познания выделяются лишь некие значимые, существенные стороны объекта действительности, а не вся их совокупность.

Мерло-Понти исходит из того, что чувственное созерцание мира неизбежно обусловлено телесностью, которая привносит в представления свое специфическое «знание» о реальности [83, с. 57]. Судить, насколько совершенно и истинно «отражение» действительности, недопустимо из-за невозможности стать независимым сторонним наблюдателем своих когнитивных процессов. Тело настолько тесно «переплетено» с миром, что очень трудно увидеть сами границы реальности и наших феноменов. Человек осознает мир только посредством своего тела. Оно воспринимает окружающую действительность и, самое главное, дает возможность для конструирования своей собственной, отличной от других реальности.

Данную мысль легко обосновать методом «от противного», если попытаться представить, как воспринимает мир человек с теми или иными телесными нарушениями. При наличии телесных дефектов вступают в действие защитные механизмы, восстанавливающие нарушенное адаптивное равновесие с окружающей средой. При утрате человеком какого-либо органа сужается спектр перцептивных операций, которые он мог бы осуществить. От утраченного органа в головной мозг не поступают сигналы, интенциональные связи между рукой и объектом обрываются, человек не может тактильно воспринимать мир через утраченный орган. Однако означает ли это, что при этом нарушается целостная картина мира? Вовсе нет. Видимо сигналы,

поступающие от наших органов чувств в головной мозг, не являются простой «информацией» о внешнем мире в классическом понимании, это всего лишь порция импульсов, являющихся взаимозаменяемым «материалом», из которого конструируются представления об окружающей действительности.

Более того, творческая работа мозга по созданию феноменальной реальности проявляется даже при отсутствии сигналов извне. Например, при отсутствии руки, больной может некоторое время чувствовать, что он имеет конечность. Мерло-Понти объясняет это тем, что тело человека содержит в себе два слоя: слой тела привычного и слой тела наличного. Привычное тело становится залогом наличного, потому что тело не просто способно схватывать единичный опыт, но и общий аспект как безличное бытие [83, с. 119]. Другим примером непрекращающейся автономной работы мозга являются данные экспериментальных исследований, которые показывают, что в условиях полной изоляции у человека возникают яркие галлюцинации. Мозг сам «вырабатывает» материал для восприятий.

Модель аутопозза. Чилийские нейрофизиологи У. Матурана и Ф. Варела рассматривают все живые организмы как аутопоззные системы. Это системы, которые сами себя воссоздают, то есть сами являются продуктами своей организации. С точки зрения концепции аутопозза, живой организм может изменять свою структуру, но нарушение самой организации приводит к его гибели. Наличие совместимого с жизнью дефекта тела можно рассматривать только как изменение структуры тела, организация при этом

не будет нарушена. Организмом будут задействованы силы, направленные на заполнение возникших перцептивных пробелов для восстановления целостной картины мира воспринимающим субъектом.

Например, утраченные нормальные функции зрения заменяются тактильным восприятием. Тактильное восприятие может осуществляться при помощи вспомогательных средств, например, слепые расширяют свое перцептивное поле при помощи палки. Они интегрируют пространство, осязаемое палкой в свое телесное пространство, если говорить образно, глаза слепого находятся на конце палки. Известно также, что слепые от рождения могут представлять цвета с помощью звуков. Доказано, что под воздействием мескалина звуки систематически сопровождаются цветовыми пятнами, окраска, форма и интенсивность которых варьируется в соответствии с тембром, интенсивностью и высотой звуков [164, р. 97 – 98].

Представления здорового человека будут в некоторой степени отличаться от картины мира, созданной человеком с физическими дефектами. Но восприятие людей с физическими дефектами не будет уступать восприятию здоровых людей по полноте и целостности. Восприятие является чем-то большим, чем сумма визуальных, тактильных, слуховых перцепций, человек воспринимает всем своим существом, отсутствие какого-либо органа не создает непреодолимой преграды для этого процесса, все равно наличие сознания предполагает целостную структуру объекта в целостной структуре мира. Человек с дефектами учится правильно воспринимать феномены,

схватывать их смысл, то есть трактовать их как модальности и вариации целостного бытия субъекта.

Модели «жизненного мира» и интерсубъективности. Феноменологическая концепция П. Бергера и Т. Лукмана посвящена рассмотрению способов создания индивидуумами и обществом социальных феноменов, которые превращаются в культурные традиции и участвуют в конструировании реальности. Концепция философов ориентирована на изучение реальности «жизненного мира», представления о котором возникают на основе обыденного повседневного знания, предшествующего всем теоретическим научным системам. «Обыденное сознание содержит много до- и квазинаучных интерпретаций повседневной жизни, которые считаются само собой разумеющимися. Поэтому при описании повседневной реальности прежде всего следует обратиться именно к этим интерпретациям, учитывая их само собой разумеющийся характер, хотя и в рамках феноменологических скобок» [5, с. 38]. По сути, многие созданные социальные конструкции будут соответствовать естественной установке, то есть будут опираться на жизнеутверждающую слепую веру, что мир существует таким, каким мы его воспринимаем. Поэтому философы, совершая феноменологический анализ повседневной жизни и ее субъективного восприятия, воздерживаются «от причинных и генетических гипотез так же, как и от утверждений относительно онтологического статуса анализируемых феноменов» [5, с. 38]. Таким образом, социальный конструктивизм выносят за скобки объективную (внешнюю)

реальность, мир сам по себе. Объектом его анализа является мир социальных феноменов.

Главной задачей социального конструктивизма является изучение процесса, в результате которого система знаний становится для человека само собой разумеющейся «реальностью», то есть понять, как происходит конструирование феноменальной действительности.

Согласно Бергеру и Лукману, конструирование мира происходит в результате социальных взаимодействий. Ментальные конструкции и образ реальности конструируются при совместной деятельности людей, являются продуктом их коммуникации. Любое социальное знание, полученное путем коммуникации, исходит из здравого смысла, формируется и поддерживается за счет социальных взаимодействий. Многие знания, заложенные в процессе социализации, даются индивиду *a priori*. Подобная преемственность знаний от общества к субъекту изначально гарантирует индивиду смысловой порядок. Эта упорядоченность опыта, хотя и связана с определенной социально-исторической ситуацией, царящей в обществе, но, тем не менее, кажется индивиду естественным способом видения мира, он принимает его безоговорочно и чаще всего до конца не осознает.

Повседневные знания людей включают в себя не только знания о предметах окружающего мира, но и ценности, установленные в определенной культуре. Социальный запас знаний, который имеет субъект, погруженный в повседневность, базируется на схемах типизации, которые позволяют соотносить происходящие события

между собой и на основе сравнения выстраивать представления «не только типизаций других людей..., но и типизаций любого рода событий и опыта, как социальных, так и природных» [5, с. 73]. Схемы типизаций закладываются в сознание человека с самого детства и позволяют усвоить в сжатом виде огромный пласт знаний и опыта, накопленных культурой, и сохранить традиции общества.

Таким образом, социальное знание о повседневном мире является конструктом, который кажется естественным и очевидным, хотя он искусственно создан, принадлежит определенной культуре или общности. Кроме того, социальные знания могут иметь сомнительный (с точки зрения их научности) характер, но будут активно использоваться в повседневной практике членами общества, так как из социального знания нельзя исключать антинаучные, псевдонаучные и паранаучные представления, которые составляют существенный пласт в жизни любого общества [131, с. 18 – 19].

Модели хабиитуализации, реификации и легитимации. Имея большое количество реальностей, человек испытывает потребность внести в собственную жизнь упорядоченность, данная потребность удовлетворяется путем формирования социальных институтов. Образование социальных институтов – один из главных вопросов, разбираемых в социальной феноменологии Бергера и Лукмана, так как именно они являются основным источником формирования феноменологической действительности. Основной задачей социального института является стабилизации деятельности человека. Создание социальных институтов

происходит благодаря процессу хабитуализации («опри-
вычивания») различных видов деятельности человека. Действия, которые часто воспроизводятся, становятся образцами поведения, которые могут многократно повторяться с минимальной затратой жизненных сил, так как субъект освобождается от проблемы выбора и способен предсказывать поведение других людей. Знания о системе типизированных действий (социальные конструкты) передаются новому поколению и воспринимаются как знания объективной реальности, которая, как кажется познающим субъектам, существует независимо от них. С процессом объективаций знаний связана реификация – полное овеществление социальной реальности. Человек не осознает, что социальная действительность и есть продукт совместного творческого конструирования индивидов, поэтому он воспринимает его как «чуждую фактичность», как следствие «природы вещей» [5, с. 146].

Завершающим шагом в формировании социальных институтов является легитимация. Она заключается в объяснении смысла существования социальных институтов, которое осуществляется с помощью языка. Успешное принятие и запоминание смысла социального института субъектами возможно при условии, что институциональные значения будут максимально упрощены до стереотипов. Легитимации заучиваются новым поколением в ходе социализации, этот механизм укрепляет институциональный порядок. Знания, накопленные в обществе на протяжении его исторического развития, образуют «символический универсум», который включает в себя все знания от донаучных до научных, имеющих в обществе.

Конструктивистские модели эволюционизма. Конструктивистские модели эволюционизма базируются на философском осмыслении научных достижений в области биологии, нейрофизиологии, кибернетики, лингвистики, социологии и других наук. Основное положение этих моделей заключается в том, что познание не может быть сведено к репрезентации окружающей действительности, а является активным адаптивным процессом конструирования этой действительности самим познающим субъектом. Можно выделить несколько характерных направлений в рамках эволюционного подхода с ярко выраженными конструктивистскими тенденциями философствования: эволюционная эпистемология, генетическая эпистемология и радикальный конструктивизм. Эволюционная эпистемология представлена моделями «рабочих гипотез», «закрытых и открытых программ». Генетическая эпистемология и радикальный конструктивизм включают в себя модели «схемы действия» и «когнитивного равновесия», «адаптации», «операциональной замкнутости», «самореперентности».

Модели «рабочих гипотез», «закрытых и открытых программ». Эволюционная эпистемология возникла в середине XX века. Она является теорией познания, которая рассматривает когнитивные, ментальные структуры, да и весь процесс познания как результат биологической эволюции. Основы эволюционной эпистемологии заложил К. Лоренц своей «Эволюционной теорией познания», полагая, что процесс эволюции и есть, по сути, глобальный познавательный процесс, так как организм, приспособляясь к определенным

условиям среды, получает информацию об этих условиях и благодаря этому изменяет (совершенствует) свои когнитивные структуры. Процесс эволюции когнитивных структур направлен на обеспечение максимально адаптивного «отражения» реальности и происходит все время. Таким образом, процесс эволюции можно рассматривать как активную конструктивную деятельность по созданию когнитивного аппарата на основе постоянно обновляемых «рабочих гипотез».

Процесс познания, с точки зрения эволюционной теории, обусловлен как структурами внешнего мира, так и структурами когнитивного аппарата, то есть объектом исследования не может быть мир «сам по себе», им являются исключительно продукты сознания (феномены). Данное положение является своеобразной «визитной карточкой» конструктивизма. Эволюционный конструктивизм фактически стирает границу между объективной реальностью и нашим сознанием. «В конечном счете, – пишет Г. Фоллмер, – чувственные органы, центральная нервная система и мозг со всеми его состояниями также принадлежат действительности, как и мир “там вовне”» [140]. Субъект и объект познания составляют единую систему, взаимно определяют друг друга.

В эволюционной модели конструктивизма переосмысливается значение и роль субъекта в процессе познания. Субъект познания играет активную роль в любом акте познания, а само познание рассматривается исключительно как конструирование знаний, из которых слагается мир опыта. Сознание наделяется онтологическим статусом,

хотя и с некоторыми ограничениями его творческой активности, связанными с сопротивлением иных (внешних) реальностей, которые открываются нам через сбои врожденных или приобретенных когнитивных программ.

Эволюционная эпистемология Лоренца, опираясь на данные биологии, дает новый взгляд на ключевые модели конструктивизма, в частности, учение Канта об априорных формах мышления. Как говорилось выше, априорные формы мышления служат основой конструктивной работы сознания, они делают возможным любой опыт и ограничивают когнитивные способности субъекта. В теории Лоренца подвергается критике положение Канта об относительной независимости форм познания от мира природы. Согласно Канту, априорные формы мышления, являющиеся предпосылкой любого опыта, не зависят от законов реальной природы. Лоренц в своей работе «Кантовская концепция априори в свете современной биологии» приходит к мысли, что у животных и человека врожденные знания вырабатываются в процессе эволюции, следовательно, образование априорных первичных принципов сознания находятся в тесной взаимосвязи с законами природы. «По моему мнению, – пишет Лоренц, – действительная взаимосвязь между вещью в себе и специфической априорной формой ее явленности детерминирована тем фактом, что последняя сложилась как адаптация к законам вещи в себе в процессе тесного взаимодействия с этими постоянно действующими законами на протяжении сотен тысяч лет эволюционной истории человечества» [79, с. 18]. Категории и формы интуиции сознания

возникли как результат адаптации живого организма к окружающей среде в процессе филогенеза, поэтому априорные формы мышления возникли апостериори в эволюции человека разумного.

Материальным базисом врожденных структур выступает организация центральной нервной системы. «“Очки”, через которые мы смотрим на мир, – такие формы нашего мышления и созерцания, как причинность, вещественность, пространство и время, – суть функции нашей нейросенсорной организации, возникшей для сохранения вида» [79, с. 249]. Живой организм выступает как самовоспроизводимая, саморегулируемая аутопозная система, которая реагирует только на те воздействия окружающей среды, которые согласуются с ее организацией. Информация о внешнем мире, воспринимаемая организмом, многократно кодируется. В результате процесса кодирования и декодирования информация о внешнем мире неизбежно «искажается», а часть ее вообще отфильтровывается на входе, поэтому, как отмечает Фоллимер, то, что «попадает» в мозг (или даже в сознание), не есть чистое ощущение, а сигнал, который в благоприятном случае может быть прочитан (воспринят или познан) как определенное ощущение. Во всяком случае, далеко не все сигналы достигают уровня сознания. Такие избирательные и искаженные восприятия нельзя считать «отражением» действительности, они всегда являются конструкцией. Поэтому, согласно взглядам эволюционистов, априорные структуры соответствуют объективной действительности в такой мере, в какой обеспечивают жизнеспособность

сформированных когнитивных структур. Естественно, подобная формулировка ставит под сомнения «истинность» получаемого знания. В концепции Канта она обеспечивалась врожденными структурами мышления. Лоренц и Фоллмер считают, что априорные формы мышления являются не более чем «наследственными рабочими гипотезами», которые прошли отбор в процессе взаимодействия с окружающей средой и являются адаптивными. Таким образом, адаптивные врожденные структуры мышления не являются гарантом истины, они соответствуют реальности лишь в той мере, в какой обеспечивают выживание вида *homo sapiens*.

Несмотря на то, что в конструктивистских моделях Лоренца и Фоллмера врожденные и приобретенные знания оцениваются не с точки зрения их истинности, а как средства приспособления к условиям окружающей среды и все знания в таком понимании являются только «рабочими гипотезами», авторы убеждены в том, что любые гипотезы должны быть обоснованы. Их обоснованием (помимо логики) служит опыт. Даже врожденные структуры проходят проверку опытом в ходе естественного отбора. Когнитивные структуры, позволяющие организму выжить и адаптироваться к окружающей среде, являются весьма ограниченными и не дают субъекту всей полноты познания. Однако стремление человека прогнозировать результаты на основании знаний прошлого опыта, которые подтвердились в ходе естественного отбора, характеризует некую врожденную склонность воспринимать закономерности и устанавливать сходства объектов окружающего

мира. Эта «практическая установка» привносит устойчивость в мир опыта. Она устанавливает контроль над происходящими событиями и помогает субъекту адаптироваться к изменяющимся условиям окружающей среды. Однако полученные опытным путем знания все же не дают гарантии применимости в будущем. Окончательная и полная согласованность действительности и нашего представления о ней невозможна в принципе.

Какими же врожденными когнитивными структурами наделены животные и человек? По мысли Лоренца, живые организмы наделены «врожденным механизмом запуска» – физиологическим аппаратом, который фильтрует стимулы. Врожденный механизм запуска приводит в действие инстинктивные движения, свойственные виду двигательные координации, запрограммированные в геноме (геном – совокупность генов, содержащихся в одинарном наборе хромосом). Врожденные механизмы в геноме способны воспринимать и обрабатывать ценную для выживания информацию, но они не в состоянии справиться с новыми быстрыми изменениями окружающей среды. Врожденные механизмы независимы от обучения, являются готовыми приспособительными структурами, замкнутой программой. Они предшествуют опыту и служат предпосылками познания. Когнитивная система организма находится под строгим генетическим контролем. Степень ее автономности от врожденных механизмов варьирует в широких пределах.

Помимо «закрытой программы», обусловленной геномом человека, которая оказывает влияние на познание,

существует еще и «открытая программа», отражающая сам этот процесс. Ее запуск обусловлен способностью субъекта приобретать и накапливать информацию о мире, которая не заключена во врожденных когнитивных структурах (в геноме). Естественно, «открытая программа» разворачивается на основе генетической информации, поэтому обладает ограниченной автономией. Любое обучение является такой «открытой программой», которая осуществляется, когда под воздействием определенных внешних влияний организм выбирает из разнообразных возможностей ту, которая лучше всего подходит к данной ситуации. Превращение живой системы из хранилища генетической информации в субъект познания возможно благодаря этому свойству открытости.

Итак, знания о предметах окружающего мира основываются не только на врожденных механизмах, приобретенных в процессе эволюции, но и на когнитивных структурах, приобретенных в процессе индивидуального опыта. Поэтому в эволюционной модели конструктивизма сознание упорядочивает мир опыта как с помощью априорных форм чувствительности, рассудка и разума (определенных еще Кантом), так и в зависимости от ранее полученных знаний (данных прошлого опыта).

Модели «схем действия» и «когнитивного равновесия». Данные модели характерны для философской концепции Ж. Пиаже и его последователей, рассматривающих познание не как постижение объективного мира, а как формирование (генезис) индивидуального опыта субъекта. Пиаже считает, что система знаний конструируется каждым

человеком в процессе онтогенеза, а сам процесс формирования знаний о мире определяется особенностями восприятия и мышления.

Согласно Пиаже, процесс познания невозможен без структурирования. Поэтому основным вопросом эпистемологии Пиаже является вопрос о том, как происходит возникновение и развитие когнитивных структур. Ответ на данный вопрос дает конструктивистская модель «схем действия», которая является центральной в учении Пиаже. Согласно Пиаже, познание всегда начинается с действия. В процессе повторения действий через их применение к новым условиям окружающей среды и к новым объектам создается определенная «схема действия», практический концепт. «Схема действия» является результатом обобщений прошлого опыта. Она становится исходной точкой для конструирования нового знания.

В основе любого знания лежит процесс ассимиляции изучаемых объектов по определенным схемам, сформированным субъектом. Под ассимиляцией Пиаже понимает «интеграцию новых объектов или новых ситуаций и событий в предшествующие схемы» [95, с. 144]. Термин ассимиляция заимствован Пиаже из биологии. С точки зрения биологии, ассимиляция – усвоение организмом питательных веществ, поступающих из окружающей среды. Переваривая пищу, живая система преобразует ее, подчиняя внутренней структуре организма. Рассматривая ассимиляцию в рамках когнитивной теории, можно осуществить перенос данной модели на процессы восприятия и мышления. Ассимилирующий организм будет воспринимать

лишь то, что укладывается в уже имеющиеся структуры. Интегрирование стимулов с внутренними структурами организма происходит большей частью бессознательно, индивид остается в неведении относительно того, что было отбраковано ввиду несоответствия когнитивным структурам. Таким образом, ассимиляция у Пиаже рассматривается как обработка нового материала на основе уже известных когнитивных структур. «Никакое поведение, даже если оно является новым для данного индивида, не может рассматриваться как абсолютное начало. Оно всегда привязано к предшествующим схемам, будучи, таким образом, равносильным ассимиляции новых элементов ранее сконструированными структурами (врожденным, как в случае рефлексов, либо приобретенным ранее)» [26]. Познающий субъект ассимилирует переживаемые события согласно установленными сенсомоторным и когнитивными структурами организма, человек воспринимает только то, что им соответствует. Ассимиляция обеспечивает сохранность, стабильность познавательных структур. Проявляя активность, познающий субъект будет пытаться ассимилировать переживаемую ситуацию согласно сложившимся представлениям опыта. Если ассимиляция проходит безуспешно, возникает ситуация возмущения. Познающий субъект может предпринять ряд действий, одно из которых рано или поздно окажется наиболее предпочтительным. Индивид пересматривает ситуацию и обнаруживает различия эмпирической данности от представлений прошлого опыта. Новые характеристики ситуации могут перестроить критерии распознавания и таким образом

изменить условия, которые будут инициировать данную схему активности в будущем или же будет сформирован измененный критерий узнавания в результате включения в него новых характеристик, что позволит составить субъекту новую «схему действия».

Неразрывно связан с процессом ассимиляции процесс аккомодации. Аккомодация наступает в тех случаях, когда ассимиляция не приводит к ожидаемым результатам. Аккомодация представляет собой процесс приспособления когнитивной схемы к новым специфическим условиям. Этот процесс можно рассматривать в качестве акта научения организма. Процесс научения наступает тогда, когда когнитивная схема не приводит к ожидаемому результату, вызывает возмущение, и познающий субъект направляет силы на аккомодацию, восстановление «когнитивного равновесия». Стремление живой системы установить «когнитивное равновесие» приводит к тому, что субъект пересматривает систему знаний и включает в нее новые когнитивные структуры. Пиаже пишет: «Что же касается знаний, являющихся результатом опыта, то их уравнивание включает, кроме предшествующих законов, последовательный переход внешнего (экзогенного) во внутреннее (эндогенное) в том смысле, что все возмущающие воздействия (неосуществившееся предвидение и т.п.) вначале уничтожаются или нейтрализуются, а затем мало-помалу интегрируются (с изменением равновесия) и наконец включаются в систему в качестве внутренних вариаций, поддающихся дедуктивному выводу и реконструирующим экзогенное посредством эндогенного» [94, с. 108].

Таким образом, равновесие направлено на уничтожение познавательных возмущений, которые возникают в случае противоречий с данными прошлого опыта. Когнитивное развитие человека направлено на расширение равновесия, «увеличение амплитуды отклонения, с которым организм в состоянии справиться» [26].

Модели адаптации, «операциональной замкнутости» и самореферентности. Модели адаптации, «операциональной замкнутости», самореферентности характерны для концепций радикального конструктивизма. В центре внимания радикального конструктивизма стоит не проблема обоснованности знаний, а исследование самого процесса создания устойчивых и более или менее надежных конструкций феноменальной действительности. Субъекту познания отводится активная роль. Наблюдатель со своим мировоззрением, теориями, гипотезами, установками оказывает решающее влияние на характер изучаемых явлений.

Радикальные конструктивисты считают, что знания служат для организации мира опыта. Исходный хаотичный опытный материал приводится сознанием в регулярный и относительно стабильный упорядоченный мир. «Само собой разумеющейся является мысль о том, – отмечает Глазерсфельд, – что радикальный конструктивизм не следует истолковывать как некое изображение или описание абсолютной действительности, а как одну из возможных моделей познания, относящейся к когнитивным живым существам, способным из материала своего собственного опыта конструировать более или менее надежный мир» [25, с. 80]. В конструктивизме идея о познаваемости

объективной действительности не имеет смысла, так как в любом случае познавая мир, мы будем иметь дело с созданными конструкциями доступной нам феноменальной действительности.

Глазерсфельд, опираясь на концепцию Пиаже, различает два уровня знаний. Первый уровень – сенсомоторный. Знания служат выживанию, благодаря своей полезности. На этом уровне знания рассматриваются с точки зрения адаптации организма. В процессе познания субъектом конструируется наиболее подходящий способ мышления и образ действий. Знания встраиваются в структуру опыта, они выступают как конструктивно-понятийное образование, они не должны вступать в конфликт с опытным миром. Второй уровень – рефлексивный. На этом уровне рассматривается жизнеспособность концепций, понятий, теорий. Жизнеспособность знаний предполагает равновесие структур ментального и чувственного.

Сам процесс получения знания имеет адаптивный характер. «Вопреки распространенному ошибочному убеждению этологов, – пишет Глазерсфельд, – никакие выводы относительно “объективного”, т.е. предшествующего опыту мира, отталкиваясь от строения или поведения живых существ, сделать невозможно. Дело в том, что в соответствии с эволюционными представлениями между внешним миром и способными к выживанию биологическими структурами либо моделями их поведения не существует никакой причинной связи» [25, с. 66]. Основная функция знаний, сложившаяся в процессе эволюции, – обеспечить выживание организма. Конечно же, знания, не соответствующие реальности,

не приводят к немедленной смерти организма, они лишь уменьшают его адаптивные функции, поскольку рано или поздно проявят свою ненадежность. Сама действительность естественным образом определяет пределы допустимого, отсеивает все не подтвержденные опытом идеи и теории. Как известно, естественный отбор не носит направленный характер и не «отбирает» автоматически самые устойчивые, наиболее пригодные и «истинные» экземпляры для жизни. Он производит не только созидательный, но и разрушительный эффект. Поэтому знание будет полезным и жизнеспособными только в том случае, когда оно принесет устойчивость в опытный мир, даст возможность делать предсказания, допускать или предотвращать те или иные явления и события. Знания как бы устанавливают контроль над происходящими событиями и помогают субъекту адаптироваться к изменяющимся показателям окружающей среды. Знание, которое не справляется с этой задачей, воспринимается как сомнительное, ненадежное, а потому – бесполезное. Таким образом, ценность знаний с позиции радикального конструктивизма заключается в создании когнитивных конструкций, адекватных будущему, которые формируются в процессе непрерывного контакта с окружающей средой, что способствует упорядочиванию жизненного опыта и, в конечном итоге, выживанию организма на каком бы уровне организации он не находился.

Нами уже говорилось о конструктивистской модели «аутопоэза» в контексте сравнения ее основных положений с моделью «тело-сознание» Мерло-Понти и априоризмом

Канта. Отметим лишь, что данная модель органично вписывается в систему радикального конструктивизма. Атрибутом любой живой системы является набор связей между структурными компонентами. Аутопоэзные системы – гомеостатические системы, так как для них организация является ключевым фактором, который они поддерживают. Все живые организмы отличаются по структуре, но имеют сходную организацию. Любая живая система отвечает двум критериям: она способна самовоспроизводиться, способна сохранять автономность от внешней среды и, как следствие этого, обладает операциональной замкнутостью. Автономность живой системы заключается в том, что она сама способна устанавливать подходящие законы, внешняя среда может лишь спровоцировать флуктуации, на которые будет реагировать живая система. Таким образом, живая система самоорганизуется посредством обратной связи с окружающей средой, на основе собственных, внутренних закономерностей развития. Определяющим фактором этой самоорганизации является бесперебойное функционирование сети динамических процессов, действия которых не выходят за рамки этой сети. Живая система может изменять структуры когнитивного аппарата, исходя из особенностей ее организации (внутренних закономерностей). Процесс познания предопределен априорными формами сознания, его конструктивистскими инвариантами.

Способность к самоорганизации проявляется через изменение ее структуры. Взаимодействуя с окружающей средой, когнитивный аппарат организма претерпевает

постоянные изменения своей структуры на основе предыдущих структурных изменений. Получается, что нервная система не обрабатывает информацию из внешнего мира, а конструирует мир в процессе познания. Добавление структурных элементов не изменяет существенной характеристики единства, организация остается прежней. Непрерывная история процессов структурных изменений системы без потери организации У. Матурана и Ф. Варела рассматривают как онтогенез. «Онтогенез каждого живого существа представляет собой непрерывный ряд структурных изменений. Это процесс, который, с одной стороны, происходит без нарушения классовой принадлежности и структурного сопряжения между живой системой и окружающей средой с рождения системы до ее распада; с другой стороны, онтогенез следует определенным курсом, зависящим от последовательности структурных изменений, "запускаемых" взаимодействиями» [82, с. 113]. Сопряжение аутопоэзной системы с окружающей средой происходит благодаря физической открытости системы. Под структурным сопряжением радикальные конструктивисты понимают процесс взаимных возмущений между живой системой и окружающей средой при сохранении аутопоэза. Данный процесс приводит к совпадениям между структурными изменениями разных единств, которые в более широком смысле можно рассматривать как их координацию и коэволюцию. Так живая система не только активно обменивается веществом, энергией и информацией с окружающей средой, но и сама определяет область взаимодействия. Все взаимодействия организма с окружающей

средой привносят структурные изменения и влияют на функционирование нервной системы. «В частности, мы, человеческие существа, изменяемся под воздействием любого жизненного опыта, хотя иногда эти изменения не очень заметны» [82, с. 149]. Живая система существует при неизменности паттерна системы, который определяет цикл жизнедеятельности, алгоритмы операций по воспроизводству себя самой.

К биологическому течению радикального конструктивизма можно отнести также концепцию Г. Рота. Рот вносит некоторую корректировку в концепцию Матураны и Варелы, считая, что мозг не является аутопозной системой, так как он функционирует благодаря аутопозу других частей организма. Поддержание собственного существования не является функцией мозга, поскольку он может вовлекаться в процессы не связанными напрямую с выживанием организма. Одним из ключевых понятий концепции Рота является самореферентность. В широком смысле «самореферентность определяется как отсутствие внешних реферирующих (оценивающих, контролирующих) факторов в отношении происходящего в системе» [145]. Принцип самореферентности показывает способность аутопозной системы порождать собственные описания и работать с ними как с независимыми сущностями. В качестве сущности наблюдатель может рассматривать самого себя со своей когнитивной областью взаимодействий. Но познающий никогда не сможет проверить, как согласуется реальный мир и представления о нем, поскольку он не может выйти за пределы своей области

познания, чтобы сравнить отражение с действительностью. Живая система, обладающая информационной замкнутостью, не может взглянуть на себя и на когнитивные структуры как сторонний наблюдатель.

Рот различает два вида самореферентности наблюдателя: функциональную и семантическую. Функциональная самореферентность выражается в том, что живая система вступает во взаимодействие с собственными состояниями по принципу кругообразности, согласно которому последующие состояния системы является результатом предыдущего. Последующие состояния выбирает сама система. Функциональная самореферентность служит организационным принципом для возникновения и развития семантической самореферентности. Семантическая самореферентность заключается в том, что головной мозг наделяет собственные состояния приемлемыми смыслами, то есть совершает некоторую интерпретацию.

С понятием самореферентности тесно связана информационная замкнутость мозга. Физико-химические раздражители окружающей среды, которые воздействуют на рецепторы органов чувств, не приносят никакой «объективный смысл» в нервную систему, значения сигналов конструируются исключительно мозгом. «В таком смысле мозг представляет собой систему производства информации, а не ее потребления» [145]. Поэтому все «внешние» воздействия должны быть переведены во «внутренние» состояния нейронной активности, на которые реагирует аутопоэзная система. Таким образом, согласно концепции Рота, мозг является автономной и операционально замкнутой системой,

так как поступающая информация из окружающей среды переводится в нейродинамические процессы мозга и по сути утрачивает свои первоначальные свойства и характеристики. Рецепторы в виде нейронного кода передают информацию в мозг, но она тем самым уже не несет в себе содержания восприятия. Лишь одна стотысячная часть активности мозга обусловлена работой органов чувств, вся остальная активность мозга направлена на конструктивную деятельность, осуществляемую на основе собственной информации. Таким образом, головной мозг не «отражает» мир, а конструирует реальность из «сырых» данных, получаемых от органов чувств и большого количества врожденных и приобретенных когнитивных структур. Можно констатировать, что ни одно восприятие само по себе не упорядочено и не оформлено. Поступающие от чувственных органов «сырые» данные переплетены, многозначны, только имплицитно информативны. Они постоянно должны формироваться согласно внутренним критериям, это значит, что их информация должна эксплицитно выявляться в свете прошлого опыта. Поэтому восприятие никогда не является отражением чувственных данных, но всегда является конструкцией [56, с. 14]. Однако конструкции не являются произвольными, они создаются в соответствии с критериями, которые носят врожденный характер, либо основываются на индивидуальном опыте. Но создание представлений о действительности большей частью происходит неосознанно, не подчиняется нашей воле.

Согласно концепции Матураны и Варелы, любая живая система способна к самообучению, способность

человека познавать обусловлена его биологической целостностью. Познание, таким образом, является фундаментальной психологической, а значит и биологической функцией, поэтому познание необходимо рассматривать как биологический феномен. Область познания организма совпадает с местом проживания и образует некую «когнитивную область». Организация познающей системы сама задает область взаимодействий с окружающей средой для поддержания себя самой без потери идентичности аутопоэза. Знание субъект получает не в готовом виде, а в процессе проживания «через процесс самой жизни» [82, с. 7].

С точки зрения концепции Рота, отделяющего аутопоэз от самореферентности головного мозга, жизнедеятельность нельзя рассматривать как процесс равнозначный познанию. «Когнитивные процессы создают – в противоположность мнению Матураны – нечто такое, что пребывает на другом онтологическом уровне по сравнению с аутопоэзом. Когнитивность конституирует совершенно новую область бытия тем, что генерирует процессы, а именно – процессы самоописания, которые принципиально не встречаются в физико-химическом мире аутопоэза» [145]. Таким образом, согласно взглядам Рота, когнитивные процессы, происходящие в головном мозге гораздо свободней от ограничений окружающей среды, чем аутопоэзная система в целом, и они подчиняются только своим скрытым механизмам.

В процессе эволюции организмы накопили информацию о внешнем мире, закодированную в нервной системе, поэтому живые организмы адаптированы к окружающей среде. Адаптацией называют совместимость

организма с окружающей средой или структурное сопряжение аутопоэзной системы с действительностью. Организм (нервная система) отбирает структурные изменения, которые позволяют ему выжить, или – погибает. Обусловленность строения когнитивной системы адаптацией к условиям окружающей среды не позволяет говорить о ее полной предсказуемости, но дает возможность понять некоторые законы функционирования данной системы, чтобы предполагать ее поведение. Категории объективной реальности и представления сознания не могут находиться в состоянии полного соответствия. Аутопоэзные системы как фильтры отбирают только ту информацию о внешнем мире, которую в состоянии воспринять. Окружающая среда влияет на живую систему опосредованно через запуск соответствующих врожденных программ. «Взаимодействия между единством и окружающей средой состоят из взаимных возмущений. В такого рода взаимодействиях структура окружающей среды только запускает структурные изменения в аутопоэзных единствах (но не определяет их и не управляет ими), и наоборот, структурные изменения в аутопоэзных единствах вызывают структурные изменения в окружающей среде» [82, с. 68]. Таким образом, нервная система организма сама определяет область возмущений окружающей среды, соответствующую ее организации, а среда служит запускающим импульсом для реализации адаптивных структурных изменений, поэтому приобретенная информация о действительности не представляет собой «отпечаток» в нервной системе субъекта, на основе которого выстраивается поведения субъекта.

В процессе познания происходит не репрезентация реальности, а конструирование представлений о действительности согласно прежним состояниям живой системы, научение организма всегда происходит на базе предыдущих удачных научений. Организм не только конструирует представления о предметах мира, но и конструирует сам себя, изменяя свои когнитивные структуры. «Познание принуждает нас понять, что мир станет другим, только если мы станем жить по-другому» [82, с. 216].

Конструктивистские модели структурализма. Конструктивистские модели структурализма эксплицируются нами на основе различных подходов, существующих в социально-гуманитарном познании, направленных на выявление устойчивых структур функционирования культуры. Данные модели представляют собой совокупность инвариантных отношений (конструктов), которые прослеживаются в динамике различных культурных систем и являются основой для конструирования реальности. В качестве характерных направлений, позволяющих выявить эти модели философствования, нами рассматриваются: структурная лингвистика, структурная семиотика, структурная антропология и ряд других, связанных с ними направлений.

Вообще структурализм базируется на следующих теоретико-методологических положениях: во-первых, структуралисты рассматривают представления о культурной реальности как совокупность знаковых систем и текстов; во-вторых, культурное творчество для них всегда является символотворчеством, т.е. созданием символов-конструктов,

которые начинают жить вполне самостоятельной и реальной жизнью, оказывая влияние на мышление и поведение людей; в-третьих, в любой области культуры можно выделить универсальные инвариантные психические, когнитивные, языковые конструкторы, которые упорядочивают мировоззрение людей и влияют на их поведение; в-четвертых, психические и ментальные структуры подвластны научному познанию путем сравнительного и структурного анализа символической системы культурной реальности.

Структурализм как философское направление, сформировавшееся на рубеже 50 – 60-х годов XX века, синтезировал в себе методологию структурного анализа грамматических, синтаксических и лексических систем языка, психоанализ, неопозитивизм и ранний постпозитивизм. Структурный анализ в языкознании и литературоведении позволил приблизиться к выявлению инвариантных структур языковой деятельности. Психоаналитическое бессознательное стало рассматриваться в качестве универсального «пускового механизма» и регулятора поведения человека. А неопозитивизм и ранний постпозитивизм стали основой критического пересмотра и переработки «типовых» научно-исследовательских программ применительно к антропологическим и культурологическим исследованиям.

Модель языковой структуры как универсальной формы сознания. Структурная лингвистика – направление в языкознании, возникшее в 20 – 30-е годы XX века, занимающееся исследованием и строгим описанием языка. Структурная

лингвистика понимает язык как знаковую систему с четко выраженными структурными элементами (единицами языка, их классами и т.д.) [8, с. 603]. Структура языка представляет собой сеть отношений между элементами языковой системы, которые упорядочены и находятся в иерархической зависимости. Структурная лингвистика рассматривает язык как формообразующий принцип культуры.

Основная задача структурной лингвистики заключается в выявлении структурного единства, которое стоит за знаковым и смысловым многообразием текстов. Анализ любого текста позволяет выделить обобщенные инвариантные единицы (схемы предложений, морфемы, фонемы) и соотнести их с конкретными речевыми сегментами на основе строгих правил их употребления [8, с. 603]. Данные правила определяют допустимые синонимические преобразования единиц языка. Модель языковой структуры играет роль идеальной формы, которую можно рассматривать как некое предельное понятие, абстрагируясь от сознания и переживаний говорящего, от специфики конкретных речевых актов. Именно в этом контексте Ф. де Соссюр говорит о языке как об объекте «в себе». Язык является специфическим и универсальным средством объективации содержания, как индивидуального сознания, так и системы представлений человека о мире. Человек смотрит на мир сквозь язык, так как именно он (язык) определяет представления субъекта о реальности.

В своей работе «Курс общей лингвистики» Соссюр изложил ряд общих принципов структурной лингвистики. Первый принцип заключается в том, что язык необходимо

определять как систему знаков, которая реализуется в речевом акте. Всякая знаковая система функционирует вследствие наличия различий между ее элементами. Смысл любого знака раскрывается исключительно в контексте его отношения к другим элементам, вне системы природа и значение элемента не могут быть поняты, так как вне системы знак не имеет смысла.

В каждой языковой сущности в знаке можно выделить две стороны: означающее, в качестве которого выступает звуковой образ (выражение), и означаемое – смысл (содержание представления о предмете действительности), который закладывается человеком. Знаки, предназначенные для выражения идей, безразличны к их содержанию, функционирование знаков закреплено в традиции и передается из поколения в поколение с некоторыми изменениями. Таким образом, знаки необходимо рассматривать как ментальные конструкторы, несущие в себе смысл, который обусловлен культурной традицией.

Второй принцип выражается в разграничении синхронии и диахронии языка. Ф. де Соссюр считает, что исследовать состояние языка можно на отдельном этапе его исторического развития (синхрония) и в исторической последовательности развития системы языка (диахрония), поэтому Соссюр выделяет следующие независимые дисциплины – синхроническую и диахроническую лингвистику. Он отдает предпочтение исследованию языковой системы на отдельном этапе исторического развития, так как для «говорящей массы» синхронический аспект языка подлинная и единственная реальность [65, с. 219].

Третий принцип заключается в поиске формальных методов изучения языка. Соссюр призывает решать вопросы философии языка методами точных наук, опираясь на психологию и социологию.

Язык, по Соссюру, является системой отношений. Многие классы объектов обладают структурами, подобными языковым, но это происходит потому, что основу любой знаковой системы составляет языковая структура. Основываясь на этом утверждении, лингвист предлагает проект семиологии – дисциплины, которая бы исследовала наряду с языком и другие знаковые системы, функционирующие в обществе. Семиология определяется Соссюром в духе конструктивизма как «наука, изучающая жизнь знаков в рамках жизни общества» [124, с. 40.]. Таким образом, семиология работает с очень широким понятием языка, которое позволяет его трактовать как любое множество объектов природы, обладающих качеством структурности и системности. Язык в самом широком смысле понимается как знаковое многообразие, в котором выражается содержание культуры. Поэтому любые феномены культуры, которые являются носителями явных или скрытых смыслов, можно трактовать как «тексты».

Модели «логического атомизма», «языковых игр» и «предпочтительной интерпретации». Наиболее ярко модель «логического атомизма» в философствовании конструктивистского типа проявилась в работах Б. Рассела. Задачу логического анализа Рассел видит не в исследовании объектов реальности, а в уточнение слов и предложений, которые составляют знания. Прояснение смысла достигается путем

переформулирования неясных положений в более простые и точные. Логический атомизм направлен на разложение сложных высказываний на простейшие, неделимые единицы – логические атомы. В результате проведения логического анализа объектам реальности (атомарным фактам) подбираются соответствующие «имена» – атомарные предложения, которые могут связываться между собой по правилам конъюнкции, дизъюнкции и импликации. Истинность или ложность сконструированных таким образом «молекулярных» предложений зависит от истинности или ложности входящих в них атомарных предложений [122, с. 353].

Рассел признает реальность «чувственных данных», которая трактуется в духе концепции «нейтрального монизма» (Э. Мах). Нейтральный материал представляет собой соединение физического (объекты мира) и ментального (сознание). Таким образом, Рассел отрицает принципиальную разницу между материальным и духовным. «Нейтральное вещество» состоит из элементов, которые выступают в виде логических атомов, синтезирующих в себе идеальные единицы мысли и чувственных данных. «Нейтральные элементы» воспринимаются как идеальные начала, так как вся материя понимается Расселом как «интеллектуальная конструкция». Внешний мир – результат конструирования, продукт духовной деятельности человека, сложная логическая структура. Когнитивные процессы сознания заменяются логическими конструкциями ощущений. «То, что мы называем мыслями, зависит от организации путей в мозге, примерно таким же образом, каким

путешествия зависят от дорог и железнодорожных путей» [106, с. 159]. Предмет познания всегда задан схематично – системой категорий.

Некоторое время ярким выразителем идей «логического позитивизма» был Л. Витгенштейн, однако впоследствии его конструктивистское философствование пошло гораздо дальше. Витгенштейн в своих ранних работах стремился дать точное описание реальности с помощью онтологизации структур языка и установления при помощи правил логики границы выражения мыслей, а следовательно, и границы мира. Предложение языка может говорить о реальности, так как оно включено вместе с реальностью в единую логическую структуру [65, с. 124]. Реальность дается субъекту через язык и является вторичной, по отношению к языку, данностью.

Однако что собой представляет сама эта логическая структура, пронизывающая мир? Она не может быть объектом мира, она также не может быть его феноменом, она представляет собой его границу. Логический каркас очерчивает границу метафизического (трансцендентального) субъекта. Он является априорной формой языка и мира.

Объектом критики «позднего» Витгенштейна стали представления о языке как образе (именовании) реальности. Философ подчеркивает многообразие функций языковых выражений, которые могут раскрывать одни и те же аспекты реальности. Значение не тождественно объекту, обозначаемому словом, оно и не является ментальным «образом» в нашем сознании или «именем» объекта, так как не существует ни одной априорно заложенной структуры,

к которой можно было свести все многообразие форм языковых выражений. Любое слово имеет значение лишь в контексте употребляемого предложения. Таким образом, язык не однороден и способен изменяться, пополняясь новыми структурами. Значение слова не исходно и возникает в ситуации контекстных словоупотреблений, которые организованы по правилам языковых игр.

Постепенно Витгенштейн переходит от модели «логического атомизма» языка (Г. Фреге, Б. Рассел) к новой модели «языковых игр». Языковые игры представляют собой реальные или искусственные фрагменты языка, которые неразрывно связаны с определенной внеязыковой деятельностью, обладающей строгими правилами, которым следуют все ее участники [65, с. 125]. В языковой игре слова употребляются в строго определенном смысле, что позволяет создавать непротиворечивый контекст. Интерсубъективная реальность представляет собой нечто осмысленное, эта осмысленность объясняется овладением системой коллективных языковых и практических значений. Целью языковой игры является устранение «ловушек» естественного языка путем «перевода» непонятных предложений в более совершенные, ясные и отчетливые. Она помогает строго описать объект или явление. Естественно, одно и то же слово употребляется в каждой языковой игре по-разному, а выхваченное из контекста языковой игры вообще лишается своего значения. Таким образом, слово функционирует только в системе языковых игр и человеческой деятельности, в остальных случаях, находясь вне этой системы, оно заводит мысль человека в «ловушки»

(например, ложные аналогии, обобщения, установка рассматривать каждое существительное как «имя» объекта и т.д.).

Витгенштейн, как и конструктивисты, занимает антикартезианскую позицию, не противопоставляя *res cogito* и *res extens*, внутренний мир сознания и внешний мир физических вещей и явлений. Согласно Витгенштейну, подлинность значения слов можно установить исключительно в границах коммуникативного функционирования языкового сообщества. Любое переживание всегда осуществляется посредством определенных языковых игр, в ходе которых происходит конституирование смысла. Логика мышления совпадает с логикой языка, а бытие субъекта совпадает с областью вербализации.

Понятие «языковая игра» постепенно заменяется Витгенштейном на понятие «форма жизни». Познание возможно только в контексте определенных форм жизни. Достоверность знаний опирается на соглашение людей в суждениях в контексте определенных языковых игр или форм жизни. Такие базисные утверждения не являются ни интуитивно очевидными, ни надежно обоснованными. Они являются шаблонами действия, изначальными условиями осмысленности любых «ходов» в языковой игре, поэтому представления о реальности, сконструированные в рамках определенной общности или культуры, нельзя рассматривать как истинные или ложные. В поздних работах Витгенштейн отрицает реальность каких-либо каузальных связей между фактами и представлениями о них. «Я обрел свою картину мира – пишет он, – не путем подтверждения ее правильности и придерживаюсь этой картины не потому,

что убедился в ее корректности. Вовсе нет: это унаследованный опыт, отталкиваясь от которого я различаю истинное и ложное» [13, с. 105]. По мысли Витгенштейна, человек проявляет свое творческое начало в желании уравновесить реальность и логику при помощи достижения полной ясности языка, однако он понимает мир как совокупность вещей и явлений, которую невозможно точно описать.

В философии Витгенштейна можно увидеть ряд конструктивистских идей, получивших дальнейшее распространение в различных течениях конструктивизма. Например, в концепции радикального конструктивизма У. Матураны и Ф. Варелы имеет место понятие «когнитивная область», которое обозначает все взаимодействия, в которых участвует аутопозная система без потери своей идентичности (организации). У Витгенштейна роль такой «когнитивной области» выполняет язык, границы которого определяют границы мира, то есть субъект может познать только то, что может быть выражено в языке. Язык является для Витгенштейна, как и для многих структуралистов, тем инвариантом, который обуславливает субъективацию реальности. Основной идеей конструктивизма является то, что познание не является адекватным «отражением» объективной (внешней) реальности. Витгенштейн выражает подобную мысль, считая, что смысл слова никогда не тождественен объекту, обозначаемому словом. Значения и представления о реальности конструируются в процессе языковой игры, которая состоит из определенных шаблонных действий, поэтому представления о реальности, сконструированные в рамках определенной

общности или культуры, нельзя рассматривать как истинные или ложные.

Дальнейшее развитие данные конструктивистские идеи получают в онтологической герменевтике (Х.-Г. Гадамер, П. Рикер). Наиболее характерной конструктивистской моделью философствования в рамках онтологической герменевтики можно считать модель «предпочтительной интерпретации» П. Рикера. Философ стремится рассматривать герменевтику как способ включения индивида в целостный контекст культуры. Задача герменевтического анализа текста для философа заключается в обосновании культурно-исторической творческой роли человека в данном процессе. В философии Рикера личность выступает фундаментальной категорией, так как она сама порождает значения, обуславливающие смысл человеческой культуры.

Рикер, как и структуралисты, считает, что опыт человека изначально принадлежит сфере языка. «Нет символики до говорящего человека, – пишет он, – хотя сам символ имеет еще более глубокие корни; именно в языке космос, желание, воображение получают возможность быть выраженными; непременно нужно слово, чтобы воспроизвести мир и сделать его священным» [111, с. 46]. Символ воспринимается Рикером как иерархичная структура значений, где первичный смысл проясняет иносказательный, экзистенциальный вторичный смысл, который становится понятным только в контексте смысла исходного. Рикер отмечает: «Я называю символом всякую структуру значения, где один смысл – прямой, первичный, буквальный – означает одновременно и другой смысл – косвенный, вторичный,

иносказательный, – который может быть понят лишь через первый» [111, с. 45]. Задача познающего субъекта – интерпретировать скрытые смыслы, стоящие за очевидными смыслами.

Согласно Рикеру, язык, изначально обладающий символической функцией, создает вторичное осознание реальности, так как при первичном понимании человек интуитивно постигает существование до языка. Таким образом, язык является средством, с помощью которого человек конструирует «второй мир».

Истолкование символов осуществляется в соответствии с «сеткой предпочтений» той или иной теоретической системы, при этом символ лишается в процессе интерпретации своей многозначности. Например, «археологический» способ интерпретации (психоанализ) объясняет феномены сознания и культуры вытесненными желаниями и аффектами из самого субъекта. Психоаналитическая теория ограничивает правила дешифровки тем, что можно назвать «семантикой желания». Сначала субъект движется к архаике (мифу), к детству или первобытности, а потом черпает смысл уже не из своего бессознательного, а извлекая его из «вне». Таким образом, существование, о котором может говорить онтологическая герменевтика, всегда является интерпретированным существованием. В работе интерпретации оно открывает многочисленные модальности собственной зависимости – от желания, высвеченного в археологии субъекта, до духа, высвеченного в его телеологии, и до священного, высвеченного в его эсхатологии. Телеология и эсхатология субъекта не столько

противопоставляются археологии субъекта, сколько диалектически взаимодополняют друг друга.

Согласно Рикеру, в лингвистической философии все интерпретации законны в рамках теории, которая обосновывает правила прочтения текста. В этом плане модель «предпочтительной интерпретации» Рикера можно сравнить с моделью «языковых игр» Витгенштейна. Их «работа» обусловлена той ли иной экзистенциальной функцией. Рикер подчеркивает, что за «конфликтом интерпретаций» кроется различие способов экзистенции, поэтому единой и единственной теории интерпретации быть не может. Множественность интерпретаций и их конфликт не являются недостатками, а скорее достоинствами понимания.

Познание сущего всегда осуществляется через самопознание, при этом преодолевается дистанция между минувшей культурной эпохой, которой принадлежит текст, и самим интерпретатором. Становясь «современником» минувшей эпохи, осуществляя «предпочтительную интерпретацию», интерпретатор может присвоить себе смысл, делая его своим смыслом. Таким образом, расширение области познания субъекта осуществляется через понимание другого, а также самопознание достигается тоже через понимание другого, «самость, которая направляет интерпретацию, может вернуться к нам лишь как результат интерпретации» [111, с. 50]. В этом нам видится сходство модели «предпочтительной интерпретации» с моделью «операциональной замкнутости» радикального конструктивизма. Человеческое существование посредством «предпочтительной интерпретации» присваивает

смысл символического феномена и тем самым субъективирует его в индивидуальной жизни духа.

Модели архетипов, «универсальных структур» сознания и «децентрированного субъекта». Решающее влияние структурная лингвистика оказала на пересмотр многих положений философской антропологии. В результате синтеза конструктивистских идей структурной лингвистики, а также психоанализа, в философской антропологии в первой половине XX века возникло новое структуралистское направление. Большой вклад в развитие структурной антропологии внес К.Г. Юнг – основоположник аналитической психологии, автор концепции коллективного бессознательного, основанной на символических структурах сознания. Основная задача аналитической психологии Юнга заключалась в том, чтобы дать научную интерпретацию архетипической символике, которая коренится в коллективном бессознательном. Цель психотерапии Юнга – индивидуализация личности, которая представляет собой динамичный и эволюционирующий процесс интеграции многих противодействующих внутриличностных сил. Однако индивидуализация возможна только при достижении интеграции сознательного и бессознательного начал психики через символическое толкование и переживание архетипических структур [122, с. 526]. Вследствие этого развитие личности не может быть полностью детерминировано ее индивидуальным опытом. Существенное влияние на развитие оказывают общечеловеческие (безличные) устойчивые символические конструкты – архетипы.

Термин «архетип» происходит от двух греческих слов: *arche* – начало и *typos* – форма, образец. В позднеантичной философии под архетипом подразумевается прообраз или эйдос в платоновском смысле, однако современное употребление понятия архетипа отходит от первоначального значения и трактуется весьма многозначно – это врожденные психические структуры коллективного бессознательного; коррелируют инстинктов; результат спонтанного порождения образов (символов) инвариантными для всех времен и народов нейродинамическими структурами мозга, чистая форма восприятия. «Архетип, – пишет Юнг, – это сам по себе пустой, формальный элемент, не что иное, как “*facultas praeformandi*”, некая *a priori* данная возможность определенной формы представления. Наследуются не представления, а формы, которые в этом отношении в точности соответствуют также формально определенным инстинктам» [155, с. 49]. Архетипы являются универсальными моделями бессознательной психической активности, спонтанно определяющими человеческое мышление и поведение. Идея архетипа в той или иной мере соответствует основному положению конструктивизма об априорных формах сознания, правда акцентирует внимание на их мифически-символической специфике.

Архетипы можно сравнить с кантовскими априорными формами сознания, но они лишены абстрактности и эмоционально насыщены. Данные врожденные программы влияют на поведенческие реакции, восприятие, мышление, воображение, организуя индивидуальный опыт субъекта. По сути, архетипы являются априорными

формами родового опыта, которые выступают в роли сигнала к определенному действию индивида, так как они содержат в себе и общие для всего живого инстинкты, и специфические реакции на феномены внешнего и внутреннего мира [65, с. 37].

Разделяя эволюционные взгляды Э. Геккеля на процесс индивидуального развития, считая, что в онтогенезе повторяются этапы эволюции, Юнг рассматривал архетипы как результат суммарного опыта бесконечного числа предков современного человека. Выход же на поверхность сознания символов прошлой эпохи означает, по Юнгу, возвращение бессознательного к прошлому моменту развития коллективной души. Еще одним «родимым пятном» эволюционизма в концепции Юнга является толкование архетипа как инстинкта. Юнг приписывает каждому психическому явлению, обусловленному не волей субъекта, а динамическими побуждениями, инстинктивный характер. Поэтому, согласно его концепции, архетипы являются формами проявления инстинкта. «Архетипы суть бессознательные отображения самих инстинктов, – отмечает Юнг, – другими словами, они представляют собой модель и образец инстинктивного поведения» [155, с. 13]. Основное сходство архетипов с инстинктами выражается в том, что и те, и другие передаются по наследству и влияют на поведение индивидов. Но существует важное различие между архетипами и инстинктами, заключающееся в «пусковых механизмах» их работы: архетипы проявляются в результате кризисных изменений психического состояния субъекта, инстинкты же являются приспособительной

реакцией организма на влияние окружающей среды. Можно сказать, что архетипы действуют в психической реальности, инстинкты же – в эмпирической, выполняя роль защитных адаптивных механизмов. Эвристическое значение архетипов заключается в том, что у субъекта, столкнувшегося со сложной ситуацией, которую трудно оценить, всплывают архетипические образы, определяющие адаптивное поведение, только в этом их значение для психики аналогичное значению инстинктов для выживания организма. Проводя аналогии с конструктивистским философствованием в рамках эволюционизма, архетипы можно рассматривать как своего рода «протознание», на котором базируется познавательный процесс, обеспечивающий организму приспособление и выживание.

Адекватное познание внешнего мира отрицается Юнгом, так как на представления субъекта влияют особенности его индивидуальной психической организации и архетипические структуры бессознательного. «Мы вообще никогда не в состоянии узнать, как устроен мир сам по себе: ведь мы вынуждены трансформировать физические события в психический процесс» [155, с. 27]. В процессе познания человек достигает не объективации, а субъективации действительности, поскольку субъективную часть познания составляют индивидуальные и общечеловеческие психические структуры (предзаданные конструкты), а объективную – феноменальный мир, который интерпретируется благодаря естественной установке как мир внешний.

Об априорности архетипов говорит то, что они не несут конкретного психического или смыслового содержания. Бессознательное поставляет исключительно чистые

формы, которые заполняются содержанием через индивидуальный опыт. Архетипы проявляются в результате возникновения проблемной, кризисной ситуации, и начинают работать по такому же принципу, что и кантовские категории, с той лишь разницей, что они формируют структуру психики, а не рассудка. Каждый архетип имеет определенную схему (форму), которая связывает с сознанием информацию, получаемую из внешнего и внутреннего мира. Не случайно Юнг сравнивает архетип с системой осей кристалла, которая задает ему определенную форму в растворе, распределяя частицы вещества [65, с. 37]. Любой архетип связан с тенденцией выражения определенных чувств и мыслей по отношению к объекту или ситуации.

В чистом виде архетип не входит в сознание, он всегда соединяется с представлениями опыта и только тогда подвергается сознательной обработке. «Архетип посредничает, объединяя противоположности между бессознательными основами и сознанием. Он наводит мосты между нынешним сознанием, которому грозит искоренение, и естественной бессознательной целостностью седой старины» [155, с. 106]. Эти глубинные изначальные образы человек воспринимает только интуитивным путем, они прорываются на «поверхность» сознания в результате бессознательной деятельности в виде сновидений, галлюцинаций, мистических видений и т.п.

Огромное влияние концепция архетипов Юнга оказала на становление структурной антропологии К. Леви-Стросса. Структурная антропология Леви-Стросса посвящена изучению систем родства, мифов, фольклора, анализа

ритуалов первобытных человеческих сообществ. В своей концепции Леви-Стросс с помощью выявления универсальных структурных закономерностей устанавливает корневое морфологическое единство различных форм культур. Через установление корневого морфологического единства различных культурных форм можно обнаружить те универсальные конструкты, которые являются предпосылками мыслительной активности субъекта.

Согласно Леви-Строссу, многообразие языков, мифов и социальных отношений корениться на общей основе (универсальных структурах), которая обусловлена биологической конституцией человека, априорно заложена в бессознательном. Ментальные структуры никогда не осознаются и не изменяются в ходе истории, они даны самой природой, являясь «отображением биологического характера человеческого мозга» [65, с. 391]. Индивидуальный опыт человека встраивается в заранее подготовленную структуру бессознательного, которая упорядочивает данный опыт, а подсознание наделяет его универсальным смыслом. «Можно сказать, – отмечает Леви-Стросс, – что подсознание – это индивидуальный словарь, в котором каждый из нас записывает лексику своей индивидуальности, и что бессознательное, организуя этот словарь по своим законам, придает ему значение и делает его языком, понятным нам самим и другим людям (причем лишь в той мере, в коей он организован по законам бессознательно-го)» [70, с. 212]. Изначально Леви-Стросс определяет бессознательное в духе Фрейда, считая, что оно имеет сексуальную природу, но в дальнейшем он «интеллектуализирует»

бессознательное, определяя его как формальную структуру человеческого разума, представляющую собой инвариантный комплекс законов, который является общим для всех людей. Сознание, по Леви-Строссу, существует на пересечении бессознательных структур человеческого духа. Каждая структура соответствует определенному уровню социальной реальности. Структуры бессознательного не изменяются со временем, воспроизводят себя в любую эпоху, поэтому основной целью Леви-Стросса было найти параллели сегодняшнего дня с архаическим обществом. Таким образом, бессознательное воспринимается как всеобщая формальная матрица, которая определяет организацию различных уровней социальной жизни [87, с. 549]. Бессознательное и его продукты являются знаковыми системами, общими структурными законами, которые управляют жизнью людей и раскрывают принципы функционирования норм поведения в обществе.

Задачей структурной антропологии является выявление этих базовых конструкторов, совокупность которых относятся к бессознательной части человеческой жизни. Они составят исходную единую матрицу, которая позволяет систематизировать и классифицировать различные проявления реальности. Обнаружение этих универсальных структур начинается с регистрации конкретных фактов, затем путем сравнительного метода устанавливается взаимосвязь между ними, факты группируются (первая стадия синтеза), далее происходит переход к конечной стадии синтеза – стадии структурной антропологии.

Универсальные структуры сознания показывают, как функционирует культурная практика и как меняются представления индивидов. Установить общую схему (структуру) мифов и ритуалов возможно с помощью сведения их к базовым компонентам. Изучая примитивные общества, Леви-Стросс обнаруживает, что культура аборигенов и западное общество имеют сходные характеристики базовых компонентов. Фольклор, мифология основаны на противопоставлениях (оппозициях). Например, мужское – женское, верх – вниз, белое – черное и т.д. Бинарные оппозиции объединяются в синтезах, делая окружающий мир более осмысленным. Например, структура мифа всегда остается неизменной как в синхроническом, так и в диахроническом плане. Эта структура едина для всех языковых культур независимо от смыслового содержания текста. Все сказки, сказания, мифы, ритуалы, обычаи можно свести к простейшим структурам, из которых будет разворачиваться их содержание. «Эти структуры не только едины для всех и безразличны к материалам, которые они организуют, но еще и очень малочисленны» [70, с. 212]. Мир символов, по Леви-Строссу, чрезвычайно разнообразен по содержанию, однако поразительно однообразен по строению.

В отличие от теории архетипов Юнга, с точки зрения которого архетипы не операциональны, т.е. не корректируют сознание индивида, поскольку проявляют себя главным образом в эмоциональной сфере, универсальные структуры сознания Леви-Стросса выступают в роли своего рода «рабочих гипотез», приспособляющих познавательный процесс к сфере бессознательного и придающих ему символическую форму.

Можно провести параллель между универсальными символическими структурами сознания Леви-Стросса и априорными формами Канта. Человек обладает собственными формами, согласно которым конструируются представления о реальности. Таким образом, объективная реальность остается непроницаемой для познающего индивида, поскольку он создает представления о ней в соответствии со своей структурной организацией. Объектами структурной антропологии являются структуры, которые не принадлежат к эмпирической реальности, а являются конструктами сознания. Таким образом, основу познания образуют конструкты субъекта, которые Леви-Стросс называет универсальными структурами сознания. Универсальные структуры сознания накладывают упорядоченность на мир опыта, организуя наши представления о реальности.

Леви-Стросс преодолевает классический эмпиризм, утверждая, что объективная реальность никогда не дается субъекту в опыте, но приблизиться к ней можно лишь путем моделирования бессознательных процессов [122, с. 221]. Структуры, выделенные посредством структуралистского метода, хоть и не относятся к эмпирической реальности, но, тем не менее, существуют. Они не могут быть предметом непосредственного наблюдения, об их существовании мы узнаем по реализуемым ими функциям. Таким образом, исследование структур сознания открывает нам закономерности устройства и развития объективной реальности, роль и место в ней человека, но понятие структуры нельзя подвергать фетишизации и «выводить за скобки» феноменальной действительности.

Леви-Стросс отрицает главный принцип картезианства «я мыслю, следовательно, существую», считая, что сознание не проявляет свою субстанциональность, а служит опорой бессознательного, где генерируются его составляющие. Структурная антропология Леви-Стросса является «кантианством без трансцендентального субъекта» (П. Рикер), так как в нем нет места *cogito* Декарта. Отрицая в своей концепции трансцендентальный субъект, Леви-Стросс пытается возвести универсальные структуры человеческого сознания в ранг объяснительного принципа. Таким образом, в структурализме происходит «децентрация субъекта», связанная с тем, что индивидуальное сознание подвержено влиянию бессознательных механизмов и вполне управляемо внешними силами. Бессознательное посредством культуры подвергается рациональной упорядоченности, например, с помощью механизмов функционирования языка. Однако «структура языка остается неизвестной говорящему до создания научной грамматики, и <...> даже тогда она продолжает определять формы речи помимо сознания субъекта, так как она ставит его мышлению концептуальные пределы, которые он принимает за объективные категории» [70, с. 30]. Язык скрывает в себе систему регулярных зависимостей, общественных отношений, которые усваивает индивид. Бессознательное, сотканное из универсальных законов, играет в культуре символическую формообразующую роль. Оно является формальным условием языковой деятельности, организующим словарный запас в речевой поток. По мысли Леви-Стросса, само содержание словаря, заложенное в процессе

индивидуального развития, имеет меньшее значение, чем его структура [70, с. 212].

Синтез структурализма и психоанализа порождает еще одну своеобразную конструктивистскую модель философствования, предложенную Ж. Лаканом. Структуралистский психоанализ Лакана базируется на структурной лингвистике и структурной антропологии. Его основное положение заключается в том, что, вопреки мнению большинства психоаналитиков, механизмы бессознательного могут получить адекватную интерпретацию. Бессознательное может быть подвергнуто формализации с помощью лингвистических моделей, что даст возможность осуществить «рационализацию» душевной жизни. По сути, выявление «грамматики языка» и «грамматики разума» – это и есть структуризация бессознательного.

Согласно Лакану, общество вторгается в индивидуальное бессознательное посредством языка. Применяемая в процессе коммуникации сетка символов накладывается на бытие каждого человека и образует интерсубъективную реальность. Приобщение к символическому наблюдается не только в течение всей жизни индивида, но и происходит «до» его индивидуального рождения (брак родителей и приглашение о рождении ребенка) и «после» его индивидуальной смерти (обряд погребения) [67, с. 49]. Субъект, овладевая языковыми кодами, получает возможность оформлять и структурировать индивидуальное бессознательное согласно языковым правилам. Лакан отводит языку главную роль в человеческой психике, поскольку он выполняет символическую функцию, подчиняя себе эмпирическую

реальность и «воображаемое» [67, с. 219]. Бессознательное постепенно утрачивает свои хаотичные свойства и становится окультуренным. Задачей личности становится сведение своего бытия к языковым обнаружениям бессознательного, к «проговариванию» своего существования. Окультуренное бессознательное преобразуется в произведения искусства и другие культурные явления. Бессознательное наполняет язык эмоциональными, экспрессивными элементами, язык же «загоняет» бессознательное в «структурную клетку», в сетку значений и смыслов.

Лакан, подобно Леви-Строссу, пересматривает декартовское *cogito ergo sum*, считая, что субъект не исчерпывается *cogito*, поэтому его следует рассматривать на разных уровнях. Обоснование существования с помощью мышления должно быть также опосредованно речью. Речь (язык) выполняет творческую символическую функцию и является первичной по отношению к бытию структурой, так как является универсальным источником образования значений и смыслов, посредством чего «образуются» предметы (вещи). Посредством слова «рождается та вселенная языкового смысла, в которой упорядочивается впоследствии вселенная вещей» [67, с. 46]. Лакан считает, что понятие способно замещать вещь с помощью символических свойств языка. Поэтому возможна свобода человека, которая проявляется не в области физического или психического, а в области символического, и реализуется в языке. Благодаря символическому творчеству человек выходит за границы эмпирического мира в мир культуры. Таким образом, эмпирический субъект обретает своего культурного

двойника, что, по мнению Лакана, свидетельствует о «фантомности» Я субъекта. Субъект Лакана, как и субъект Леви-Стросса, «децентрирован», растворен в формах языкового порядка и является инструментом и результатом презентации культурных смыслов языка [102, с. 640].

Основываясь на экспериментальных данных в области психиатрии, Лакан приходит к мысли, что означающее и означаемое, как правило, разомкнуты. Подобный разрыв между объектами и представлениями о них характерен для многих конструктивистских моделей. Получается, что не субъект (например, больной) управляет речью, а речь управляет субъектом. В результате нарушения привычной связи речи, мышления и деятельности у больного выпадают целые блоки означаемого. Поэтому, занимаясь исследованием речевого потока на уровне означающего, мы можем уловить нарушение структурного баланса и заняться структурной корректировкой означаемого и означающего. Аналитическая интерпретация, по мысли Лакана, делает «почти очевидным» то, что отношение реальности и мышления не есть простое соотношение означающего и означаемого, в этом отношении означающее стоит перед означаемым. Это свойственно, например, употреблению языка, где эффекты означаемого создаются перемещением означающего. Лакан утверждает, что язык называет не вещь, а выражает ее значение. А значение, в свою очередь, отсылает к другому значению, а не к вещи. С помощью языка реальность входит в область символического. Человек конструирует «слой реального» в своей личности с помощью языковых эффектов, которые, как правило, отрезаны

от предметной опоры. Языковая сеть опутывает мир, превращая его в текст, сводит реальность и бытие к языку.

Большое внимание Лакан уделяет проблеме соотношения реального, воображаемого и символического. Используя концептуальную модель Фрейда, он наделяет ее элементы новым содержанием: место «Оно» занимает «реальное», роль «Я» выполняет «воображаемое», а функцию «сверх-Я» – «символическое» [65, с. 380]. Образы реального конструируются в соответствии с познавательными интересами, поэтому восприятие в сфере реального оказывается неполным. Воспринимаемый реальный объект утрачивает свою реальность, превращаясь в воображаемый образ, феномен сознания. Реальность фактически выносится «за скобки». Сам же субъект со своими образами, фантазиями, иллюзиями всецело принадлежит к сфере символического. Символическое Лакан рассматривает как структурирующую силу, которая господствует над «реальным» и над «воображаемым» [65, с. 380]. Согласно Лакану, «символическое» всецело господствует над «реальным» и «воображаемым», так как сознание не может познать реальность саму по себе, а «воображаемое» во многом иллюзорно и субъективно. Децентрированный субъект выступает в качестве связующего звена между «реальным», «воображаемым» и «символическим», которые составляют основу субъективированного бытия.

Модели «утопичной денотации», деконструкции и «ризо-мы». Как известно, классическая философия строго соотносит значения текстового содержания с его конкретным денотатом. В концепциях лингвистического постмодернизма,

которые явились продолжением конструктивистского философствования структурализма, постулируется программная открытость значения, которая обусловлена неисчерпаемостью множества его интерпретаций. С точки зрения моделей постмодернистского философствования, значения вариативны, отдельно взятое слово может означать разные феномены реальности. Бесконечное количество интерпретаций смысла практически растворяет качественную определенность самости в плюрализме трактовок. Стоящее за словом понятие утрачивает денотат как онтологический гарант семантической определенности, десигнат как идеальный конструкт остается его единственным референтом [87, с. 810]. В любом тексте означающее всегда находится в отрыве от означаемого, между ними не существует никакой естественной связи. Денотат не соотносится с объективной реальностью, только с реальностью самих знаков. Понятие лингвистической нормы полностью дискредитирует себя, вследствие этого снимается вопрос об истинности текста, устраняется проблема понимания в герменевтическом смысле. Например, реальность в трактовке Ж. Бодрийяра – «это фантазм, посредством которого знак постоянно пытается предохранить себя от преследующей его символической деконструкции» [108, с. 194]. Субъект сам по себе, так же как объективная реальность, вне языка не существует. Наблюдается тенденция текстуализации сознания и личности индивида, растворение его в языке, которое получает метафоричное название «смерти субъекта».

В конструктивистской концепции Р. Барта значение рассматривается как процессуальный феномен. «Значение – это соединение того, что означает, и того, что означается; это не форма и не содержание, а связующий их процесс» [4, с. 233]. Понятийное содержание высказывания – это видимость значения, объективный мираж, порожденный и сформированный соотношением означающих терминов между собой [102, с. 609]. Вообще следует отметить, что для моделей философствования лингвистического постмодернизма характерен отказ от репрезентативной теории знака. «Оязыченная» реальность, которая имеет множество интерпретаций, теряет связь с объективной действительностью. По мысли Барта, смысл можно конституировать только исходя из внутритекстового значения (контекстного и коннотативного). Поэтому текст не воспринимается Бартом как совокупность знаков, наделенная смыслом, а представляется ему в виде пространства, где «прочерчены линии смысловых сдвигов», вдоль которых можно производить интерпретацию [102, с. 1016].

Слово в лингвистическом постмодернизме перестает выступать в качестве референта выраженного соответствующим понятием объекта, оно обретает сугубо индикативную функцию. Так Ж. Делез считает, что слово может выступать лишь в функции произвольного «указателя» или «индикатора», но не позволяет усмотреть за словом «понятие», определенность содержания. Наиболее ярко эту мысль представляет конструктивистская модель «утопичности денотации» Р. Барта. Согласно которой в условиях «кризиса денотации» правомерно говорить лишь

о «референциальной иллюзии повествовательного текста», о нерепрезентативном понимании смысла [102, с. 642]. Расхождение означающего и означаемого можно считать своего рода «болезнью» языка. Но с точки зрения структурализма расхождение не просто является «ошибкой» заблудшего сознания, оно создает новые пласты жизни – духовность и социальность.

В конструктивистском («деконструктивистском») филолософствовании Ж. Дерриды мир трактуется как бесконечный, безграничный текст, для понимания которого необходимо провести деконструкцию. Только деконструкция способна раскрыть смысл текста посредством разрушения прежних стереотипов, что даст возможность включить его в новый контекст. Смысл текста конструируется в процессе прочтения. В тексте невозможно выявить единый направляющий принцип. Текст – это образование, на теле которого видны следы многих «прививок», знаки «включенности» в этот текст текстов, не сводимых ни к какому синтезу [122, с. 126]. В игре неоднозначных смыслов создается ткань текста.

В своей работе «Структура, знак и игра в дискурсе о гуманитарных науках» Деррида подвергает критике сам принцип «структурности», выявляя ненадежность любого способа языкового обозначения [38]. Текст, согласно Дерриде, не может обладать единым принципом структурности, его значение определяется изменчивыми контекстами. Всегда считалось, что центр управляет структурой, однако он сам парадоксальным образом избегает структурности, поскольку, находясь в центре структуры, он не принадлежит

ей [37, с. 353]. Поэтому Деррида рассматривает этот «центр» как фикцию, воображаемый конструкт, созданный наблюдателем в процессе интерпретации текста. Например, Деррида рассматривает в качестве центров интерпретации такие распространенные конструкты, порожденные западноевропейской философией, как «сознание», «*cogito*», «внутренний голос» и т.п., которые навязывают тексту свой собственный смысл. Поскольку, «ничего не создается вне текста», интерпретирующее сознание тоже понимается как своеобразный текст, который составлен из культурных систем и норм своего времени. Любая интерпретация всегда исторически обусловлена.

Итак, основными объектами деконструкции являются знак, письмо, речь, текст, контекст, чтение, метафора, бессознательное и др. Свой «деконструктивистский проект» Деррида начинает со знака. Опираясь на утверждение Ф. де Соссюра о произвольности знака («означающее немотивированно, т.е. произвольно по отношению к данному означаемому, с которым у него нет в действительности никакой естественной связи» [125, с. 101]), Деррида приходит к выводу, что знак никогда не замещает вещь, но предшествует ей. Означаемого как материального объекта не существует, поэтому знак не связывает объективную реальность вещей и идеальный мир слов. Знак выбирается произвольно. Философ подчеркивает, что любой знак есть обозначающее, обозначаемое которого есть другое обозначающее, но никогда оно не является самой вещью. Поиск смысла является бесконечным подразумеванием, беспрестанной отсылкой от одного означающего к другому.

Несоотнесенность знака и обозначаемого явления раскрывается через понятие «различение». Различение понимается философом несколько иначе, чем принято в структурализме. Оно не включено в систему оппозиций (К. Леви-Стросс) и не имеет смысловаразличающей роли. Различение для Дерриды не просто уничтожение или примирение противоположностей, но и одновременное сосуществование в процессе дифференциации. Знак и обозначаемое с помощью него явление разделяются временным интервалом. В ходе применения в системе других знаков знак превращается в след этого феномена. В результате процесса означивания слово теряет свою непосредственную связь с референтом, со своим «происхождением». Таким образом, «знак» обозначает не сам предмет, а его отсутствие [37, с. 384]. В этом смысле Деррида производит ревизию традиционного понятия знака как структуры, связывающей означающее и означаемое. Вследствие этого провозглашается принципиальная неопределенность любого смысла, отрицаются любые критерии истины, в том числе и феноменологический критерий – «очевидность». Деррида критикует основные принципы конструктивистских моделей Э. Гуссерля, базирующиеся на «имманентной данности» бытия сознанию и однозначном конституировании «жизненного мира».

Проблема смысла и интерпретации текста является основной и в философии Ж. Делеза. Философствование для него – это свободное конструирование и дальнейшее использование понятий, которые обозначают то, что еще не вошло для человека в объектный строй мироздания.

Главное в философском творчестве – нахождение таких понятийных средств, которые наиболее полно выражают многообразие жизни. Делез утверждает, что смыслы порождаются событием, поэтому отдельно от контекста события смысл определить невозможно.

В своей работе «Анти-Эдип» Ж. Делез и Ф. Гваттари вводят понятие «ризомы». Ризома – это конструкт философствования, с помощью которого фиксируется принципиально внеструктурный и нелинейный способ организации целостности, оставляющий возможность для «имманентной автохтонной подвижности» и, соответственно, реализации ее внутреннего креативного потенциала «самоконфигурирования» [47, с. 883]. Модель ризомы разрушает традиционные представления о структуре текста как семантически центрированной и стабильно определенной системе. Не существует того «центра», который упорядочивал и сводил бы интерпретации к одному смыслу. Ризома становится символом нового типа культуры. Она является моделью, которая противостоит идеи «дерева», где от общего концепта (ствола) отходят подчиненные ей концепты (ветви). Символ «дерева» порождает «бинарную» систему мира, от которой современное философствование может уже отказаться.

Модель ризомы делает акцент на гетерогенности, множественности, равноправии интерпретаций. Ризома нелинейна, может развиваться в разных направлениях и принимать любые конфигурации («мир потерял свой стержень» (Делез и Гваттари)) [47, с. 884]. Если в дереве существует «иерархия» корня, ствола, ветвей, то в ризоме

неважно, где кроется связь одной части с другой. Ризома постоянно сопрягает семиотические звенья. Семиотическое звено вбирает самые различные концепты. «Семиотическое звено как клубень, в котором спрессованы самые разнообразные виды деятельности – лингвистической, перцептивной, миметической, жестикуляционной, познавательной; самих по себе языка, его универсальности не существует, мы видим лишь состязание диалектов, говоров, жаргонов, специальных языков» [47, с. 884]. Смыслы языка ошибочно сводить к единой материальной или духовной сущности.

Ризома изменяет структуры, она может быть где-то оборвана, разбита, но она «вновь наращивает свои или иные линии» [141]. Если логический принцип модели дерева заключается в том, что действительность воспроизводится сознанием как копия, то логика ризомы – это карта, которая открыта для конструирования, переконструирования, ее можно разобрать, изменить, поправить, разорвать, перевернуть и т.д.

Источником трансформаций структуры выступает не внешняя причина, а присущая природе ризомы нестабильность. Для ризоморфных сред (текстов) характерен имманентный креативный потенциал самоорганизации, их можно трактовать как синергетически организующиеся системы. В связи с постоянным изменением структур ризомы нельзя выделить наиболее из них предпочтительную и интерпретировать ее в качестве финальной, раскрывающей значимый, истинный аспект бытия. Таким образом, в процессе самоорганизации ризома конструирует каждый

раз новые версии своего бытия. Структура, в понимании Делеза и Гваттари, это не более чем «калька», которая «воспроизводит только саму себя, когда собирается воссоздать нечто иное» [47, с. 885]. Например, читатель в понимании смысла текста не опирается на экзистенциальный потенциал автора. Для него текст ризоморфен и нет никого единственно возможного способа интерпретации. Читатель произвольно задает ризоморфной среде ту или иную конфигурацию. Таким образом познающий субъект не овладевает смыслом автора, а, пытаясь понять его, по сути, конструирует свой собственный смысл.

Подведем итоги. С точки зрения **конструктивистских моделей феноменологии** (*модели «естественной установки» и «трансцендентального субъекта»*), бытие окружающего реального, предметного мира «выносится за скобки». Поэтому знания о мире в рамках феноменологической установки не тождественны знаниям об объективной реальности. В качестве основополагающий, непосредственной, аподиктической очевидности выделяется трансцендентальное сознание и мир феноменов, которые являются его частью. Сознание наделяется онтологическим статусом, благодаря его интенциональности преодолевается разрыв между субъектом и объектом, они взаимно определяют друг друга. Процесс конструирования реальности осуществляется с помощью «усмотрения сущности» (категориальной интуиции, идеирующей абстракции) и априорного синтеза (нахождения горизонта смысла). Субъект, наделенный такими врожденными особенностями, изучает создаваемые им же конструкции, то есть содержание своего сознания. Субъект не только

конструирует реальность, но также осуществляет самоконституирование. Осмысление сознанием разных сторон действительности через себя помогает создать в опыте относительно устойчивое представление о реальности, в чем проявляется адаптивная роль познания.

Согласно феноменологическим *моделям «тело-сознание»* (М. Мерло-Понти) и *«аутопозза»* (У. Матурана, Ф. Варела), сознание невозможно без тела; потеряв связь с телом, сознание лишается своей сути, исчезает базовое отношение «я – мир». Сознание посредством телесности конструирует экзистенциальное пространство, отличное от наличного бытия вещи. Познающий субъект имеет наличные предзаданные установки телесности, на основе которых конституируется феноменологический опыт. Когнитивные процессы находятся в тесной взаимосвязи с телесной целостностью субъекта. Благодаря своей активности человек получает те знания о мире, которые соответствуют диапазону восприятия, когнитивным особенностям и «установкам» его телесности.

Познание имеет адаптивное значение и нацелено на приспособление и выживание. Любое нарушение целостности тела, которое выражается в утрате каких-либо органов, приводит к корректировке структуры организма, утраченные нормальные функции замещаются другими – адаптивными. Этот принцип работы замещающихся структур объясняется особенностью функционирования живых организмов, которые являются аутопоззными системами, способными к самоорганизации и самоуправлению. Благодаря работе аутопоззной системы сохраняется целостная

картина мира, так как восприятие является чем-то большим, чем сумма перцепций, человек воспринимает всем своим существом, а наличие сознания предполагает целостную структуру объекта в целостной структуре мира.

Если рассматривать социум как самоорганизующуюся сложную систему, то многие процессы проходят здесь по аналогичной схеме (*модели «жизненного мира», «интерсубъектности»*). Человек сам творит (субъективирует) социальный мир, который, тем не менее, воспринимается им как нечто от него независимое (объективация). Образы собственные модели реальности, человек исходит из потенциалов, заложенных в нем самом и в социальной среде, которые проявляются в опыте повседневности. Переживая представления о социальной среде, в которую погружен субъект, он конструирует себя, составляя с реальностью процессуальное единство. Социальные институты также являются продуктами его творческой активности. Влияние социальных институтов на мировоззрение человека осуществляется через преемственность схем типизации значений, поведения, ролей в процессе социализации. Для сознания социального субъекта жизненно необходимо, чтобы разные модели реальностей не только согласовывались друг с другом, но и гармонично соотносились с социальной реальностью повседневности (адаптация).

К конструктивистским моделям эволюционизма мы относим модели «рабочих гипотез», «закрытых и открытых программ», модели «схемы действия», «когнитивного равновесия», «адаптации», «операциональной замкнутости», «самореферентности». *Модели «рабочих гипотез»,*

«закрытых и открытых программ» дают представление об активной роли субъекта познания, самостоятельно совершающего когнитивные операции, формирующего все необходимые компоненты жизненного опыта. Априорные формы мышления служат основой для конструктивной работы сознания, структурируют опыт и ограничивают когнитивные способности субъекта. Однако когнитивные конструкции являются наследием не только филогенетического опыта, приобретенного в процессе эволюции, но и достоянием индивидуального опыта, который формируется в процессе обучения в рамках определенной традиции. Все гипотетические когнитивные структуры, прошедшие проверку опытом, выполняют адаптивную функцию. Когнитивные структуры упорядочивают действительность с помощью стабильных форм сознания. Любая приобретенная система знаний, которая стала составной частью опыта субъекта, несет в себе его индивидуальную и культурно-историческую печать, но при этом находится в прямой зависимости от данных окружающего мира, так как сами врожденные механизмы сформировались в процессе эволюции в соответствии со структурами объективной реальности.

Согласно моделям «схем действия», «когнитивного равновесия» и «адаптации» окружающая среда влияет на живую систему опосредованно через запуск соответствующих врожденных программ. Возникновение когнитивных структур в процессе индивидуального развития осуществляется с помощью двух взаимосвязанных процессов: ассимиляции и аккомодации. Ассимиляция осуществляет обработку нового материала на основе уже известных когнитивных структур.

Аккомодация наступает в тех случаях, когда ассимиляция не приводит к ожидаемым результатам, она направлена на установление концептуального равновесия. В этом суть процесса научения, который заключается в конструировании новых когнитивных структур на основе прошлого опыта. Знания, с позиции конструктивизма, имеют практическое значение. Оно заключается в организации мира опыта. Знания придают ему устойчивость, дают возможность делать предсказания, допускать или предотвращать те или иные явления и события. Следовательно, полученные знания имеют адаптивный характер. Жизнеспособность знаний проверяется естественным отбором.

В центре внимания конструктивистского эволюционизма стоит проблема исследования самого процесса создания устойчивых и надежных конструкций действительности. Организмы обладают свойством автономности, которая определяет операциональную замкнутость живой системы (*модель «операциональной замкнутости»*). Живая система самоорганизуется посредством обратной связи с окружающей средой, на основе собственных, внутренних закономерностей системы. Когнитивный аппарат, являясь автономной и операционально замкнутой системой, переводит поступающую информацию из окружающей среды в нейродинамические процессы, при этом информация подвергается практически полной перекодировке. Живая система, обладающая информационной замкнутостью, не может взглянуть на себя и на когнитивные структуры как сторонний наблюдатель, так как представления о «внешнем» окружении всегда формируются исходя из «внутренних» состояний системы (*модель «самореферентности»*).

Конструктивистские модели структурализма эксплицируются нами на основе различных подходов, существующих в социально-гуманитарном познании, направленных на выявление устойчивых структур функционирования культуры. Данные модели представляют собой совокупность инвариантных отношений (конструктов), которые прослеживаются в динамике различных культурных систем и являются основой для конструирования реальности.

Язык как инвариантная структура обуславливает различные формы субъективации реальности (*модель «языковой структуры как универсальной формы сознания»*). Под реальностью, с точки зрения структурной лингвистики, подразумевается вся совокупность знаковых систем и культурных текстов. Функционирование знаков закреплено традицией и передается из поколения в поколение. Помимо толкования смысла, осуществления «декодировки» символа, познание выполняет символотворческую функцию, так как любые проявления культурного творчества людей символичны по своей форме, конструируются посредством языка (*модели «логического атомизма» и «языковых игр»*). Интерпретация символов базируется не только на личностных смыслах, но и на установках общественного сознания. Любая интерпретация осуществляется в соответствии с «сеткой предпочтений» той или иной теоретической системы, которую разделяет познающий субъект в единстве с социумом (*модель «предпочтительной интерпретации»*). «Предпочтительная интерпретация» характеризуется операциональной замкнутостью, так как интенция субъекта,

устремленная на внешние феномены или тексты, постепенно обращается к самому себе, к изучению собственных познавательных процессов и структур и в итоге обеспечивает самопознание.

Базовые ментальные конструкты имеют бессознательную природу (*модели «архетипов» и «универсальных структур сознания»*). Они определяют поведение индивидов, конструируют представления о внешнем мире и культурной реальности. В качестве таких ментальных конструктов К.Г. Юнг рассматривает архетипы, К. Леви-Стросс – универсальные структуры сознания. Неявные предзаданные установки сознания обуславливают познавательную деятельность, а сами они выявляются на основе результатов этой деятельности путем анализа знаковых символических систем. Культурная реальность слагается из символов. Символы формируют универсальный язык культуры. В качестве таких символов выступают архетипические образы и различные культурные феномены, формирующиеся в результате взаимодействия бессознательного с сознанием, на стыке своих «пограничных зон». Символотворчество осуществляется интуитивно и до конца не осознается. Архетипы и универсальные структуры сознания представляют собой лишь исходные формы, которые заполняет индивидуальный опыт, проявляя себя в разных культурных областях. Субъект «децентрирован», растворен в формах языкового порядка и является инструментом и результатом презентации культурных смыслов языка (*модель «децентрированного субъекта»*).

Текст как носитель разных культурных смыслов является во многом непредсказуемой средой, которая всегда готова породить новые версии смысла. Существует бесконечное множество интерпретаций текста. Лингвистические конструкты, таким образом, имеют онтологический статус. Внеязыковое бытие реальности не конституируется субъектом, субъект конституирует себя сам посредством интерпретации знака, символа, текста. Поэтому слово перестает выступать в качестве референта выраженного соответствующим понятием объекта, оно обретает сугубо индикативную функцию (*модель «утопической денотации»*).

Субъект интерпретирует текст в соответствии со своими личностными смыслами и культурными установками общества. Оптимальным философским приемом освоения текста является деконструкция, которая открывает скрытый смысл текста посредством разрушения стереотипов в новом контексте рассмотрения (*модель «деконструкции»*). Деконструкция разрушает созданную когнитивную структуру, которая является воображаемым конструктом. Текст можно рассматривать как самоорганизующуюся систему, не имеющую единого центра (*модель «ризомы»*). Отсутствие центра делает систему нестабильной, однозначную интерпретацию текста – невозможной, а поиск смысла интерпретации превращается в процесс самопознания субъекта. Положение о неисчерпаемости множества интерпретаций текста свидетельствует о конструктивистской направленности философствования структуралистов.

ГЛАВА 2. ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КОНСТРУКТИВИСТСКИХ МОДЕЛЕЙ ФИЛОСОФСТВОВАНИЯ И ИХ ТИПОЛОГИЯ

2.1. Решающая роль субъекта познания в контексте единства мира

С точки зрения классической теории познания, субъект – это некая непосредственная данность, а все, что относится к области «внешнего» мира, вызывает сомнение. Со временем подобная односторонняя позиция оказалась не столь «ясной и очевидной», как это представлялось некогда Декарту. Рассматривать субъекта как противопоставленного и отъединенного от окружающего мира можно только с позиции его познавательной деятельности, а не с позиции его существования. Фактом своего существования субъект включен во все многообразие связей с реальным миром, систему отношений с другими субъектами. Исходя из этого, мы получаем и многообразие субъектности, например: психологическое отношение – (я) Индивид; социальное отношение – (он, она, они) Другой; ценностное отношение – (ты, вы, мы) Личность. В связи с этим возникают принципиально новые по сравнению с классической теорией познания проблемы: как определить (обнаружить) субъекта в тотальной данности мира и социума и как объяснить генезис индивидуального сознания, исходя

из этой данности? Как объяснить возможность интроспекции? Каким образом субъект может воспринимать состояния собственного сознания? Если обычное восприятие возможно с помощью органов чувств, то с помощью каких «органов чувств» можно воспринимать факты сознания? И кто в этом случае является воспринимающим субъектом [74, с. 168]?

В философских исследованиях субъекта можно выделить четыре его характеристики, представленные наиболее ярко: во-первых, субъект – целеустремленное (то есть целеполагающее и целедостигающее) существо; во-вторых, субъект – рефлекслирующее существо, обладатель образа себя; в-третьих, субъект есть свободное существо; и, в-четвертых, субъект – развивающееся существо, ибо ему приходится действовать в изменчивой, непредсказуемой среде [105, с. 10]. Понимание субъекта как средоточия деятельности, сознания и познания возникло в философии Нового времени и пришло на смену пониманию субъекта как некоего «безликого» метафизического основания объективной реальности. В новоевропейской философии, пожалуй, только Гегель и его последователи остались верны такой абсолютизации субъекта, согласно которой индивидуальный субъект являлся лишь промежуточным, хотя и ключевым этапом на пути к Абсолюту. Вообще вся проблематика, связанная с пониманием субъекта, была в классической философии по сути дела тождественна проблематике Я [74, с. 155]. Позиция субъектоцентризма была господствующей, только эмпирики отрицали «привилегированное» положение субъекта в теории познания. А если

различать эмпирическое и трансцендентальное, то неизбежно и сам субъект тоже «распадется» на эмпирический и трансцендентальный.

Главной особенностью понимания субъекта в конструктивистских моделях философствования является то, что субъект никогда не контактирует с окружающими миром напрямую. Его контакт с реальностью представляет собой сложную систему опосредования. Поэтому то, что носит название реальности, является, по сути, результатом творческой активности субъекта, его продуктивной деятельности, миром его опыта и коммуникации с другими, подобными ему «социокультурными монадами». Такое освоение реальности представляет собой скорее процесс ее субъективации, нежели объективации. Поэтому сознание в конструктивизме наделяется онтологическим статусом, т.е. выступает в роли «первой» и «последней» инстанции. Однако имманентные сознанию когнитивные конструкты нельзя обнаружить и исследовать непосредственно, напрямую. Они свидетельствуют о своем существовании опосредованно через познавательный процесс и его результаты.

Генезис когнитивных конструктов и «собрание» субъекта обусловлены адаптивной функцией познания, обеспечивающей приспособление и выживание организма. Поэтому, с точки зрения конструктивистских моделей философствования, ценность познания определяется его жизнеспособностью, прагматикой языка и деятельностной направленностью, что служит интересам субъекта. Когнитивные конструкты дают возможность предсказаний,

предвосхищения и применения результатов опыта в будущем. Когнитивные конструкты обеспечивают устойчивость жизненного опыта субъекта и, как следствие этого, устойчивость структур «внешнего» мира, опосредованных данным опытом.

«Конструктивистский проект» «сборки субъекта» начинается с Канта, с его априорных форм чувственного созерцания, рассудка и разума. Предоставленный самому себе одинокий субъект Декарта (тождественный своему сознанию), отъединенный от внешнего мира и мира других людей, по сути, не может осознать своего существования. Ведь осознание себя в качестве существующего означает превращение самого себя в объект собственной интроспекции. Следовательно, единый субъект раскалывается надвое, возникает принципиальный вопрос о самой возможности интроспекции: кто мыслит мое Я как существующее? Поэтому субъект и объект (мир внутренний и мир внешний) должны представлять собой неразрывное единство. Человек познает мир, исходя из априорных структур сознания.

Чем обусловлено возникновение этих структур, можно ли проследить их генезис? Ответ на этот вопрос дает эволюционная эпистемология. С ее точки зрения, априорные формы мышления следует рассматривать как «наследственные рабочие гипотезы», которые прошли естественный отбор, адаптацию. Адаптивные врожденные структуры мышления соответствуют реальности лишь в той мере, в какой обеспечивают выживание организма. Адаптивность означает способность упорядочивать мир

опыта субъекта, выявлять его закономерности и на основе этого предугадывать будущее. Врожденные механизмы, являясь «закрытыми программами», представляют собой готовые приспособительные структуры, априорно заложенные в бессознательном.

Однако что собой представляет сама познавательная способность субъекта? Согласно феноменологии, процесс самоконструирования субъекта осуществляется с помощью «усмотрения сущности» и априорного синтеза («нахождения горизонта смысла»). Конструирование феноменальной реальности осуществляется посредством телесности человека – «сознание-тело» (М. Мерло-Понти), – определяющей горизонт экзистенциального пространства-времени и опыта человека.

Средством субъективации содержания индивидуального сознания являются «универсальные языковые структуры» (Ф. де Соссюр). При этом сам субъект становится «децентрированным» (Ж. Лакан), растворенным в формах языкового порядка. «Интерсубъективность» структуралистов и постмодернистов предполагает сдвиг внимания с интенциональных актов к коммуникативным языковым актам. Она обуславливается интенсивными процессами «хабитуализации, реификации и легитимации» (П. Бергер, Т. Лукман) в ходе коммуникативного взаимодействия. Поскольку субъект всегда находится в процессуальном единстве с социокультурной средой, даже реифицированные им социальные институты являются, по сути, продуктами его творческой активности, но это, как правило, им не осознается. Социальные же институты оказывают

непосредственное влияние на его мировоззрение через преемственность «схем типизации», на которых базируются знания, накопленные культурой, выраженные в символических формах. Человек научается (привыкает) истолковывать социокультурные символы согласно «сетке предпочтений» (П. Рикер), характерной для определенной общепринятой теоретической системы или научной парадигмы.

Осмысленность intersubъективной реальности объясняется погруженностью субъекта в контекст «языковых игр» (Л. Витгенштейн). Целью языковой игры является утрата «ловушек» естественного языка путем постоянного «перевода» непонятных предложений в более понятные с точки зрения установленной «сетки предпочтений». Поскольку социокультурная реальность погружена в языковые игры, понятия, отсылающие к предметности (в том числе и само понятие «субъект»), являются носителями «утопической денотации» (Р. Барт). Во всеобщем опосредовании они утрачивают онтологический гарант семантической определенности, естественную связь между означающим и означаемым. Так как все проявления реальности, одним из которых является сам субъект, с точки зрения конструктивистской герменевтики можно рассматривать как своего рода социокультурные тексты, понять эти тексты становится невозможно, не разрушив прежние стереотипы, т.е. не проведя «деконструкцию» (Ж. Деррида). Реальность социокультурного текста представляет собой «ризому» (Ж. Делез, Ф. Гваттари) – децентрированную систему, которая развивается в разных направлениях в соответствии с разными интерпретациями смысла.

Переход к конструктивистской модели «реальность-текст» осуществлен нами не случайно. В мире современных коммуникаций такая важнейшая функция субъекта, как самоидентификация, получает широкое воплощение в разнообразных текстах-сообщениях (файлах, sms, блогах и т.д.). По сути, субъект обрел новую «телесность» в текстах-файлах, которые благодаря средствам телекоммуникации могут обладать одновременно разными пространственно-временными координатами, а потому лишаться своей субъективности в традиционном понимании. Кроме того, субъект, находясь в телекоммуникационной сети, открывает свою сущность, выражает свой жизненный опыт посредством определенных сетевых установок-нарративов. Они представляют собой специфические акты интерпретации, посредством которых определяются понятные для определенного сетевого сообщества смыслы, возможности самоидентификации и самопознания его участников. Таким образом, современный концепт субъекта, по словам В.А. Лекторского, это «хрупкое образование, возможное лишь в определенных культурных и исторических условиях» [74, с. 182].

Субъект, лишенный телесности, свободно выбирающий внешность, биографию, коммуникативных агентов, является полиморфным, неопределенным, виртуальным образованием. В своих «играх с идентичностью» субъект лишается оснований очевидности, он может найти свое обоснование только через коммуникацию, с помощью соотнесения себя с символической культурой выбираемого интернет-сообщества. Понятие субъекта расширяется,

приобретает контекстуальное пространство, как и в пост-модернизме. Виртуальный субъект, с одной стороны, соответствует требованиям и сценариям, который предлагает ему сетевое сообщество, с другой – учитывает свои желания и потребности.

В результате системы отношений символического обмена с другими пользователями человек в информационном пространстве создает реальность. Виртуальное пространство конструируется исходя из потребностей субъектов коммуникации. В процессе интеракции взаимодействие становится бесструктурным информационным полем с бесконечным количеством измерений. Оно представляет собой нестабильную децентрированную систему, в которой существует множество «центров» управлений, которые накладываются друг на друга, поэтому взаимодействия внутри системы носят непредсказуемый характер. Реальность является продуктом сгущения информационных полей. Интернет-пространство является самоорганизующейся системой, которая структурируется посредством включения в нее новых участников взаимодействия. Каждый отдельный субъект в виртуальном пространстве находится в сфере воображаемых и открытых социальных смыслов.

Методологическое основание мышления и деятельности субъекта. В античной культуре сложились два основных взаимосвязанных способа использования мышления. С одной стороны, мысля и рассуждая, античный человек постигал окружающий мир и самого себя. С другой – мышление позволяло налаживать общение с другими людьми

и решать социальные задачи [112, с. 28]. Обе указанные функции мышления предполагали познание сущностных отношений и связей между предметами и явлениями объективного мира. Однако мир, который философ или ученый познавал, задавался с помощью категорий и понятий. Начиная с философии Платона, сознание рассматривалось не как *tabula rasa*, а как обладающие определенными априорными идеями и структурами. Например, Платон в качестве врожденных рассматривает абстрактные идеи, которые припоминает душа человека, Аристотель – аксиомы логики, в соответствие с которыми выстраивается любое знание, в рационалистской философии XVII – XVIII веков Декарта, Лейбница к врожденным относятся аксиомы математики, положения логики и т.п., посредством которых структурируется объективное значение. Существенный вклад в развитие априоризма вносит учение Канта, которое отличается от идеалистического учения о врожденных идеях, так как доопытными являются исключительно формы знания, заполняющиеся содержанием посредством опыта. Прибегая к опыту математики и естествознания, Кант предполагает, что субъект в процессе мышления не только связывает знания, но и привносит законы в природу. Первый, кто доказал теорему о равнобедренном треугольнике, отмечает Кант, понял, что его задача состоит не в исследовании того, что он усматривал в фигуре, а в том, чтобы создать фигуру посредством того, что он сам *a priori*, сообразно понятиям мысленно вложил в нее и показал путем построения. Он понял, что иметь о чем-то верное априорное знание он может лишь в том случае, если приписывает вещи только то, что необходимо

следует из вложенного им самим сообразно его понятию [48, с. 86]. По мысли Канта, разум видит то, что сам создает по собственному плану, поэтому субъект с принципами своих суждений должен идти вперед согласно постоянным законам и заставлять природу отвечать на его вопросы, а не «тащиться у нее на поводу», так как в противном случае наблюдения, произведенные случайно, без заранее составленного плана, не будут связаны необходимым законом, между тем как разум ищет такой закон [48, с. 87].

Если знание создается на основе априорных форм сознания, врожденных идей, то тогда опыт не имеет никакого значения для научного мышления. Кант решает данную проблему, постулируя существования двух реальностей – трансцендентальной и эмпирической. В пределах трансцендентальной реальности, в сфере разума *a priori* создаются научные и философские знания, а в эмпирической реальности на основе созерцания имеет место опыт. Одновременно созерцание и опыт выступают как необходимое условие изучения предмета или явления в науке или философии. Трансцендентальное у Канта выводится из эмпирии, поэтому *вещи в себе*, на первый взгляд, обладают противоречивыми свойствами: с одной стороны, у нас нет знаний о них, так как они выходят за пределы наших познавательных возможностей (мира опыта), с другой стороны, *вещи в себе* есть объективная познаваемая и мыслимая реальность. В. М. Розин пишет, что противоречие снимается, если считать, что Кант рассматривает понятие *вещи в себе* как предельное, фиксирующее принципиальную ограниченность научных знаний со стороны опыта [112, с. 24].

Поскольку теоретическое познание возможно только относительно явлений опыта, то *вещь в себе* должна быть выведена за пределы явления и научного знания. С этой позиции ей можно приписать конструктивно создаваемые (самим человеком) характеристики всеобщности, общезначимости и необходимости. С другой стороны, в кантовском понимании *вещи в себе* влияют на чувства субъекта, вызывают ощущения. Понимание *вещей в себе* в качестве созерцаемой объективной реальности объясняло в методологическом плане, почему явления и научные знания обусловлены опытом. С формально-логической точки зрения налицо противоречие: *вещь в себе* непознаваема и в то же время является истинным коррелятом познаваемого предмета. Однако противоречие снимается с методологической точки зрения [112, с. 24].

В основе любого процесса познания лежит схематизация. Методологические схемы становятся реальностью только в рамках мышления и деятельности субъекта. Под методологическими схемами понимаются абстрактные смысловые конструкции, которые способны выполнять несколько функций: обеспечивают организацию мышления и деятельности, задают обобщенные представления об изучаемых предметах и явлениях и, как следствие этого, способствуют выявлению новой реальности [112, с. 26]. Например, Платон и другие философы пытались установить статус математических схем. Согласно натуралистическим взглядам, чтобы признать существование этих схем, необходимо найти им соответствующие идеи. Но схема, по сравнению с истинным знанием, дает представление об объекте в обобщенном

виде: он выглядит менее «реальным», чем идеи. Поэтому Платон утверждает, что математические схемы (например, геометрические чертежи), скорее, «познавательные леса», а объекты, которые они задают, хотя и похожи на идеи, все же не идеи, их можно охарактеризовать как «незаконные идеи», получаемые посредством «незаконного умозаключения», соответственно, знания, полученные на схемах, являются «незаконными знаниями» [96, с. 293, 317]. Аристотель в этом вопросе согласен с Платоном. Геометрические чертежи, с одной стороны, принадлежат описываемым явлениям, в то же время они – самостоятельные мыслительные образования [3, с. 326]. Поскольку умозаключения в системе Аристотеля опираются на категории, то математические схемы приобретают вполне реальный и оперативный статус. В средневековой философии понятие концепта (П. Абеляр) также весьма близко к понятию схемы, правда, с поправкой на различие подходов. И концепт, и схема способствуют выявлению (творению) новой реальности, оба они помогают собрать (связать) смыслы, до этого «прописанные» по разным предметным областям; и концепт, и схема выступают как средство организации деятельности субъекта. Однако абеляровское понятие концепта обязательно предполагает наличие божественного образца предмета (универсалий) и подражание творчеству Бога. В философии Нового времени математическое мышление рассматривается как «совершенное». В представлении некоторых философов того времени природа написана на языке математики. Так, например, Галилей не только настаивает на исключительной важности математических

схем, но и фактически утверждает, что с их помощью порождается реальность природы. Более того, структура эксперимента, разработанная Галилеем, представляла собой способ приведения (техническим путем) природной реальности к состоянию, полностью описываемому математической схемой [112, с. 28].

В работах Канта понятие схема все больше укрепилась в философии. Схема играет существенную роль в формировании понятий. Понятие должно быть однородным с чувственным созерцанием (явлениями) и категориями рассудка, поэтому формирование понятий возможно при использовании трансцендентальных схем, которые обеспечивают эту связь. Схема показывает синтетическое единство явлений, выполняет обобщающую функцию, никогда не дает изображение единичных предметов. Схемы Канта используются в науке, когда вводятся новые объекты.

Схематизация не только способствует выявлению новой реальности, но и задает определенные аспекты социальности, социальной жизни. Схемы позволяют упорядочивать индивидуальный и культурный опыт, они могут быть использованы в соответствующих ситуациях, что позволяет экономить усилия и принимать быстрое решение проблем. Естественно, что схемы субъект может строить по-разному, генезис схем зависит от формы организации социальной жизни и практики. Формы существования социальной жизни могут быть различными, что является основанием разного конституирования и видения мира. Другими словами, это влечет за собой признание множества культур и множества миров, как момента социокультурного

бытия, опирающегося на различные схемы и свободу их конструирования.

Культуры, социальные миры создаются не произвольно. Существует множество факторов, влияющих на их формирование. Одним из предельных обоснований их конструирования является свобода и вариативность организации и схематизации социальной жизни, другим – отличие реальных природных условий, социальных и антропологических типов, традиций. На определенном этапе конституирования действительности таким предельным обоснованием является и природа личности, которая существенно определяла социальную жизнь, начиная с античности. Появление личности знаменует собой становление внутри социума второй формы социальной жизни – «личностной» [112, с. 29].

Личностная форма социальной жизни также задается схемами (схемы человека, личности, биографии, жизненного пути, личностных ценностей и прочее). В.Н. Розин эти семиотические и психологические конструкции предлагает называть «жизненными сценариями личности». Кроме этой составляющей, для личностной формы жизни характерна деятельность, направленная, с одной стороны, на реализацию жизненных сценариев личности, с другой – на поддержание или создание необходимых для жизни личности условий (в пище, отдыхе, защите, общении и т.п.). Поскольку личностная форма социальной жизни основывается на самостоятельном поведении, которое в свою очередь основывается на приватной схематизации, в социуме реализуется столько форм личностной

социальной жизни, сколько возможно оппозиций и различий в самой схематизации, но поддержанных реальными формами жизни личности [112, с. 29].

Мышление и деятельность субъекта с позиции конструктивно-диалектической логики Гегеля. Мышление, по Гегелю, включает в себя как субъективные, так и объективные компоненты. Так как деятельность познания осуществляется конкретными людьми (субъектами), то принимая форму знаний, внешний мир субъективируется. С другой стороны, сознание человека наполняется знаниями об окружающем мире (об объекте), следовательно, оно само объективируется. Благодаря такому вхождению друг в друга в философской системе Гегеля снимается изначально полагаемая противоположность сознания человека по отношению к внешнему миру и устанавливается их содержательное единство.

Познавательную деятельность нашего сознания можно сравнить с проявлением света. Когда потоки света попадают на темные предметы, тогда и только тогда данные предметы делаются видимыми. Но вместе с ними делается видимым также и сам свет. Освещая окружающие нас предметы, свет через это обнаруживает себя. Таково же действие и сознания человека. В нем, как в зеркале, отражаются предметы окружающего мира. Но в отличие от зеркал, которые отбрасывают от себя изображения предметов, знания о внешнем мире, создаваемые человеком, оседают в его сознании и становятся его собственным наполнением.

На ступени чувственного сознания мы имеем только смутные образы предметов. На ступени воспринимающего

сознания мы подвергаем их расчленению, в ходе чего опытным путем выявляем их различные элементы и свойства. Следующая ступень познания заключается в том, чтобы свести все обнаруженные внутренние и внешние различия предметов к их единству и доказать необходимость этого единства. Любая совокупность явлений, будь то: единичный предмет в его внутреннем убранстве либо внешняя система, состоящая из множества предметов – постигается сознанием только таким двойным способом. Сначала мы выявляем их различия (стороны, свойства, части, элементы, связи, отношения и т.д.), а затем сводим этот рефлексивный материал к единству. И неважно, будем ли мы рассматривать предмет как сам по себе взятый (рефлексия вовнутрь) или как принадлежащий системе более высокого порядка (рефлексия вовне) – и в том, и в другом случае от нашего рассудка требуется привести к необходимому единству все многообразие эмпирически выявленных в нем различий: сторон, свойств, частей и т.д. Найти такое единство – значит установить закон. Следовательно, на ступени рассудка, по Гегелю, наше сознание устанавливает законы. Закон и его доказательство – это, по Гегелю, явленность нашего сознания самому себе. На их материале наше *Я* находит себя в своей собственной, очищенной от чувственных восприятий деятельности. В лице открываемых нами формул, теорий, законов, обыденных истин наше *Я* имеет своим предметом самое себя.

Таким образом, путь становления мыслящего и деятельного субъекта, по Гегелю, таков:

1) на этапе чувственной достоверности мы только предъявляем себе предметы окружающего мира; это позволяет нам говорить о том, что:

а) данный единичный предмет *есть*,

б) есть по отношению *ко мне*,

в) есть еще в виде *смутного образа*;

2) на этапе эмпирических исследований мы проясняем образ предмета, для чего:

а) выявляем *различия внутри* самого предмета (рефлексия вовнутрь),

б) прослеживаем его *связи* с другими предметами (рефлексия вовне),

в) переходим на точку зрения *всеобщей* природы выявленных различий;

3) на этапе теоретических рассуждений мы:

а) устанавливаем *единство* выявленных *различий* (частей, элементов, сторон предмета) – формулируем закон, научное положение, теорию;

б) строим *доказательство* данного единства (закона);

в) на материале такого доказательства *находим* свое Я как таковое в его самостоятельности [133, с. 404].

На достигнутой теперь ступени развития наше Я противопоставляет себе все используемые им определения и исследует познавательное значение каждого из них. Благодаря этому оно учится применять их «с понятием», т.е. в соответствии с занимаемым ими местом в их общем смысловом ряду. На ступени разума, следовательно, наше Я знает используемые им определения и понятия не только с их внешней (предметной) стороны, чем вполне довольствуется

здравомыслящий рассудок, но и с их внутренней (понятийной) стороны, чего рассудку не дано. Поэтому только на ступени разума достигается подлинное содержательное единство нашего сознания как такового и самосознания [24, с. 300 – 306].

И сознание как таковое, и самосознание формируются у человека сами собой, в силу только того обстоятельства, что он рождается и развивается в условиях общества. Их формальному единству – рассудку – учит нас сама повседневная жизнь. Но, в отличие от рассудка, разум не может сформироваться у человека сам собой. Содержательное единство сознания как такового и самосознания, каковое он (разум) собой представляет, достигается только за счет целенаправленной мыслительной деятельности нашего Я.

«Методологический поворот» к субъекту: неокантианство. В полной мере взгляды Канта и Гегеля на методологические основы мышления и деятельности субъекта были синтезированы Марбургской школой неокантианства, которая истолковывала учение Канта, отказавшись от эмпирического подтверждения знаний, поставив во главу угла закономерности мышления и логику. Главная задача неокантианцев заключалась в поиске логических оснований (первоисточника) и предпосылок научного знания, на основе которых конструируется общезначимая картина мира. Несмотря на различие научных дисциплин, все науки объединяет тождественная логическая структура. Проблема поиска логической структуры науки оказалась тесно связанна с обоснованием единого источника чистого познания – мышления и деятельности трансцендентального субъекта.

При этом неокантианцы пришли к отрицанию «вещей в себе», что неминуемо привело к отказу от онтологии с точки зрения рационалистического гносеологизма. Мышление теперь понимается как активная конструктивная деятельность по созданию научной картины мира и культуры в целом, которая является первоисточником априорных определений бытия. Истинность знаний определяется с помощью «заданных» логических установок, методов, деятельности в сферах научного познания, а не сводится к наглядности. Переосмысливаются основы традиционной эпистемологии, познание не рассматривается как отражение объективной реальности, а представляет собой процесс создания предметов с помощью мышления. Мышление выступает как порождающий акт, который оторван от мира, лежащего вне его. Субъект познает лишь конструкции мышления, а не реальность саму по себе. Неслучайно Г. Коген подчеркивает, что научное знание не должно базироваться на внешних предпосылках, зависеть от онтологии. Познание необходимо рассматривать как понятийное конструирование предмета, которое создается на основе «переплетения логических отношений». Таким образом, трансцендентальный синтез является логическим актом, но он не порождает саму субстанцию бытия, а показывает лишь бытийные отношения. Сущность первоисточника (изначальный акт мышления), на котором базируется любое научное знание, заключается в чистом порождении мыслительного содержания, но сам первоисточник не раскрывает полноту содержания всего сущего.

Согласно неокантианцам, мышление и деятельность ученого базируются не на эмпирических данных, физических вещах, а на исследовании идеальных соотношений между объектами или явлениями. По сути, наука работает исключительно с тем, что Г.Б. Гутнер называет «фиктивными сущностями». В ходе современных научных исследований часто создаются мнимые объекты, которые не имеют онтологического основания, так как не могут быть сопоставлены с реальным предметом. Теоретические идеализации используются исключительно как методический прием, вводятся для удобства. Гутнер отмечает, что, несмотря на онтологическую иллюзорность фиктивных сущностей, успешное применение методического приема легализует их статус. Разработанная теория включает их в число своих объектов. Бывшие фикции начинают рассматриваться как реально существующие [32, с. 167].

Еще одной слабой стороной концепции Канта, по мысли неокантианцев, является понимание ощущений как основы познания. По Канту, априорные формы созерцания (пространство и время) приводят хаотическое многообразие предметов и явлений к пространственно-временному порядку, позволяющему свести совокупность представлений к рассудочным понятиям, категориям. Пространство и время выступают как посредники между неопределенным многообразием и категориальным единством. Неокантианцы же превращают созерцание в форму чистой мысли, в само мышление, поскольку ощущение опирается на представление о причинной связи, то есть на категории рассудка. Тем самым неокантианцы разрывают

отношение с эмпирической реальностью через созерцание и снимают противопоставление между априорными формами чувственности и категориями рассудка, освобождая априорные формы созерцания от атрибута данности [22, с. 364]. Категории рассудка, в отличие от категорий Канта, не нуждаются в подкреплении созерцанием, а также в применении к миру опыта. Они являются лишь функциями, объединяющими многообразные представления, поэтому задача исследователя заключается в подведении многообразия под определенные отношения [22, с. 445]. Чистое созерцание является результатом процесса мышления, поскольку не воспринимает предмет как заранее заданный, а порождает, конструирует его в познавательном процессе. Даже пространство и время рассматриваются Г. Когеном как система идеальных отношений, на основе которых происходит развитие науки, не нуждающейся в созерцании.

Таким образом, чистая мысль с ее априорными принципами является единственным источником познания, который не вбирает в себя ничего извне. Человек конструирует научное знание о мире посредством мышления, которое само создает свой материал, а не обрабатывает эмпирический материал, полученный извне с помощью органов чувств. Конструирование картины мира происходит на основе методологических схем, под которыми можно понимать совокупность приемов деятельности и логических операций познания.

Само мышление у неокантианцев воспринимается не только как метод, форма, накладывающие определенные границы познания, но и как содержание сконструированного объекта реальности. Реальность в обыденном

понимании заменяется у Когена логическим содержанием этой данности, которая придает неопределенным ощущениям структуру, освобожденную от психологизма. Любая данность является продуктом мыслительной познавательной деятельности, поэтому для Когена истинная реальность не что иное, как реальность метода [22, с. 438].

Мышление и деятельность субъекта с позиции конструктивно-диалектической логики Московского методологического кружка (ММК). Создателями Московской методологической школы или ММК (А.А. Зиновьевым, Г.П. Щедровицким, И.С. Ладенко, Н.Г. Алексеевым) было разработано оригинальное теоретическое представление об устройстве и способах организации мышления и деятельности субъекта [151]. С одной стороны, это изображение мышления в форме объекта – способ понять, каково объективное устройство различных типов и видов мышления. С другой стороны, это – техники, методы, приемы и способы организовать мышление, включить себя в процессы мышления, осуществить мышление как сложную дифференцирующую работу, деятельность. Создание подобных представлений о мышлении с самого начала было подчинено жесткой практической задаче: самим осуществлять мышление, самим мыслить. Но чтобы развивать мыслительное искусство и совершенствоваться в технических приемах данного искусства, должна быть разработана и создана нормативная дисциплина, определяющая правила руководства ума и приемы мышления. Такой дисциплиной является логика. Чтобы создать теорию мышления, необходимо ответить на вопрос: как должна быть устроена логика [27, с. 21]?

Первая генерация ММК формировалась на детальном знании работ К. Маркса. Необходимо было понять, как устроено мышление Маркса, восстановить и описать методы и приемы этого мышления, а затем, перенося его методы в другие науки, начать развивать эти науки. С самого начала было установлено, что мышление Маркса строится и организуется не в соответствии с принципами формальной логики, оно определяется нормами логики диалектической. Данная задача была поставлена и осуществлена независимо друг от друга А.А. Зиновьевым и Э.В. Ильенковым. Если сравнивать построенный вариант логики Зиновьева с описанием приемов диалектического мышления в исследовании Ильенкова, то можно сделать вывод, что диалектическая логика второго более традиционна для немецкой классической философии. Ильенков стремился к выявлению и обнаружению в приемах мысли Маркса гегелевской формы мышления. Зиновьев же исходил из того, что метод мышления Маркса был направлен на преодоление принципа тождества мышления и бытия, столь характерного и определяющего гегелевскую философию, и поэтому искал приемы диалектического мышления, которые были бы специфичны только для Маркса [42; 42].

Если следовать способам анализа и результатам работы Ильенкова, то в каждом из слоев теоретической системы (например, при рассмотрении простого товарного обмена) восстанавливается и выделяется антиномическая форма рассуждения Гегеля, т.е. имеется в виду разворачивание слоев анализа и построение системы в целом, когда мышление исследователя разворачивается в каждой точке

изучаемого объекта. Однако сам процесс последовательного конструирования системы осуществляется по определенным правилам и требует выделения техник, методов, приемов, способов, которые были не известны Гегелю. Прямые и обратные процедуры сведения-выведения, приближение к содержанию и восстановление формы, процедура изоляции в противоположность конституирующей абстракции образуют своеобразную инструментальную систему организации мышления. Важнейшим результатом сопоставления исследований Ильенкова и Зиновьева является для нас осознание того, что для первого мышление – это сложная форма организации понимания субъекта, выявления сложных смысловых конструкций, а для второго – это деятельность субъекта. Рассмотрение и представление мышления как деятельности предполагает учет чрезвычайно сложной смысловой стороны процессов мышления. Но задача заключается в том, чтобы довести анализ мышления до выявления и описания конструктивных процедур, конструктивных элементов – «конструктов», из которых собирается сложнейшая ткань процессов мышления [27, с. 22 – 23].

Понимание того, что мышление может быть описано и представлено как деятельность и может также осуществляться как деятельность, было сформулировано в работах Г.П. Щедровицкого. На основании этого понимания мысль можно не только переживать и воспринимать как онтогносеологический феномен, но, более того, мышление можно конструктивно строить, организовывать, проектировать, можно создавать технологии мышления.

Деятельностный подход со своей тотальностью форм и феноменов мышления является, на наш взгляд, революцией во взглядах на природу мышления субъекта. Собственно, в самой идее деятельностного мышления как общественного феномена содержится вся последующая программа развития работ ММК. Действительно, если способы деятельностного мышления осваивает личность – живая субъективность, то она всегда будет вырываться за рамки сформировавшегося канона деятельностного мышления. По сути, в ММК был сформирован не «канон» деятельностного мышления, т.е. свод правил, требующий неукоснительного исполнения, но «органон» – система выдвинутых инструментальных идей и субъективных средств, обеспечивающих организацию и построение деятельностного мышления. В условиях постоянно изменяющегося органона деятельностного мышления единицей личностной формы организации мышления является техника. Техника есть форма органического единства субъекта и деятельности, т.е. глубоко отрефлектированное осознанное субъективное начало деятельности и мышления. В отличие от других единиц деятельностного мышления (прием, способ, метод), техника принадлежит не самому конкретному контексту работы, не набору объективных деятельностных задач, которые должен решать субъект, а форме его самоопределения. Итак, живая субъективность – личность – каждый раз вырабатывает свою собственную технику (или техники) деятельностного мышления, формирует свое видение деятельностного контекста (и в конечном счете свое понимание того, что есть мышление) [27, с. 24 – 25].

Члены одной группы людей, которые имеют свои собственные, особенные техники мышления, оказываются втянутыми в постоянную дискуссию по поводу того, что есть мышление и каково объективное содержание их собственной работы. Для того чтобы разрешить возникающие споры, участники дискуссии должны отработать критерии, позволяющие им различать содержательно-субстанциональное и субъективно-произвольное в реальных утверждениях и в противопоставлениях, возникающих в коммуникации. Результативность дискуссий определяется не достигаемым консенсусом по поводу устройства объекта, а умением видеть деятельность в различных высказываниях, в работе участников и различными способами представлять ее объективно. Таким образом, мышление не есть акциденция субстанции «деятельность», а деятельностное мышление не является видом рода «деятельность». Все дело в том, что наряду с деятельностным мышлением существуют «недеятельностные» типы мышления, симулякры мышления и деятельности.

В результате подобного хода коллективной работы участники ММК формируют у себя два типа представлений: о деятельностном мышлении и о деятельности. Представления о деятельностном мышлении являются техническими: они позволяют организовать собственное мышление в ситуации, а представления о деятельности – объектно-онтологическими. На их основе могут быть организованы исследования, позволяющие проанализировать, что есть деятельность как универсальное целое. Наличие двух разнородных представлений в ситуации

работы создает предпосылки для постановки вопроса: как содержание, заложенное в эти представления, может быть объединено, как могут быть синтезированы эти представления [27, с. 25 – 26]?

Синтез этих представлений происходит, когда и представления о деятельностном мышлении и представления о деятельности используются в практической функции – для анализа способов работы представителей различных профессиональных коллективов (не членов ММК) и для организации разнопрофессиональных коллективов в ситуации совместной работы. Однако чтобы использовать исходные представления о деятельностном мышлении и о деятельности в практической функции, необходимо создать также представление, позволяющее проанализировать и понять, как устроен сам предмет практического преобразования. Этим предметом являются различные типы мышления и деятельности представителей различных профессий. Следовательно, это представление соизмеряется с особенностями осуществления активности субъектов в той или иной ситуации. Таким образом, в соответствии с полной структурой мыследеятельности (МД) при правильной организации работы субъекты осуществляют в той или иной ситуации одновременно: 1) индивидуальное и коллективное мышление, 2) коммуникацию, устанавливая друг с другом взаимопонимание, 3) действие, а также 4 – 5) процессы рефлексии и понимания, соорганизующие и связывающие друг с другом три первых процесса – мышление, коммуникацию и действие [151, с. 281].

Одно из важнейших противоречий современной социокультурной ситуации, выявленное и зафиксированное в ММК, заключается в том, что процесс дифференциации и специализации мышления и деятельности в различных областях общественного производства все более усиливается и обостряется. При этом отсутствует научная дисциплина или профессия, которая бы претендовала на то, чтобы создавать единое представление о дифференцированном, изменяющемся и развивающемся целом. Собственно методология в соответствии с основными идеями и программами ММК и претендовала на то, чтобы выявлять и описывать мыслительную деятельность – методы, формирующиеся в различных науках, и переносить эти методы из одних дисциплин в другие. Попытка решения подобной задачи приводит к созданию науки о методе (методологии), осуществляющей поиск некоторых универсальных и всеобщих законов построения и создания методов мышления. Подобное понимание методологии является завершающим шагом преодоления психологизма. Мышление не организуется по аналогии с процессом восприятия вне представленного объекта. В мышлении, для того чтобы начать «видеть» объект, необходимо осуществлять специальную работу по рефлексивному анализу и организации мыслительной деятельности – самой способности видеть [27, с. 29].

Подобное движение методологического мышления осуществляется не в пустоте, а в сложноорганизованном смысловом поле – поле понимания. Это поле формируется в условиях дискуссий и коммуникации методолога с другими

методологами и методолога с представителями других наук, других профессионально-предметных дисциплин. Основное требование к методологическому пониманию, которое сформировалось в ММК, состоит в том, что методолог, формируя идеальное видение, должен понимать своего оппонента – методолога, а также и других профессионалов, воспроизводя без искажений особенности организации мышления и сознания участников диалога. Критерием понимания оказывается способность методолога воспроизводить без искажений мысль оппонента и предвосхитить ее возможное продолжение. Уходя из ситуации диалога и дискуссии и тем самым идеализируя результаты коллективной работы, методолог организует собственное сознание в виде «фасет» (имеющих функциональное назначение). Фактически каждая «фасета» – это натяжение непонимания, или пустота, которую невозможно заполнить знанием, свести к имеющимся у методолога представлениям. Фасетная организация непонимания является проблемной формой организации сознания методолога. Переводя образовавшиеся «фасеты» в «топы», т.е. в структуру пространственных мест, методолог осуществляет переход вначале от непонимания к пониманию, осознавая, что он не понимает, а затем на основании вырабатывающегося понимания – к конструктивному мышлению. Методологическое мышление и методологическое понимание соорганизованы друг с другом таким образом, чтобы сложилась принципиально открытая система «понимание – мышление». При этом функция понимания по отношению к мышлению состоит в том, чтобы поставлять мышлению материал для организации и конструктивной

переработки, вторгаясь во все новые профессионально-предметные области [27, с. 29 – 30].

Работая на конференциях и сталкиваясь во время дискуссий с представителями различных профессиональных сообществ, члены ММК стремились к одному – определить реальный фронт научного знания в данной предметной области. Но оказалось, что подобного типа действия, имевшие исключительно культурно-научные цели, негативно воспринимаются представителями различных научно-предметных сообществ, поскольку вызывают у них сугубо социально-коммунальные явления. Научное сообщество, как всякое социальное объединение, опирается в своей жизни и работе на специально сформированные и стихийно возникшие мифы. Основное назначение мифов состоит в том, чтобы адаптировать сообщество к неблагоприятным условиям жизни, скрывать бездеятельность и тунеядство большей части его членов, сделать сообщество подчиненным авторитету начальства [27, с. 30]. Методологи, будучи посвященными в «секреты» научного сообщества, по сути, десакрализируют, уничтожают ореол святости, таинства, окружающий эти «секреты». Способом этой десакрализации является публично демонстрируемая рефлексия мыслительной профессиональной деятельности, которую реально осуществляют представители данного научно-профессионального сообщества [27, с. 31].

Но наряду с разоблачениями формируется особый метод работы, направленный на построение проектов организации такой коллективной деятельности, которая могла бы обеспечить получение новых результатов в данной профессионально-предметной области. Деятельность такой

создаваемой организации методологи имитируют в индивидуальном мышлении, организованном на основе специально созданных позиционных схем, а затем разыгрывают ее содержание в коллективной коммуникации друг с другом и с членами данного профессионального сообщества. Создаваемые позиционные схемы фиксируют тип профессиональной деятельности, выполнение которой предполагает использование определенных инструментальных методов и средств. Они позволяют выявить связи кооперации и коммуникации между различными типами профессиональных деятельностей. При помощи данной схемы могут быть выделены аспекты, фокусы понимания формируемого объекта, а также типы самоопределения по отношению к той или иной ситуации [27, с. 31].

Таким образом, в конструктивистских моделях философствования субъект выполняет активную преобразующую роль в процессе познания, конструируя собственную картину мира, которая не является зеркальным отражением действительности, поскольку субъект как операционально замкнутая система никогда напрямую не контактирует с окружающими миром, только опосредованно через систему конструктов, которые могут иметь врожденный или приобретенный социокультурный характер. Когнитивные структуры сознания могут быть выражены в виде методологические схемы – абстрактные смысловые конструкции, которые обеспечивают организацию мышления и деятельности, задают обобщенные представления об изучаемых предметах и явлениях, упорядочивают индивидуальный и культурный опыт. А само мышление можно

рассматривать как деятельность, которая конструктивно выстраивается, организовывается, проектируется.

В конструктивистских моделях философствования активность конструктивной природы сознания субъекта имеет свои основания: у Канта конструктивная активность обусловлена априорными формами трансцендентального субъекта, в эволюционной эпистемологии априорные формы мышления рассматриваются как «наследственные рабочие гипотезы», которые прошли естественный отбор, адаптацию, в феноменологии – установками телесности и механизмом «усмотрения сущности», в структурализме – структурами языка и контекстами «языковых игр», которые размывают образы субъекта в смешении всех возможных интерпретаций. Таким образом, основание знаний субъекта следует искать не только в объективной реальности, но и во врожденных формах сознания, в языке и культуре. Знания никогда не являются безличными, всегда содержит не только познавательные «предустановки», но идеологические и ценностные аспекты. Процесс познание, несмотря на субъективацию, включает в себя и объективные компоненты. Так как деятельность познания осуществляется конкретными людьми (субъектами), то, принимая форму знаний, внешний мир субъективируется. С другой стороны, сознание человека наполняется знаниями об окружающем мире (об объекте), следовательно, оно само объективируется. Таким образом, устанавливается содержательное единство между субъектом и объектом познания, которые являются единой системой. Сопряженное единство субъекта и объекта познания так же обусловлено процессом коэволюции.

2.2. Конструктивистское понимание истинности как результата активной деятельности субъекта

Как правило, проблема истинности рассматривается в свете двух альтернативных подходов: реализма и антиреализма. Спор между представителями этих подходов идет на протяжении всей истории западной философии. Как отмечает В.А. Лекторский, суть этого спора заключается в выяснении того, имеет ли познание дело с существующей независимо от него реальностью или же с продуктами собственной деятельности [71, с. 6]. Однако, на наш взгляд, ни в одной философской концепции мы не найдем реализма или антиреализма в «чистом» виде, поскольку «чистый реализм» представляет собой весьма наивную позицию даже для здравого смысла, а «чистый антиреализм» ведет к полному агностицизму. Следовательно, речь может идти только о множестве разновидностей реализма, представленного или в «сильной», или в «слабой» форме, а именно: наивный, метафизический, «прямой», критический, «гипотетический», научный, референциальный, прагматический и др. разновидности реализма. «Сильные» реалисты признают существование материального или идеального миров самих по себе, для них характерна трактовка истины, основанная на принципе корреспонденции. Согласно теории отражения, истинные знания должны соответствовать некой абсолютно независимой объективной реальности.

«Слабые» реалисты ставят под сомнение возможность познания мира самого по себе. Познавая, субъект

не выходит за границы мира опыта, мира феноменов сознания. В данном подходе *мир в себе* выносятся за пределы рассмотрения. «Слабые» реалисты воздерживаются от любого суждения онтологического характера, поскольку «любая действительность, о которой человек может что-то сказать, как-то ее выразить, является его внутренним когнитивным конструктом, который безразлично как называть – то ли знанием о действительности, то ли самой действительностью [147, с. 58]. Конструктивистские модели философствования относятся именно к этой группе «реализмов». Их можно охарактеризовать термином Г. Фоллмера «гипотетический реализм» [140].

Его гипотетический характер заключается в том, что мы не можем получить надежного знания о мире. Реалистическая же черта заключается в утверждении как о существовании, так и о познаваемости мира, иначе не было бы самого философствования. Фоллмер выделяет четыре разновидности реализма: 1) наивный реализм (имеется реальный мир, он таков, каким мы его воспринимаем); 2) критический реализм (имеется реальный мир, но он не во всех чертах таков, каким он нам представляется); 3) строго критический реализм (имеется реальный мир, однако ни одна из его структур не является такой, какой она представляется); 4) гипотетический реализм (имеется реальный мир, он имеет определенные структуры, эти структуры частично познаваемы).

Наивный реализм с полным основанием можно считать давно опровергнутым. Критический реализм наиболее полно выражают гносеологические концепции сенсуализма (например, Д. Локк), а также теория отражения

(например, марксистско-ленинская философия). Строго критический реализм близок к агностицизму, наиболее ярко данный взгляд представлен в радикальном конструктивизме. Мы видим, что гипотетический реализм в отношении значимости своих высказываний «слабее», чем прочие виды реализма. Он предполагает, что все высказывания о мире имеют гипотетический характер, однако этот принцип необходим и корректен с философской точки зрения, поскольку является хорошим ограничителем, препятствующим «соскальзыванию» философии в метафизику и психологизм.

Первая гносеологическая проблема, которую преодолевает конструктивизм – это проблема соответствия. Как возможно соответствие знаний субъекта объекту? Как можно зафиксировать это соответствие? Конструктивисты просто «выносят за скобки» данные вопросы, поскольку это соответствие нельзя установить в принципе, любое высказывание о мире предполагает наличие субъекта, который не может быть сторонним наблюдателем. Наблюдатель не может выйти за пределы собственного сознания, форм восприятия и мышления, определенного социокультурного и языкового каркаса. Любая подобная попытка ведет в гносеологии к возврату к метафизике. Наблюдатель не может сравнивать сконструированную им картину мира с реальностью в себе, так как он не имеет прямого доступ к ней, познает ее только опосредованно. Объект познания, с точки зрения конструктивистских моделей философствования, дан субъекту только через него самого. Создаваемые им конструкты реальности онтологизируются и воспринимаются как объекты

в себе. Естественно, критерии истины, которыми пользуется субъект, также выстраиваются, исходя из этих конструкций, поскольку они, как и само знание, находятся в пределах его компетенции.

Представители конструктивизма критически относятся к приверженности реалистов к эмпирическим методам исследования. Наблюдение, которое казалось бы непосредственно работает с эмпирической данностью, всегда является теоретически нагруженным. Восприятие представляет собой процесс интерпретации наблюдаемого с позиции усвоенных ранее знаний, намерений, культурных и ситуативных контекстов. В этой связи для нашего исследования интерес представляет позиция «прагматического реализма» (Х. Патнем). В отличие от метафизического реализма с его «взглядом ниоткуда» и идеалом «безличностной» объективности, прагматический реализм принимает в расчет человеческий интерес и настаивает на философской безосновательности и заведомой обреченности предпринимаемых «метафизиками» попыток выделения какого-то одного («истинного») отношения соответствия между терминами и референтами. Выдвинутый Патнемом теоретико-модельный аргумент показывает, что отношение соответствия (между языком и реальностью) действительно существует, однако, с точки зрения прагматического реалиста, данное отношение не является единственным в своем роде и инвариантным, возможны разные «соответствия», оправдывающие разные описания (картины) мира. Познание – не пассивное (как в зеркале) отражение независимой от познающего субъекта реальности,

а активный процесс производства знания и закрепления убеждений. Например, высказывание «А есть причина В» и «А₁ есть причина В» могут быть вполне совместимы: сердечный приступ у пациента можно объяснить как нарушением предписаний врачей, так и высоким уровнем холестерина в крови. Мы выбираем тот или другой вариант объяснения, руководствуясь соображениями контекстуальной уместности и прагматической целесообразности [39, с. 115]. Концептуальный релятивизм Патнема не отрицает объективной реальности, но допускает возможность различных (когнитивно эквивалентных) концептуализаций – альтернативных картин реальности. Всякое описание «объективного мира» является, во-первых, *описанием* мира (прагматический аргумент против метафизического реализма), а во-вторых, описанием *мира* (реалистический аргумент против антиреализма и агностицизма).

Прагматический реализм Патнема исходит из идей классиков прагматизма, в частности идей У. Джеймса, который отрицает субъект-объектную дихотомию: только через призму человеческого сознания, через рефлекссию и посредством нее реальность, по Джеймсу, обретается нами: во-первых, в качестве объектов «внешнего» мира, схватываемых в восприятии и, во-вторых, в качестве «аффектаций» нашей субъективности. По мнению прагматистов, задаваясь вопросом о том, что в нашем восприятии мира «дается» извне, а что «прибавляется» нами самими, так же бессмысленно, как пытаться решить, какая нога важнее для здоровой ходьбы – левая или правая. Зрение не дает нам прямого доступа к уже готовому миру, но «открывает»

для нас объекты, которые частично структурируются и создаются самим механизмом зрения. Если мы примем радуго в представлении физика за радуго «в себе», то окажется, что у этой «физической» радуго нет никаких полосок: спектроскопический анализ фиксирует гладкое распределение частот. Красные, желтые, зеленые и синие полосы – особенность «перцептивной радуго», а не «радуго физика». И все же мы не считаем зрение несовершенным или «искажающим объективность» на том основании, что оно видит полосы; наоборот, дефектное зрение у того, кто не видит их [39, с. 121].

С научным экспериментом дело обстоит точно также. Б. Латур и С. Вулгар в своей работе «Жизнь лаборатории: социальная конструкция научных фактов» показывают не только эмпирическую, но и социальную обусловленность любого научного факта. Научный факт, исследуемый учеными, является во многом социальным конструктом. Социальный конструкт создается в результате взаимодействия ученых друг с другом в ходе практической деятельности, при этом он не имеет самостоятельного значения вне этой деятельности. Таким образом, любой социальный конструкт (в том числе и научный факт) определен социокультурным контекстом [128, с. 42]. Латур создает свою конструктивистскую модель, которая показывает влияние социума на конструирование объекта, он называет ее «актор-сеть». Под сетью понимается совокупность социокультурных связей и отношений между субъектами (актерами), участвующими в познавательной деятельности. По сути, «актор-сеть» можно рассматривать как коммуникационную

систему, в процессе функционирования которой формируется представление о реальности. Свойства и онтологический статус исследуемого объекта являются результатом приобретенной им «сетевой позиции» – места в ряду связей и отношений коммуникационной системы [128, с. 45 – 46]. Субъект и объект имеют относительные характеристики, поэтому можно говорить только о «квази-субъектах» и «квази-объектах», которые вовлечены в бесконечный процесс конституирования. Так, по Латуру, мир является производным от смешанной реальности (природа – мир объектов и культуры – коллектив субъектов), а любые научные знания и факты создаются в рамках определенного исторического контекста и поддерживаются в коммуникативных связях с другими «сущностями-гибридами». Нарушение и трансформация связей внутри коммуникационной системы может привести к «исчезновению» того или иного научного факта из поля зрения исследовательской программы [128, с. 45 – 46]. Это объясняется тем, что научный факт является одновременно как естественным образованием, так и искусственным конструктом. Таким образом, наука, как и любая другая форма культуры, работает со знаниями и фактами, которые пригодны для данного исторического и социокультурного хронотопа.

Итак, для конструктивистских моделей философствования характерны концепции истины, свойственные гипотетическому реализму: когерентная, конвенциональная, прагматическая.

И. Кант первым привносит конструктивистские идеи в понимание процесса познания, что приводит к трансформации понимания истины. Он критикует аристотелевское

понимание истины как соответствия. Кант замыкает весь познавательный процесс на трансцендентальном субъекте. Поскольку человек не способен познать *вещи в себе*, он постигает лишь феноменологическую действительность, созданную миром опыта. *Вещи в себе* и явления не тождественны друг другу, а связаны друг с другом процессом преобразования реальности сознанием индивида. Результат познания, с точки зрения философа, определяется правилами мышления, а не вещами в себе, которые остаются закрытыми для субъекта, поэтому истина соотносится с законами мышления и лишена прямого соответствия предметам. Философ вводит собственный формальный критерий истины, согласно которому знание является истинным, если оно получено в соответствии с категориями рассудка. Как отмечает Г.Д. Левин, достоверность знания по Канту означает соответствие одного явления субъективной реальности – знания – другому явлению субъективной реальности – критерию истинности [69, с. 69]. Истина субъективируется. Знания проверяются на соответствие данным опыта, будь то опыт теоретический, социальный или эмпирический. Поэтому главной целью познания является достижение единства данных нашего опыта.

Данные идеи Канта развиваются и существенно перерабатываются конструктивистскими моделями философствования эволюционистов. В эволюционистском конструктивизме понятие истины, по сути, замещается понятием адаптации. Когнитивные структуры (априорные формы) рассматриваются как способы и формы адаптации к условиям окружающей среды, поэтому они соответствуют реальности

ровно настолько, насколько они обеспечивают жизнеспособность сформированных когнитивных структур. Поскольку нет возможности взглянуть на реальность саму по себе и сравнить с ней свои знания о ней, любые когнитивные структуры являются рабочими гипотезами, которые поддерживаются, пока они проходят проверку опытом, выполняют адаптивную функцию. Истинное знание трактуется в духе прагматизма – это то знание, которое наиболее эффективно выполняет свою главную функцию – делает организм наиболее приспособленным, расширяя пространство опыта за счет возможности успешного предсказания будущего. Именно такой критерий истинности применим к философскому дискурсу радикального конструктивизма. Большинство конструктивистских моделей эволюционизма предполагают непосредственную связь органов чувств с внешним миром, радикальные конструктивисты данную связь ставят под сомнение. Однако для рассматриваемого нами вопроса это не столь важно. Важно то, что воспринимая мир, субъект работает как операционально замкнутая аутопозная система, он адаптирует поступающий материал в соответствии с конструктивистскими особенностями организма. «Достоверное знание» или «истина» может означать только то, что некое высказывание или действие имеет высшую степень правдоподобия только в пределах той или иной формы опыта. Принцип придания силы достоверности базируется на рекурсивной перепроверке того, что непрерывно дается нам актуальным образом, причем относительно уже имеющегося опыта. Истинное знание должно быть жизнеспособным,

то есть вписываться в целевые или дескриптивные контексты, в которых его используют [147, с. 49]. Его жизнеспособность проявляется как на сенсомоторном уровне, обеспечивая выживаемость организма, так и на рефлексивном уровне, создавая равновесие структур ментального и чувственного. Истинное знание представляет собой адаптивную когнитивную конструкцию, которая позволяет организовать мир опыта и придает устойчивость структурам картины мира.

Неокантианцы, как говорилось выше, пошли дальше Канта в «идеализации» моделей чувственного и когнитивного опыта. Если для Канта первоначальное знание о реальности субъект получает посредством априорных форм чувственности, то у неокантианцев весь опыт обусловлен когнитивными формами, тем самым была вынесена за скобки кантовская идея *вещи в себе*, была прервана тонкая нить, связывавшая когнитивный опыт с эмпирической реальностью. По мысли В. Виндельбанда, сравнение следует понимать как деятельность «внутри» самих структур сознания, оно возможно лишь между двумя содержаниями одного и того же сознания. Поэтому о сравнении вещи с представлением никогда не может быть речи, если сама «вещь» не есть представление. Ошибочное мнение, будто представления сравниваются с вещами, вытекает лишь из того, что обычное сознание принимает чувственные впечатления за сами вещи. Так как вещь и представление несоизмеримы, у нас нет ни малейшей возможности решить, совпадает ли представление с чем-либо иным, кроме другого представления [69, с. 58 – 59]. Чистая мысль

с ее априорными принципами является единственным источником познания. Истина с позиции неокантианцев не нуждается в онтологическом обосновании, истинность знаний устанавливается согласно «заданным» логическим установкам, методам самого научного познания. Символы выступают в качестве идеальных образований, идеальных объектов, задачей которых является не отображение реальности, а раскрытие способов ее конструирования. Таким образом, неокантианцы в качестве критерия истинности используют принцип когеренции, внутренней согласованности и непротиворечивости знаний в общей системе когнитивных структур.

У Э. Кассирера истинное знание опять-таки соотносится не с какой-либо онтологией, а с определенной формой культуры, к которой оно принадлежит. Субъект, погруженный в ту или иную символическую реальность культуры, конструирует ее в соответствии с правилами и нормами символического ряда, их шифровки и дешифровки, опредмечивания и распредмечивания. Освоение этих правил и норм дает возможность каждому субъекту влиться в мир культуры. Таким образом, истина понимается Кассирером конвенционально. Она целиком обусловлена культурой и ее символическими формами. Наличие разных способов описания действительности свидетельствует об относительности истины, о плюрализме интерпретаций действительности. По мысли Н. Гудмена, неизбежным следствием этого является множественность онтологий, множественность реальностей. Оценить истинность знаний и представлений о реальности возможно

только в рамках определенной, априорно заданной системы координат. Материал для построения собственной картины мира субъект берет из ранее созданных моделей реальности, руководствуясь критериями полезности, просты, удобства. Истина, в понимании Гудмена, имеет прагматический, функциональный характер.

В конструктивистских моделях структурализма реальность представлена как текст с множеством вариантов его толкования. Проблема истинности сводится к особенностям и правилам интерпретации. Значения и смыслы, имеющие хождение в языке, настолько вариативны, что одно и то же слово может отсылать к разным формам реальности и наоборот. Понятия утрачивают свои денотаты, в мире-тексте означающее всегда находится в отрыве от означаемого. Невозможно установить соотношение между знаками и реальностью, поэтому сама претензия на единственно верное (истинное) понимание текста является безосновательной. Язык замкнут на себе, поэтому любые предположения о реальности вне текста являются пережитком старой метафизической философии. Истина устанавливается совокупностью правил языковых игр, согласно которым организуется когнитивные практики субъекта.

Конструктивистские модели феноменологии тоже используют конвенциональный критерий истины. Поскольку «внешняя» реальность выносится за скобки, бытие и мышление отождествляются. Корреспонденция, «очевидность» рассматриваются как «психологизмы», от которых следует избавиться. Согласно Э. Гуссерлю, «очевидными» могут быть только феномены сознания, которые

даны непосредственно, в чистом виде и освобождены от естественных и культурно-исторических «установок», отсылающих к предметной реальности (феноменологическая редукция). В конструктивистских моделях социальной феноменологии (П. Бергер и Т. Лукман) очевидными являются только те знания, которые легитимированы в социокультурной среде. Естественно, такие знания могут иметь сомнительный характер с точки зрения научной рациональности, научных парадигм, но тем не менее они активно используются в социуме как достоверные и очевидные. Такая «очевидность» устанавливается в результате исторически закреплённого соглашения (конвенции) представителей различных социальных институтов, которое обеспечивает и поддерживает упорядочивание общественной жизни, типизацию поведения и мышления индивидов. Социальные конструкты знаний о действительности передаются каждый раз новому поколению и воспринимаются им как знания об объективной реальности.

Этот принцип распространяется не только на мир знаний повседневности, но и на науку. Научное знание тоже представляет собой определённую социальную конструкцию, которая возникла конвенционально и закрепились в виде научных парадигм или научно-исследовательских программ. В силу их «несоизмеримости» (тезис Куна-Фейерабенда) вообще проблематично говорить об истинности или ложности научных теорий, «можно лишь определить, какие теории данное научное сообщество в конкретных исторических условиях в силу каких-то социальных причин принимает и поддерживает, а и какие нет [71, с. 8].

Таким образом, с точки зрения конструктивистских моделей философствования, критериями истинности знаний могут быть принципы когеренции, конвенции, прагматизма, референции и др. – все, за исключением принципа корреспонденции. С позиции конструктивизма не существует всеобщих, универсальных критериев, дающих возможность соотношения мышления самого по себе и реальности самой по себе. Эта позиция с точки зрения конструктивистских моделей философствования рассматривается как наивная или метафизическая. «Гипотетический реализм» конструктивистов существенно расширяет традиционное понимание философского реализма и вообще традиционное представление о реальности. С точки зрения «гипотетического реализма» появляется возможность говорить не только об видимых объектах «мезомира», но об объектах, которые не укладываются в диапазон сенсорной системы человека, бытие которых выявлено теоретически, т.е., по сути, их существование является гипотезой (атомы, электроны, кварки). Подобные теоретические конструкты давно приобрели в науке статус реальных объектов.

Позиция «гипотетического реализма» может с полным правом именоваться «конструктивным реализмом». Именно к такой разновидности реализма В.А. Лекторский относит конструктивистскую модель Дж. Гибсона. Согласно его концепции, любой акт познания не является простой «ментальной репрезентацией», а выражает активный процесс извлечения информации об окружающем мире, которая соотносится с потребностями познающего. Таким образом, субъект получает знания, которые с одной стороны

соответствуют внешнему миру, а с другой – «презентируют мир с точки зрения особенностей субъекта, его потребностей и возможностей действия» [71, с. 25]. Раз субъекты наделены своего рода свободой выделения предпочтительных познавательных областей, а их выбор обусловлен их потребностями и возможностями, то и картины реальности существенно отличаются. И хотя таракан, кошка и человек живут в одном мире и воспринимают то, что действительно есть, а не то, что они помыслили, они одновременно живут в разных мирах, ибо из всего многообразия существующих возможностей они выделяют только некоторые – важные для них (можно сказать, что их онтологические схемы различны).

«Конструктивный реализм» развивает понимание познания как деятельности в рамках динамических когнитивных систем. Познание с этой точки зрения – это не что-то, происходящее «внутри» познающего существа, а динамический процесс, при котором психика, тело познающего существа и реальный мир – это лишь три аспекта некой единой деятельности. Предполагаемое с точки зрения корреспондентской теории истины резкое противостояние «внутреннего» и «внешнего» снимается. Познание со всеми своими конструктами имеет дело с реальностью, но вместе с тем познающее существо «вырезает» из реальности именно то, что соотносимо с его деятельностью. Именно в этом направлении нам видится дальнейшее развитие когнитивистики в современной эпистемологии и тот вклад, который вносят в это развитие конструктивистские модели философствования.

Таким образом, конструктивистские модели философствования отрицают аристотелевское понимание истины. Истинное знание не является отражением объективной действительности, поскольку не существует независимых от субъекта познания (индивида или общества) критериев истинности знаний, нет константного и непосредственно доступного для познавательной активности субъекта мира. Реальность, которую познает субъект, является совокупностью конструкций его феноменологического опыта. Поэтому, на наш взгляд, конструктивистские модели философствования уместно относить к «слабому (гипотетическому) реализму». Конструктивистские модели философствования рассматривают все знания в качестве рабочих гипотез, которые соответствуют природной и культурной реальности в такой мере, в какой обеспечивают жизнеспособность, пригодность сформированных когнитивных структур, проявляющихся в возможности делать предсказания, допускать или предотвращать те или иные явления и события. Проверка опытом делает знания более вероятным, но в тоже время они не являются в полной мере надежными. Рабочие гипотезы, исходящие из культурной традиции, практически невозможно верифицировать, они «слабы», хотя и соответствуют критериям когерентности, конвенции, прагматизма.

Если у Канта истинность знания зависит от его соответствия данным теоретического, социального, практического опыта, то у неокантианцев истина не нуждается в онтологическом обосновании, поэтому устанавливается согласно «заданным» логическим принципам, методам

самого научного познания. В конструктивистских моделях эволюционизма истинность знаний определяется в духе прагматизма, поскольку она делает организм наиболее приспособленным, расширяя пространство опыта за счет возможности успешного предсказания будущего. Конструктивистские модели структурализма и феноменологии используют конвенциональный критерий истинности, «истинные» знания соответствуют совокупности правил языковых игр, установленных определенным сообществом, являются результатом соглашений между членами определенного сообщества.

Конструктивистские модели философствования признают существование множества моделей реальности, поскольку сознание человека имеет конструктивную природу и выстраивает свои представления на основе ранее сформированных индивидуальных конструктов, врожденных форм мышления, языковых и культурно-исторических установок. Поэтому конструктивизм признает плюрализм истин, их гипотетический характер, который проявляется в различных способах репрезентации реальности, но данные версии действительности являются адаптивными, следовательно, структуры «внутреннего» мира субъекта всегда соотносятся со структурами мира «внешнего» (объекта), представляют собой взаимообусловленную целостность.

2.3. Типология конструктивистских моделей философовствования

Представленные в философских исследованиях классификации конструктивизма А.М. Улановского, И.Т. Касавина, Н.М. Смирновой и др., о которых говорилось выше, не позволяют увидеть всю совокупность течений конструктивизма в единой системе, они упускают из вида конструктивистские тенденции, которые сформировались значительно раньше современного конструктивизма. Поэтому наша типология будет базироваться на основе конструктивистских моделей философовствования, которые, в свою очередь, выявлены из контекста философии. Типологию конструктивистских моделей философовствования мы выстраиваем в соответствии с тремя типам философовствования: гилеоморфизмом, эйдетикой и герменевтикой, которые, на наш взгляд, являются универсальными. Названия и основные характеристики этих типов мы берем со ссылкой на исследование Г.Б. Гутнера «Гилеоморфизм, эйдетика и коммуникативные практики» [31]. Мы остановились на этой типологии философовствования, потому что она сама имеет конструктивистский характер, акцентирует внимание на том, что служит основой, условием познания, внутренним источником активности познающего субъекта. Водоразделом этих типов философовствования является различное отношение к бытию, которое проявляется либо опосредованно через априорные формы, либо характеризуется непосредственным видением бытия, либо выступает как результатом коммуникативных практик. В результате мы получаем

типологию, выстроенную по единому смысловому основанию с учетом становления этих моделей, их преемственности и взаимовлияния друг на друга.

Конструктивистский гилеоморфизм. Как уже говорилось ранее, реализацию «конструктивистского проекта» в философии следует начинать с Канта, который стал использовать аристотелевское разделение материи и формы для описания самого процесса познания, придав ему тем самым конструктивистский характер. Если материю и форму рассматривать как тезис и антитезис, то познание будет синтезом. Категории рассудка задают структуру познанной реальности, так как последняя сконструирована по правилам, заданным этими категориями. Таким образом, познание рассматривается как деятельность «по собиранию», проявлению синтезирующего усилия, вводящая некий неоформленный субстрат в рамки категориальных схем. Подобно тому, как у Аристотеля форма не существует без материи, кантовские категории не имеют иного применения, кроме оформления чувственного опыта. Категории существуют только в действии, т.е. в некоем синтезирующем акте познания и не обнаруживаются помимо него. Точно также их нельзя обнаружить и как некие материальные структуры, укорененные, например, в мозге или нервной системе.

Априорные формы не существуют «где-либо» сами по себе. Они проявляют себя лишь тогда, когда мы что-то видим или о чем-то высказываемся. Они суть формы созерцания и мышления, а форма не существует без материи. Априорность ее состоит в том, что она не присуща

материи имманентно. Материя «оформляется» в ходе когнитивного акта. Но вне этого акта никакой формы нет. «Разглядеть» ее можно лишь опосредованно через результат когнитивной деятельности. Конечно, можно абстрагировать форму от познавательного акта, но это абстракция не даст нам знание самой формы. Это будет лишь указанием на ее присутствие как условие осуществления познавательного акта.

Конструктивистский гилеоморфизм рассматривает реальность саму по себе как трансцендентную, т.е. находящуюся за пределами всех концептуализаций. Можно предположить, что система форм, продуцирующих образ реальности, возникает вследствие контакта с этой реальностью и в какой-то мере ее отражает. Однако никакая проверка этого предположения невозможна, поскольку сопоставить наш образ реальности можно лишь с другим образом реальности, но не с реальностью самой по себе.

Итак, во-первых, конструктивистский гилеоморфизм предполагает вторичный характер онтологии, поскольку она производна от системы форм, а все существующее конструируется сообразно этим формам. Во-вторых, конструктивистский гилеоморфизм не допускает никакой интеллектуальной интуиции, поскольку форма как принцип познавательного акта недоступна прямому созерцанию. В-третьих, конструктивистский гилеоморфизм не допускает непосредственного контакта с реальностью, так как форма выступает неизбежным посредником при любой попытке познавательного акта.

Таким образом, ключевым моментом конструктивистского гилеоморфизма является то, что категории рассудка обуславливают структуру познанной реальности (априоризм), не позволяют взглянуть на реальность с позиции стороннего наблюдателя, а онтология всегда вторична по сравнению с конструирующей способностью сознания и познавательного процесса. К данному типу философствования относятся концепции, где результат познания зависит либо от врожденных форм, либо от приобретенных в процессе эволюции или индивидуального развития когнитивных структур.

Итак, конструирование реальности осуществляется с помощью априорных форм чувственного созерцания, рассудка и разума (И. Кант). Человек познает природу, исходя из априорных структур сознания. Априорные формы мышления можно рассматривать в качестве «наследственных рабочих гипотез» (К. Лоренц, Г. Фоллмер), которые прошли эволюционный естественный отбор, т.е. адаптацию. Адаптивные врожденные структуры мышления соответствуют реальности лишь в той мере, которая обеспечивает выживание организма. Адаптивность означает способность упорядочивать мир опыта субъекта, выявлять его закономерности и на основе этого предугадывать будущее (Э. фон Глазерсфельд). Живая (аутопозная) система обладает «операциональной замкнутостью» (У. Матурана, Ф. Варела), поэтому процесс познания уже предопределен особенностью организации и функционирования нервной системы. Аутопозная система способна порождать собственные описания и работать с ними как

с независимыми сущностями, но не может выйти за пределы своей области познания, не может сравнить свои представления реальности с действительностью («само-референтность»).

Врожденные механизмы, являясь «закрытыми программами», представляют собой готовые приспособительные структуры, которые способны воспринимать и обрабатывать ценную для выживания информацию. Они предшествуют опыту и служат предпосылками познания. Таковы «архетипы» (К.Г. Юнг), являющиеся врожденными психическими структурами коллективного бессознательного, и «универсальные структуры» сознания (К. Леви-Стросс), определяющие поведение индивидов, на основе которых конструируется представления о внешнем мире и культурной реальности. Наличие универсальных структур обусловлено биологической конституцией человека, априорно заложено в бессознательном.

Способность субъекта приобретать и накапливать информацию о мире («открытая программа»), хотя и не заключена в геноме, но осуществляется на основе врожденных когнитивных структур. Обобщенные знания, полученные в прошлом опыте – «схемы действия» (Ж. Пиаже), – дают начало конструированию нового знания. Благодаря «когнитивному равновесию» устраняются все противоречия с данными прошлого опыта, что способствует процессу научения, который осуществляется под воздействием взаимодополняющих процессов ассимиляции и аккомодации. Ассимиляция – интеграция новых объектов или новых ситуаций и событий в предшествующие схемы,

т.е. новая информация о реальности укладывается в уже имеющиеся структуры. Аккомодация – приспособление когнитивной схемы к новым специфическим условиям. Аккомодация завершает процесс «когнитивного равновесия», приводящий к тому, что субъект пересматривает свою систему знаний и включает в нее новые когнитивные структуры.

Конструктивистская эйдетика. Если конструктивистский гилеоморфизм можно условно назвать философской «линией Канта», корнящейся в философии Аристотеля, то конструктивистская эйдетика – это «линия Гегеля», уходящая своими корнями в философию Платона. Эйдос, как и форма, является обязательным компонентом познания, он присутствует в любой предметности, обеспечивая ее узнаваемость и познаваемость. Как и форма, эйдос определяет онтологию. Эйдетическая структура определяет структуру бытия. Однако эйдос – это не средство и не способ, а предмет познания, так как именно знание эйдосов определяет знание фактов. Знание форм невозможно, но знание эйдосов – необходимо. Для созерцания эйдоса требуется интеллектуальная интуиция, дающая возможность «увидеть» любую вещь в своем понятии. Если форма опосредует знание реальности, то усмотрение сущности (эйдоса) представляет собой непосредственное, подлинное знание реальности, раскрытое в понятии.

Эйдос – «чистая идея» (Гегель) – постигается в абстрактной стихии определений самого мышления. По большому счету, любое философствование имеет своим предметом само содержание мышления, но лишь в том объеме

его состава, который образуют «определения природы» и «определения духа». В этом смысле логику, по Гегелю, можно назвать наукой об определениях мышления, в основе которого лежит идея системной целостности.

Согласно гилеоморфизму Канта, мы познаем являющийся нам мир, но каков он сам по себе (по своей сущности), мы не знаем. Сущность *вещи в себе* нельзя познать, так как ничем не опосредствуя себя, она тем самым никак не выдает себя и в конечном итоге остается вне пределов досягаемости разума. В эйдетике Гегеля определениям мышления придается онтологический статус, исходя из признания тождества идеального содержания мышления и реального содержания бытия. Тем самым эйдетика преодолевает «агностицизм» гилеоморфизма Канта. Мир познаваем, и познаваем именно таким, каким он нам является. Вне, помимо являющегося нам мира, другого мира не существует. Поэтому, познавая мир как явление, мы познаем вместе с тем и его сущность.

Само понятие *вещи в себе* понимается с точки зрения эйдетики совсем не так, как с точки зрения гилеоморфизма. Например, чтобы вещь могла существовать на собственной основе (в своем понятии), она должна «оформиться», созреть, достичь развитого состояния. Все нераскрытые потенциальные возможности вещь содержит в себе. «Когда мы останавливаемся только на “в себе” предметов, мы понимаем их не в их истине, а в односторонней форме голой абстракции» [24, с. 289]. Например, человек «в себе» есть ребенок, задача которого состоит в преодолении своего абстрактного и неразвитого «в себе» и становлении человека

«для себя», т.е. свободного и разумного существа. «Все вещи суть начала “в себе”, но на этом дело не останавливается», – пишет Гегель [24, с. 289]. Все вещи развиваются в том смысле, что переходят из состояния «в себе» в состояние «для себя». И только достигнув такого развитого состояния, состояния «для себя», вещь становится способной к существованию на собственной основе. Например, материя как «вещь в себе» совершенно абстрактна, полностью лишена каких-либо свойств, однако материя существует для своего другого, для формы. Если слияние различных свойств вещи дает нам определение материи вещи, то восприятие вещи в совокупности ее свойств дает нам определение формы вещи. Таким образом, если убрать абстрагирующий рассудок, следует признать, что материя носит принцип формы в самой себе.

Как известно, определение формы двояко – внутреннее (строение) и внешнее (облик). Если внешняя форма вещи равнодушна к содержанию, то внутренняя форма, наоборот, неотделима от содержания и переходит в него.

Если удерживать определения субъективности и объективности в их раздельности, то эти абстракции будут ускользать от нашего познания. Суть деятельности познания состоит в том, чтобы лишить противостоящий нам объективный мир его чуждости, чтобы уверенно ориентироваться в нем. А это значит, что все объективное надо свести к субъективному понятию, это то, что мы называем «субъективацией». Именно благодаря познавательной деятельности субъекта объективный мир обнаруживает себя, но обнаруживает себя при этом как нечто субъективное, как образное представление или как определение мышления субъекта.

К конструктивистской эйдетике мы относим те концепции, которые придают мышлению онтологический статус, а усмотрение сущности (эйдоса) рассматривается как непосредственное, подлинное знание реальности.

Итак, переход от «естественной установки» (Э. Гуссерль) к познанию сущности предметов и феноменов («чистый поток сознания»), которые являются истинными объектами познания, так как они освобождены от всего эмпирического и психологического, осуществляется на уровне «трансцендентального субъекта». Основополагающей непосредственной аподиктической очевидностью выступают трансцендентальное сознание и мир феноменов, который является его частью. Благодаря интенциональности сознания преодолевается разрыв между субъектом и объектом, они взаимно определяют друг друга. Процесс конструирования феноменологической реальности осуществляется с помощью «усмотрения сущности» (категориальной интуиции, идеирующей абстракции) и априорного синтеза («нахождения горизонта смысла»), при этом сознание не только конструирует феноменологическую реальность, но также осуществляет самоконституирование. Осмысление сознанием разных сторон действительности через себя помогает создать в опыте относительно устойчивое представление о реальности. Конструирование феноменальной действительности осуществляется посредством телесности человека – «сознание-тело» (М. Мерло-Понти), – определяющей горизонт экзистенциального пространства-времени и опыта человека.

Средством субъективации содержания индивидуального сознания и системы представлений человека о реальности являются «универсальные языковые структуры»

(Ф. де Соссюр). Познаваемая реальность, таким образом, есть совокупность знаковых систем и культурных текстов. С помощью логического анализа путем уточнения слов и предположений, которые составляют знания о реальности, мы можем достичь подлинного (сущностного) знания о мире – «логический атомизм» (Б. Рассел). При этом сам «децентрированный субъект» (Ж. Лакан) растворен в формах языкового порядка. Языковая сеть опутывает мир и сводит реальность и бытие к языку, поэтому субъект с его феноменами всецело принадлежит к сфере символического.

Конструктивистская герменевтика. Априорные формы можно рассматривать не только как способы презентации реальности, но и как нормы общения, гарантирующие понимание. Нормы общения представляют собой не столько знания о реальности, сколько коммуникативные правила, установленные в том или ином сообществе. Каждый участник коммуникации выражает свое знание в общепринятой форме. Таким образом, коммуникативные правила представляют собой одновременно и принципы объяснения (онтологический аспект) и принципы понимания (герменевтический аспект). Это две стороны единого коммуникативного процесса.

Конструктивистская герменевтика также говорит о вторичности онтологии. Даже если на неких нижних уровнях анализа коммуникации мы можем прикоснуться к ее «материи», говоря о телесности, звуках голоса, движениях тела, однако и эта «материя» будет сообразована с некой формой, придающей ей коммуникативное значение. Далее лишь остается предполагать присутствие некой непроницаемой,

бессознательной, протокоммуникативной стихии, о которой можно говорить только языком символов.

С учетом этого, онтология является производной не просто от форм познания, но и от форм коммуникации. Образ реальности, разделяемый сообществом, и законы, определяющие поведение объектов реальности, представляют собой отражение коммуникативных правил, «форм жизни» (Л. Витгенштейн) общества.

В связи с этим, даже такая эйдетическая структура, выделяемая Э. Гуссерлем, как «жизненный мир» представляет собой структуру живого общения людей, включенных в повседневные коммуникативные практики. Центральное место здесь занимает вопрос о понимании. Коммуникативное действие здесь можно рассматривать как «прояснение сути дела» (Х. Г. Гадамер), т.е. как трансляцию и раскрытие смыслов (эйдосов), в той или иной мере разделяемых сообществом. Иными словами, основой коммуникации является герменевтическое усилие, возобновляющееся истолкование наполненных смыслом языковых выражений. Это усилие имеет одинаковую (эйдетическую) природу и при прямом общении людей, и при интерпретации текстов, так как любая коммуникация предполагает знание неких исходных очевидностей, сущностей. Ведь коммуникация – это прежде всего осмысленное действие.

Л. Витгенштейн в своей работе «О достоверности» фиксирует существование таких знаний, по поводу которых у нас нет никаких сомнений [16]. Это базовые убеждения, разделяемые нами и, как правило, не обсуждаемые в силу их безусловной достоверности. Конструктивистская

эйдетика возводит их к интеллектуальной интуиции, усматривающей сущность. Витгенштейн же объясняет достоверность таких убеждений, исходя из их коммуникативной природы, т.е. в духе конструктивистской герменевтики.

По мысли Витгенштейна, достоверность носит системный характер, т.е. определяется прежде всего тем, что убеждения согласуются с множеством других убеждений, разделяемых нами и постоянно воспроизводимых в общении. Кроме того, достоверность определяется нашей способностью действовать соответствующим образом. Система знаний не есть предмет созерцания. Это взаимосвязанная совокупность вопросов и ответов, т.е. закреплённое обществом требование давать на определённые вопросы определённые ответы.

Таким образом, конструктивистская герменевтика включает в себя модели, в которых образ реальности является продуктом социокультурного опыта, а истинность суждений о нем проясняется и закрепляется в процессе коммуникации.

Итак, «интерсубъективность» обусловлена процессами «хабитуализации», «реификации», «легитимации» (П. Бергер, Т. Лукман) и является продуктом коммуникативного взаимодействия. Поскольку субъект всегда находится в процессуальном единстве с социокультурной средой, даже реифицированные им социальные институты также являются, по сути, продуктами его творческой активности, что, как правило, им не осознаётся в полной мере. В свою очередь социальные институты оказывают непосредственное влияние на мировоззрение человека через преемственность схем

типизации значений, поведения, ролей, усвоенных в процессе социализации. Человек истолковывает социокультурные символы согласно «сетке предпочтений» (П. Рикер), характерной для определенной общепринятой теоретической системы или научной парадигмы.

Интерсубъективной социокультурной реальности свойственна осмысленность. Эта осмысленность объясняется погружением субъекта в контекст «языковых игр» (Л. Витгенштейн). Целью языковой игры является устранение «ловушек» естественного языка путем постоянного «перевода» непонятных предложений в более совершенные, помогающие строго описать объект или явление согласно «сетке предпочтений». Интерсубъективная социокультурная реальность функционирует только в системе языковых игр и человеческой деятельности.

Поскольку социокультурная реальность погружена в языковые игры, понятия, отсылающие к предметности, в большинстве своем обладают «утопической денотацией» (Р. Барт). Они утрачивают онтологический гарант семантической определенности, естественную связь между означающим и означаемым, ведь денотат в языковых играх не соотносится непосредственно с объективной реальностью, а только опосредованно через реальность знаков и символов.

Так как все проявления реальности, с точки зрения конструктивистской герменевтики, можно рассматривать как своего рода социокультурные тексты, понять эти тексты становится невозможно, не разрушив прежние стереотипы, т.е. не проведя «деконструкцию» (Ж. Деррида). Смысл текста создается только во время его прочтения, он лишен

онтологической укорененности, а следовательно, и направляющего принципа истолкования. Реальность социокультурного текста представляет собой «ризому» (Ж. Делез, Ф. Гваттари) – децентрированную систему, которая развивается в разных направлениях в соответствии с разными интерпретациями смысла.

Итак, во второй главе исследования проведен гносеологический анализ конструктивистских моделей философствования по двум основным аспектам: первый аспект – роль субъекта в познании, второй – проблема истинности. Показана решающая роль субъекта познания, которая проявляется благодаря конструктивной природе сознания человека. Субъект не способен нивелировать влияние на результат познания особенностей организации когнитивного аппарата, социокультурных установок и структур языка, которые индивид получает как данность. Несмотря на то, что активная деятельность субъекта направлена на взаимодействие с реальностью и конструирование адаптивных устойчивых представлений о ней, субъект все равно не может напрямую контактировать с окружающими миром. Его контакт с реальностью представляет собой сложную систему опосредования. По сути, феноменологический опыт субъекта является единственно возможным знанием о мире.

В качестве методологического основания мышления и деятельности субъекта выступают те или иные методологические схемы, относящиеся к сфере разума, на основе которых а priori приобретаются знания и опыт. Методологические схемы становятся реальностью только в рамках мышления и деятельности субъекта и обеспечивают организацию (осуществление) деятельности, способствуют выявлению

новой реальности, задают определенные аспекты социальной жизни. Мышление субъекта может быть описано и представлено как деятельность, так как его можно конструктивно строить, организовывать, проектировать и т.д.

Поскольку субъект конструирует систему знаний, исходя из жизненного опыта и особенностей организации когнитивного аппарата, то, с точки зрения конструктивистских моделей философствования, критерием истинности знаний выступает не принцип корреспонденции, а принципы когеренции, конвенции, прагматизма. Не существует универсальных критериев, дающих возможность соотношения мышления самого по себе и реальности самой по себе. С точки зрения конструктивистских моделей философствования, истинное знание определяется как совокупность рабочих гипотез, которая отвечает принципу адаптивности, пригодности в данных условиях системного отношения организма и среды.

На наш взгляд, единой смысловой основой приемлемой типологии конструктивистских моделей философствования является их соответствие типам философствования гилеоморфизма, эйдетики и герменевтики. Все типы конструктивистского философствования говорят о вторичной онтологии, по сравнению с конструирующей познавательной деятельностью сознания. Существенным признаком является то, чем обуславливается процесс познания: в конструктивистском гилеоморфизме результат познания зависит от априорных форм, имеющих врожденную и приобретенную природу, в конструктивистской эйдетике – от смыслопорождения чистого сознания, в герменевтики – от продуктов социокультурного опыта.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Простой обзор течений конструктивизма дает лишь поверхностное представление о нем. Более глубокое понимание предполагает установление преимущества и взаимовлияний течений конструктивизма, путем использования феноменологического метода. В ходе феноменологического анализа появляется возможность выявить ключевые конструкты, на которых базируются течения конструктивизма, которые служат их концептуальными скрепами. Эти конструкты мы стали именовать «конструктивистскими моделями философствования», на их основе в дальнейшем была выстроена наша типология. Таким образом, нами расширено представление о конструктивизме как форме познания и типе философствования путем установления преимущества и взаимовлияния его течений за счет применения феноменологического анализа.

Первые конструктивистские тенденции философствования можно обнаружить уже в античной философии, а теоретические модели конструктивистской направленности сформировались в философии Нового времени. Но сам «поворот» к конструктивизму в эпистемологии был осуществлен И. Кантом. Главные характеристики этого «поворота» заключаются: во-первых, в априоризме, который является фундаментом формирования и развития конструктивистских идей в философии познания; во-вторых, в признании субъекта в качестве «всеобщего законодателя», а мира – проекцией его творчества; в-третьих,

в феноменологизме познавательного процесса; в-четвертых, в признании системности и «операциональной замкнутости» познавательного процесса посредством «схематизма» синтетического единства явлений в познании. Таким образом, нами установлено, что конструктивистские принципы свойственны концепциям многих философских школ и направлений, как прошлого, так и современности, что дает нам возможность говорить о неких универсальных конструктивистских моделях философствования.

С точки зрения конструктивистского философствования, процесс познания представляет собой выстраивание субъектом проектно-конструктивных отношений с миром, субъективацию действительности, которая обусловлена единой системой взаимно определяющих и взаимно отсылающих друг к другу конструктов. В системе этих конструктов могут быть выявлены как особенности субъекта познания, так и особенности структурирования окружающего мира. Когнитивные структуры обеспечивают устойчивость жизненного опыта субъекта и, как следствие этого, устойчивость структур «внешнего» мира, опосредованных данным опытом. Таким образом, нами выявлены основные методологические принципы конструктивистского философствования как особой формы познания.

В результате гносеологического анализа конструктивистских моделей философствования на основе трех групп таких моделей (конструктивистские модели феноменологии, эволюционизма и структурализма) нами установлено, что эти модели необходимо рассматривать в системном контексте их развития и взаимовлияния. Появляется возможность

синтезировать эти модели в единую картину познавательного процесса, пронизанного междисциплинарным взаимодействием в рамках структурного единства конструктивистской парадигмы.

В качестве предмета, дающего возможность этого синтеза, рассматриваются традиционные гносеологические проблемы субъекта и истины в рамках конструктивистского подхода. Процесс познания представляет собой, по сути, «конструктивистский проект» «сборки субъекта», включающий в себя процесс «наполнения» биологически обусловленных априорных форм сознания содержанием «универсальных языковых структур», растворения субъекта в формах символического, языкового и социального порядка. В таком случае истина в конструктивистском понимании не нуждается больше в онтологическом соответствии и определяется в духе прагматизма и конвенционализма. Таким образом, нами синтезированы конструктивистские модели философствования в единую картину познавательного процесса.

Нами разработан вариант типологии конструктивистских моделей философствования в их преемственности и взаимовлиянии в соответствии с определенными исторически сложившимися типами мышления, традициями философствования: гилеоморфизмом, эйдетикой и герменевтикой. Каждый тип конструктивистского философствования базируется на том или ином ключевом конструкте. В конструктивистском гилеоморфизме – это априорные формы сознания, являющиеся предпосылками субъектности; в конструктивистской эйдетике – феномены

сознания, обеспечивающие субъективацию мира; а в конструктивистской герменевтике – способы коммуникации, служащие условием интерсубъективности.

Именно в этом направлении исследований нам видится дальнейшее развитие когнитивистики в современной эпистемологии и тот вклад, который вносят в это развитие конструктивистские модели философствования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Аналитическая философия: Становление и развитие (антология) / общая ред. и сост. А.Ф. Грязнова. – М.: Дом интеллектуальной книги; Прогресс-Традиция, 1998. – 528 с.
2. Антоновский А.Ю. Обсуждаем статьи о конструктивизме / А.Ю. Антоновский // Эпистемология & философия науки. – 2009. – Т. XX. – № 2. – С. 151 – 156.
3. Аристотель. Метафизика / Аристотель // Сочинения: в 4 т. – М.: Мысль, 1975. – Т.1. – 550 с.
4. Барт Р. Литература и значение / Р. Барт // Избранные работы: Семиотика: Поэтика. – М.: Прогресс, 1989. – С. 276 – 297.
5. Бергер П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – М.: Медум, 1995. – 323 с.
6. Беркли Д. Три разговора между Гиласом и Филонусом / Д. Беркли // Сочинения. – М.: Мысль, 1978. – С. 319 – 324.
7. Богатырева Е.Д. «Преодоление» рациональности в радикальном конструктивизме / Е.Д. Богатырева // Вестник Самарской гуманитарной академии. – Сер. «Философия. Филология». – 2006. – № 1 (4). – С. 64 – 76.
8. Большая советская энциклопедия: соч. в 30 т. / гл. ред. А.М. Прохоров. – М.: Советская энциклопедия, 1976. – Т. 24. – 608 с.
9. Борисов С.В. Основы философии: учеб. пособие / С.В. Борисов. – М.: Флинта, 2010. – 424 с.
10. Борисов С.В. Эпистемология наивного философствования / С.В. Борисов. – М.: Компания Спутник+, 2007. – 369 с.

11. Бурдые П. Практический смысл / П. Бурдые; общ. ред. и послесл. Н. А. Шматко. – СПб.: Алетейя; М.: Ин-т экспериментальной социологии, 2001. – 562 с.
12. Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики / П. Бурдые. – СПб.: Алетейя; М.: Институт экспериментальной социологии, 2005. – 288 с.
13. Ватцлавик П. Конструктивизм и психотерапия / П. Ватцлавик // Вопросы психологии. – 2001. – № 5. – С. 101 – 113.
14. Вертинская О.Э. Генезис конструктивистских тенденций в аналитической философии: дис. ... канд. философ. наук / О.Э. Вертинская. – Мурманск: Мурманский гос. пед. ин-т, 2005. – 180 с.
15. Виноградов Е.Г. Конструктивистские тенденции в современной аналитической философии: автореф. дис. ... канд. философ. наук / Е.Г. Виноградов. – Львов: Львовский нац. ун-т им. И. Франко. – 2001. – 20 с.
16. Витгенштейн Л.О. достоверности / Л. Витгенштейн // Вопросы философии. – 1991. – № 2. – С. 67 – 120.
17. Витгенштейн Л. Философские работы: в 2 ч. / Л. Витгенштейн. – М.: Гнозис, 1994. – Ч. 1. – 612 с.
18. Власова С.В. Соотношение научного знания и реальности / С.В. Власова // Вестник МГТУ. – 2010. – Т. 13. – № 2. – С. 265 – 272.
19. Волошин Е.В. К вопросу об использовании концептуальных схем в целях организации дискурса [Электронный ресурс] / Е.В. Волошин. – Режим доступа: <http://www.philosophy.ru/library/goodman/voloshin.htm>. – (дата обращения 12.09.11).

20. Выготский Л.С. Психология развития человека / Л.С. Выготский. – М.: Смысл; Эксмо, 2005. – 1136 с.
21. Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6 т. / Л.С. Выготский. – М.: Педагогика, 1983. – Т. 1 – 3.
22. Гайденок П.П. Научная рациональность и философский разум / П.П. Гайденок. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – 528 с.
23. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа / Г.В.Ф. Гегель. – СПб.: Наука, 1992. – 444 с.
24. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук: в 3 т. / Г.В.Ф. Гегель. – М.: Мысль, 1974 – 1977. – Т. 1 – 3.
25. Глазерсфельд Э. фон Введение в радикальный конструктивизм / Э. фон Глазерсфельд // Вестник Мос. ун-та. – Сер. 7: Философия. – 2001. – № 4. – С. 59 – 81.
26. Глазерсфельд Э. фон Радикальный конструктивизм: модель познания и научения [Электронный ресурс] / Э. фон Глазерсфельд. – Режим доступа: <http://www.attachment:/1/konstruktivistskaa-epistemologia-zh-piazhe.html>. – (дата обращения: 10.04.11).
27. Громыко Ю.В. Московская методологическая школа: социокультурные условия возникновения, идейное содержание, проблемы развития / Ю.В. Громыко // Вопросы методологии. – 1991. – № 4. – С. 21 – 39.
28. Гудмен Н. Способы создания миров / Н. Гудмен. – М.: Идея-пресс; Праксис, 2001. – 376 с.
29. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии / Э. Гуссерль // Избранные работы. – М.: Издат. дом «Территория будущего», 2005. – С. 241 – 283.

30. Гуссерль Э. Картезианские размышления / Э. Гуссерль. – СПб.: Наука, Ювента, 1998. – 315 с.
31. Гутнер Г.Б. Гилеоморфизм, эйдетика и коммуникативные практики / Г.Б. Гутнер // Наука: от методологии к онтологии. – М.: ИФ РАН, 2009. – С. 152-167.
32. Гутнер Г.Б. Методология, онтология и возвратное движение мысли / Г.Б. Гутнер // Вопросы философии. – 2011. – № 7. – С. 166 – 173.
33. Декарт Р. Сочинения: в 2 т. / Р. Декарт. – М.: Мысль, 1989. – Т. 1. – 654 с.
34. Делез Ж. Капитализм и шизофрения / Ж. Делез, Ф. Гваттари. – Екатеринбург: У-Фактория, Астрель, 2010. – 895 с.
35. Деррида Ж. Голос и феномен и другие работы по теории знака Гуссерля / Ж. Деррида. – СПб.: Алетейя, 1999. – 208 с.
36. Деррида Ж. О грамматиологии / Ж. Деррида. – М.: Ad Marginem, 2000. – 511 с.
37. Деррида Ж. Письмо и различие / Ж. Деррида; сост. и общ. ред. В. Лапицкого. – СПб.: Академия, 2000. – 432 с.
38. Деррида Ж. Структура, знак и игра в дискурсе гуманитарных наук / Ж. Деррида // Вестник Московского университета. – Сер. 9. Филология. – 1995. – № 5. – С. 170 – 189.
39. Джохадзе И.Д. Прагматический реализм Хилари Патнема / И.Д. Джохадзе // Философские науки. – 2011. – № 4. – С. 112 – 127.
40. Дмитриев Т.А. Нельсон Гудмен / Т.А. Дмитриев // Философы двадцатого века. Кн. II / под ред. И.С. Вдовина, Л.Б. Макеева, Г.М. Тавризян. – М.: Искусство XXI век, 2004. – С. 103 – 122.

41. Жорняк Е.С. Нарративная психотерапия [Электронный ресурс] / Е.С. Жорняк, Н.В. Савельева. – Режим доступа: <http://psychotropinka.tut.su/php.html>. – (дата обращения: 7.07.11).
42. Зиновьев А.А. Восхождение от абстрактного к конкретному (на материале «Капитала» К. Маркса) / А.А. Зиновьев. – М.: ИФ РАН, 2002. – 322 с.
43. Ивин А.А. Словарь по логике / А.А. Ивин, А.Л. Никифоров. – М.: Владос, 1997. – 384 с.
44. Ильенков Э.В. Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» К. Маркса. / Э.В. Ильенков. – М.: Институт философии АН СССР, 1960. – 290 с.
45. Ильин И.П. Массовая коммуникация и постмодернизм / И.П. Ильин // Речевое воздействие в сфере массовой коммуникации. – М.: Наука, 1990. – С.80 – 96.
46. Истина в науках и философии / под ред. И.Т. Касавина, Е.Н. Князевой, В.А. Лекторского. – М.: Альфа-М, 2010. – 492 с.
47. История философии: Энциклопедия / сост. и главн. науч. ред. А.А. Грищанов. – Мн.: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2002. – 1376 с.
48. Кант И. Критика чистого разума / И. Кант // Сочинения: в 6 т. – М.: Мысль, 1964. – Т. 3. – 799 с.
49. Кант И. Прологомены ко всякой будущей метафизике, могущей появиться как наука / И. Кант // Сочинения: в 8 т. – М.: ЧОРО, 1994. – Т. 4. – 603 с.
50. Касавин И.Т. Конструктивизм: заявленные программы и нерешенные проблемы / И.Т. Касавин // Эпистемология & философия науки. – 2008. – Т. XV. – № 1. – С. 5 – 14.

51. Касавин И.Т. Обсуждаем статьи о конструктивизме / И.Т. Касавин // Эпистемология & философия науки. – 2009. – Т. XX. – № 2. – С. 144 – 151.
52. Касавин И.Т. Традиции и интерпретации: фрагменты исторической эпистемологии / И.Т. Касавин. – СПб.: Изд-во Русского христианского гуманитарного ин-та и др., 2000. – 310 с.
53. Кассирер Э. Сущность и действие символического понятия / Э. Кассирер // Избранное. Индивид и космос. – М.; СПб.: Университетская книга, 2000. – С. 271 – 391.
54. Кассирер Э. Человеческое познание / Э. Кассирер // Культурология XX век. Дайджест: проблемно-тематический сборник. – М.: ИНИОН РАН, 1997. – С. 63 – 79.
55. Кассирер Э. Философия символических форм: в 3 т. / Э. Кассирер. – М.; СПб.: Университетская книга, 2001. – Т. 1: Язык. – 271 с.
56. Кезин А.В. Радикальный конструктивизм: познание «в пещере» / А.В. Кезин // Вестник Московского университета. – Сер. 7. Философия. – 2004. – № 4. – С. 3 – 24.
57. Князева Е.Н. Будущее, создаваемое человеком / Е.Н. Князева // Философия и культура. – 2009. – № 8 (20). – С. 29 – 39.
58. Князева Е.Н. Конструктивная эпистемология / Е.Н. Князева // Философские науки. – 2010. – № 11. – С. 88 – 103.
59. Князева Е. Познающее тело. Новые подходы в эпистемологии / Е. Князева, А. Туробов // Новый мир. – 2002. – № 11. – С. 136 – 154.
60. Князева Е.Н. Эпистемологический конструктивизм / Е.Н. Князева // Философия науки. – Вып. 12: Феномен сознания. – М.: ИФ РАН, 2006. – С. 133 – 153.

61. Коген Г. Теория опыта Канта: Гл. 16: Система критического идеализма / Г. Коген // Вопросы философии. – 2006. – № 4. – С. 151 – 173.
62. Колесников А.С. Формы субъективности в философской культуре XX века / А. С. Колесников. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2000. – С. 10 – 25.
63. Конструктивизм в эпистемологии и науках о человеке: материалы «круглого стола» // Вопросы философии. – 2008. – № 3. – С. 3 – 37.
64. Конструктивистский подход в эпистемологии и науках о человеке / отв. ред. В.А. Лекторский. – М.: Канон+; РООИ «Реабилитация», 2009. – 368 с.
65. Культурология. XX век. Энциклопедия: в 2 т. – СПб.: Университетская книга; Алетейя, 1998. – Т. 1 – 2.
66. Лакан Ж. О бессмыслице и структуре Бога / Ж. Лакан // Метафизические исследования. – Вып. 14. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского философского общества; Алетейя, 2000. – С. 218 – 231.
67. Лакан Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе / Ж. Лакан. – М.: Гносис, 1995. – 100 с.
68. Латур Б. Когда вещи дают сдачи: возможный вклад «исследований науки» в общественные науки / Б. Латур // Вестник Московского университета. – Сер. 7. Философия. – 2003. – № 3. – С. 20 – 39.
69. Левин Г.Д. Критерии истины / Г.Д. Левин // Философия науки. – Вып. 15. – М.: ИФ РАН, 2010. – С. 58 – 73.
70. Леви-Стросс К. Структурная антропология / К. Леви-Стросс. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. – 512 с.

71. Лекторский В.А. Дискуссия антиреализма и реализма в современной эпистемологии / В.А. Лекторский // Познание, понимание, конструирование. – М.: ИФ РАН, 2007. – С. 6 – 30.
72. Лекторский В.А. Кант, радикальный конструктивизм и конструктивный реализм в эпистемологии / В.А. Лекторский // Вопросы философии. – 2005. – № 8. – С. 11 – 21.
73. Лекторский В.А. Можно ли совместить конструктивизм и реализм в эпистемологии / В.А. Лекторский // Конструктивизм в теории познания. – М.: ИФРАН, 2008. – С. 31 – 42.
74. Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая / В.А. Лекторский. – М.: Эдиториал УРСС, 2009. – 256 с.
75. Ленк Г. Был ли Кант методологическим и гносеологическим интерпретационистом? К кантовскому проекту действительности при условии способности воображения / Г. Ленк // Кантовский сборник: научный журнал. – 2009. – № 1 (29). – С. 19 – 29.
76. Ленк Г. Схемные интерпретации интерпретационный конструктивизм / Г. Ленк // Научные и вненаучные формы мышления. – М.: ИФ РАН, 1996. – С. 114 – 138.
77. Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения: в 2 т. / А.Н. Леонтьев. – М.: Педагогика, 1983. – Т. 2. – 320 с.
78. Леонтьев А.Н. Психология образа / А.Н. Леонтьев. // Вестник Московского государственного университета. – Сер.14: Психология. – 1979. – № 2. – С. 3 – 13.

79. Лоренц К. Кантовская концепция а priori в свете современной биологии / К. Лоренц // Эволюция. Язык. Познание. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 15 – 41.
80. Лоренц К. Обратная сторона зеркала / К. Лоренц. – М.: Республика, 1998. – 493 с.
81. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории / Н. Луман. – СПб.: Наука, 2007. – 641 с.
82. Матурана У. Древо познания / У. Матурана, Ф. Варелла. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 224 с.
83. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия / М. Мерло-Понти. – СПб.: Ювента, Наука, 1999. – 605 с.
84. Микешина Л.А. Философия науки: Современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного исследования: учеб. пособие / Л.А. Микешина. – М.: Прогресс-Традиция; МПСИ; Флинта, 2005. – 464 с.
85. Митина О.В. Психосемантическое исследование политического менталитета / О.В. Митина, В.Ф. Петренко // Общественные науки и современность. – 1994. – № 6. – С. 42 – 54.
86. Никифоров А.Л. Чувственно-вербальное построение предметного мира / А.Л. Никифоров // Эпистемология & философия науки. – 2011. – № 1. – Т. XXVII. – С. 34 – 54.
87. Новейший философский словарь. – 3-е изд. – Мн.: Книжный Дом, 2003. – 1280 с.
88. Новиков А.А. О субъективной обусловленности объективного знания / А.А. Новиков // Познание, понимание, конструирование. – М.: ИФРАН, 2008. – С. 86 – 102.

89. Петренко В.Ф. Конструктивизм как новая парадигма в науках о человеке / В.Ф. Петренко // Вопросы философии. – 2011. – № 6. – С. 75 – 81.
90. Петренко В.Ф. К проблеме психологии сознания / В.Ф. Петренко // Вопросы философии. – 2010. – № 11. – С. 57 – 74.
91. Петренко В.Ф. Многомерное сознание: психосемантическая парадигма / В.Ф. Петренко. – М.: Новый хронограф, 2010. – 427 с.
92. Петренко В.Ф. Что есть истина? (Или наш ответ лорду Чемберлену) / В.Ф. Петренко // Психология: журнал Высш. шк. экономики. – 2005. – Т. 2. – № 1. – С. 93 – 101.
93. Пиаже Ж. Избранные психологические труды / Ж. Пиаже. – М.: Международная педагогическая академия, 1994. – 680 с.
94. Пиаже Ж. Психогенез знаний и его эпистемологическое значение / Ж. Пиаже // Семиотика: Антология / сост., вступит. статья и общ. ред. Ю. С. Степанова. – М.: Радуга, 1983. – С. 90 –101.
95. Пиаже Ж. Схемы действия и усвоение языка / Ж. Пиаже // Семиотика: Антология / сост., вступит. статья и общ. ред. Ю.С. Степанова. – М.: Радуга, 1983. – С. 133 – 136.
96. Платон. Государство / Платон // Собрание сочинений: в 4 т. – М.: Мысль, 1994. – Т. 3. – 654 с.
97. Плеснер Х. Ступени органического и человек: введение в философскую антропологию / Х. Плеснер. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. – 368 с.

98. Плужникова Н.Н. Радикальный конструктивизм как методология исследования культуры: дис. ... канд. философ. наук / Н.Н. Плужникова. – Волгоград: Волгогр. гос. ун-т, 2008. – 164 с.
99. Поппер К.Р. Объективное знание: эволюционный подход / К.Р. Поппер. – М.: Эдиториал УРСС, 2002. – 381 с.
100. Поппер К.Р. Эволюционная эпистемология / К.Р. Поппер // Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – С. 57 – 74.
101. Побережный А.А. Идеи радикального конструктивизма в контексте современной духовной культуры: дис. ... канд. философ. наук / А.А. Побережный. – Курск: Курская гос. сельскохозяйственная академия, 2007. – 161 с.
102. Постмодернизм. Энциклопедия. – Мн.: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2001. – 1040 с.
103. Пржиленский В.И. Идея реальности и эпистемологический конструктивизм / В.И. Пржиленский // Вопросы философии. – 2010. – № 11. – С. 105 – 113.
104. Пригожин И.Р. Порядок из хаоса: новый диалог человека с природой / И.Р. Пригожин, И. Стенгерс. – М.: Эдиториал УРСС, 2003. – 310 с.
105. Проблемы субъектов в постнеклассической науке / под ред. В.И. Аршинова, В.Е. Лепского. – М.: Когито-Центр, 2007. – 176 с.
106. Рассел Б. Философский словарь разума, материи, морали / Б. Рассел. – Киев: Port-Royal, 1996. – 368 с.
107. Ребещенкова И.Г. Проблемы познания в радикальном конструктивизме. Когнитивная нейробиология /

- И.Г. Ребещенкова // Вестник Томского гос. ун-та. – 2010. – № 2 (10). – С. 54 – 63.
108. Режабек Е.Я. В поисках рациональности / Е.Я. Режабек. – М.: Академический Проект, 2007. – 383 с.
109. Режабек Е.Я. Критический взгляд на философию У. Матураны / Е.Я. Режабек // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2006. – № 2. – С. 19 – 26.
110. Режабек Е.Я. Радикальный конструктивизм против научного реализма. Состоятельна ли такая философия? / Е.Я. Режабек // Научная мысль Кавказа. – 2006. – № 1. – С. 30 – 36.
111. Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / П. Рикер. – М.: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 2002. – 624 с.
112. Розин В.М. Знание или схемы: познание мира или его конституирование? / В.М. Розин // КЕНТАВР. – 2001. – Вып. 27. – С. 23 – 30.
113. Розин В.М. Конструирование и обоснование философско-методологических систем / В.М. Розин // Наука: от методологии к онтологии. – М.: ИФ РАН, 2009. – С. 7 – 42.
114. Розин В.М. К проблеме границ конструктивизма / В.М. Розин // Конструктивизм в теории познания. – М.: ИФРАН, 2008. – С. 73 – 87.
115. Розин В.М. Мышление в контексте современности (От «машин мышления» к «мысли-событию», «мысли-встречи») / В.М. Розин // Общественные науки и современность. – 2001. – № 5. – С. 132 – 142.
116. Розин В.М. Типы и дискурсы научного мышления / В.М. Розин. – М.: УРСС, 2000. – 248 с.

117. Розин В.М. Эволюция представлений о мышлении Г.П. Щедровицкого / В. М. Розин // Вопросы философии. – 2004. – № 3. – С. 144 – 155.
118. Свасьян К.А. Философия символических форм Э. Кассирера. Критический анализ / К.А. Свасьян. – Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1989. – 223 с.
119. Секст Эмпирик. Три книги Пирроновых положений / Секст Эмпирик // Сочинения: в 2 т. / общ. ред. А.Ф. Loseва. – М.: Мысль, 1976. – Т. 2. – С. 207 – 380.
120. Синергетическая парадигма: когнитивно-коммуникативные стратегии современного научного познания / ред.-сост. О.Н. Астафьева, П.Д. Тищенко; отв. ред. Л.П. Киященко. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. – 559 с.
121. Смагина М.В. Тематизация социального взаимодействия в парадигме социального конструктивизма: дис. ... канд. философ. наук / М.В. Смагина. – Екатеринбург: Уральский гос. ун-т им. А.М. Горького, 2007 – 163 с.
122. Современная западная философия: словарь / под ред. В.С. Малахова, В.П. Филатова. – М.: ТОН – Остожье, 1998. – 544 с.
123. Соссюр Ф. Заметки по общей лингвистике / Ф. Соссюр. – М.: Прогресс, 2000. – 275 с.
124. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики / Ф. Соссюр. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
125. Соссюр Ф. Труды по языкознанию / Ф. Соссюр. – М.: Прогресс, 1977. – 695 с.
126. Степанов М.А. Опыт мышления тела: к эпистемологии Дитмара Кампера: автореф. дис. канд. философ. наук / М.А. Степанов. – СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т, 2011. – 25 с.

127. Степин В.С. Конструктивные основания научной картины мира / В.С. Степин // Конструктивизм в теории познания. – М.: ИФРАН, 2008. – С. 4 – 30.
128. Столярова О.Е. Между «реальностью» и «конструкцией»: философия в поисках «новой объективности» / О.Е. Столярова // Философские науки. – 2006. – № 8. – С. 74 – 90.
129. Столярова О.Е. Социальный конструктивизм: онтологический поворот (Послесловие к статье Б. Латура) / О.Е. Столярова // Вестник Московского университета. – Сер. 7. Философия. – 2003. – № 3. – С. 39 – 51.
130. Сулова Л.А. Философия Канта (методологический анализ): учеб. пособие для вузов / Л.А. Сулова. – М.: Высшая школа, 1988. – 224 с.
131. Сытых Е.Л. Феноменология паранаучного и псевдонаучного знания / Е.Л. Сытых // Философские вопросы естественных, технических и гуманитарных наук: сб. статей Международной научной конференции: в 5 т. – Магнитогорск: МаГУ, 2009. – Вып. 4. – Т. 1. – С. 18 – 22.
132. Трунов Д.Г. Введение в феноменологию самопознания: монография / Д.Г. Трунов. – Пермь: Пермский гос. ун-т, 2008. – 256 с.
133. Труфанов С.Н. Грамматика разума / С.Н. Труфанов. – Самара: Гегель-фонд, 2003. – 621 с.
134. Труфанов С.Н. «Наука логики» Гегеля в доступном изложении / С.Н. Труфанов. – Самара: Парус, 1999. – 184 с.
135. Труфанова Е.О. Конференция по проблемам конструктивизма / Е.О. Труфанова // Вопросы философии. – 2008. – № 5. – С. 175 – 179.

136. Уайтхед А.И. Избранные работы по философии / А.И. Уайтхед; общ. ред. и вступ.ст. М.А. Кисселя. – М.: Прогресс, 1990. – 716 с.
137. Улановский А.М. Конструктивизм, радикальный конструктивизм, социальный конструктивизм: мир как интерпретация / А.М. Улановский // Вопросы психологии. – 2009. – № 2. – С. 35 – 45.
138. Фарман И.П. Конструктивизм как метод и социально-культурная практика / И.П. Фарман // Конструктивизм в теории познания. – М.: ИФРАН, 2008. – С. 88 – 116.
139. Философский энциклопедический словарь (ФЭС) / гл. ред. – Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов. М.: Советская энциклопедия, 1983. – 839 с.
140. Фоллмер Г. Эволюционная теория познания: врожденные структуры познания в контексте биологии, психологии, лингвистики, философии и теории науки. [Электронный ресурс] / Г. Фоллмер. – М., 1998. – Режим доступа: <http://www.rogov.zwz.ru/Macroevolution/follmer1998.doc>. – (дата обращения 25.07.10).
141. Французский постмодернизм [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://filosof.historic.ru>. – (дата обращения 27.07.11).
142. Фреге Г. Логика и логическая семантика: сб. тр. / Г. Фреге. – М.: Аспект-Пресс, 2000. – 511с.
143. Фройденталь Г. Отсутствующий центр философии Кассирера: Homo faber in abstracto / Г. Фройденталь // Философия и культура. – 2011. – № 1 (37). – С. 8 – 24.
144. Цоколов С.А. Дискурс радикального конструктивизма. Традиции скептицизма в современной философии

- и теории познания / С.А. Цоколов. – Мюнхен: Phren, 2000. – 333 с.
145. Цоколов С.А. Конструктивистский дискурс как философско-методологическая основа изучения когнитивных функций головного мозга (Нейробиологический конструктивизм Герхарда Рота) [Электронный ресурс] / С.А. Цоколов. – Режим доступа: <http://www.fundintent.ru/science/fils005.shtml>. – (дата обращения 13.05.10).
146. Цоколов С.А. Разработка концепции имманентной целостности как основы междисциплинарной философии конструктивизма: дис. ... д-ра философ. наук / С.А. Цоколов. – М.: Московский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, 2002. – 324 с.
147. Цоколов С.А. Философия радикального конструктивизма Эрнста фон Глазерсфельда / С.А. Цоколов // Вестник Московского университета. – Сер. 7. Философия. – 2001. – № 4. – С. 38 – 59.
148. Черникова И.В. Коммуникативная рациональность в когнитивном пространстве постнеклассической науке / И.В. Черникова, Д.В. Черникова // Кантовские чтения. Классический разум и вызовы современной цивилизации: мат-лы Междунар. конференции: в 2 ч. – Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2010. – Ч. 1. – С. 257 – 268.
149. Швырев В.С. О соотношении познавательной и проектно-конструктивной функций в классической и современной науке / В.С. Швырев // Познание, понимание, конструирование. – М.: ИФРАН, 2008. – С. 30 – 47.

150. Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом / А. Шюц. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. – 1056 с.
151. Щедровицкий Г.П. Избранные труды / Г.П. Щедровицкий. – М.: Школа культурной политики, 1995. – 759 с.
152. Щедровицкий Г.П. Методологическая организация сферы психологии [Электронный ресурс] / Г.П. Щедровицкий // Вопросы методологии. – 1997. – № 1 – 2. – Режим доступа: <http://www.circle.ru/archive/vm/vnoms1.html#971>. – (дата обращения 13.05.10).
153. Щедровицкий Г.П. Организационно-деятельностная игра: сб. текстов / Г.П. Щедровицкий. – М.: Наследие ММК, 2004. – 288 с.
154. Юм Д. Исследование о человеческом разумении / Д. Юм. – М.: Прогресс, 1995. – 237 с.
155. Юнг К.Г. Структура психики и архетипы / К.Г. Юнг. – М.: Академический Проект, 2009. – 303 с.
156. Gergen K.I. An invitation to Social Construction / K.I. Gergen. – London: Plenum Press, 1999. – 134 p.
157. Glaserfeld E. von. Radical Constructivism / E. von. Glaserfeld. – London: Falmer Press, 1996. – 245 p.
158. Hacking I. The social construction of what? / I. Hacking. – Cambridge; London: Harvard University Press, 1999. – 261 p.
159. Haken H. Synergetics and the problem of selforganization / H. Haken // Self-organizing Systems: An Interdisciplinary Approach / G. Roth; H. Schwegler (Ed.). – Frankfurt am Main; New York: Campus Verlag, 1981. – P. 9 – 13.
160. Kelly G.A. The Theory of Social Constructs / G.A. Kelly. – London: SAGE Publ., 1987. – 213 p.

161. Maturana H.R., Varela F.J. Autopoiesis and cognition: The Realization of the Living / H.R. Maturana, F.J. Varela. - Dordrecht; Boston; London: D. Reidel Publishing Company, 1980 (1972). - 141 p.
162. Maturana H.R. Biology of language: The epistemology of reality / H.R. Maturana // Psychology and Biology of Language and Thought. - N.Y.: Academic Press, 1978. - P. 27 - 63.
163. Maturana H.R. Biology of self-consciousness. / H.R. Maturana // Consciousness: Distinction and Reflection. - Naples: Bibliopolis, 1995. - P. 145 - 175.
164. Morlean-Ponty M. Le cinema et la Nouvelle psychologie // M. Morlean-Ponty // Sens et nonsens. - Paris: Nogel, 1948. - P. 97 - 122.
165. Nelson A. How could scientific facts be socially constructed? / A. Nelson // Studies in history a. philosophy of science. - Oxford; Elmsford, 1994. - Vol. 25. - № 4. - P. 535 - 547.
166. Putnam H. Two Philosophical Perspectives / H. Putnam // Reason, Truth and History. - Cambridge: Cambridge University Press, 1982. - P. 49 - 74.
167. Putnam H. What is Realism? / H. Putnam // Scientific realism. - Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 1984. - P. 140 - 153.
168. Roth G. Das Gehirn und seine Wirklichkeit: Kognitive Neurobiologie und ihre philosophischen Konsequenzen / G. Roth. - Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1994. - 345 p.
169. Roth G., Schwegler H. Self-organizing Systems / G. Roth. - Frankfurt/M: Campus, 1980. - 521 p.

170. Unger F. Kritik des Konstruktivismus / F. Unger // Heidelberg: Verlag für systematische Vorschung. - 2003. - № 2.
171. Watzlawick P. How Real is Real? / P. Watzlawick. - Boston: Boston U.P., 1979. - 279 p.
172. Winner L. Upon opening the black box and finding it empty: Social constructivism and the philosophy of technology / L. Winner // Science, technology a. human values. - Cambridge (Mass.), 1993. - Vol. 18. - № 3. - P. 362 - 378.

Богданова Вероника Олеговна – кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии и культурологии Челябинского государственного педагогического университета. Автор более 30 научных публикаций.

Сфера научных интересов: онтология, теория познания, феноменология, эпистемология, философия образования.